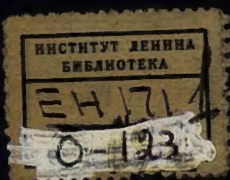
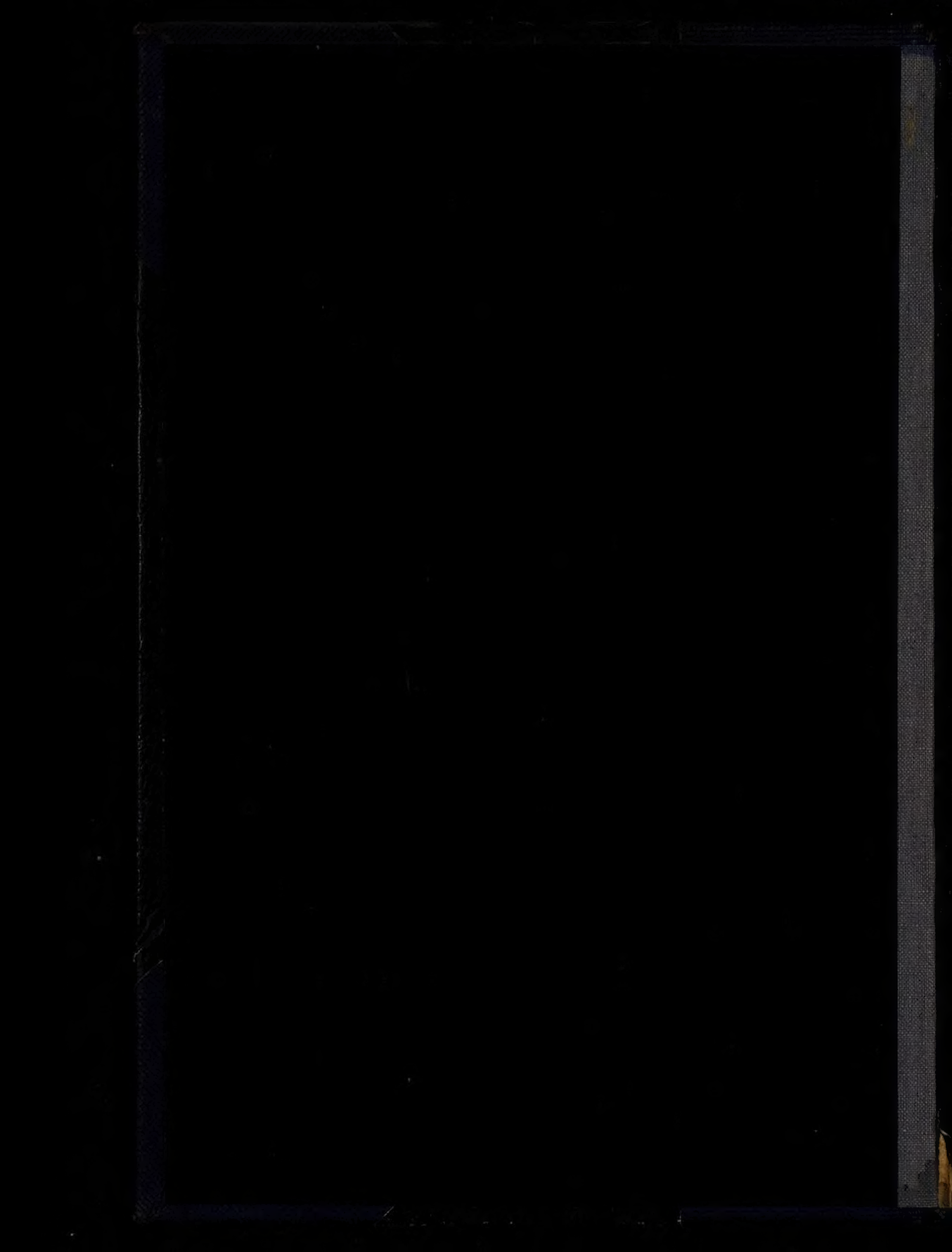
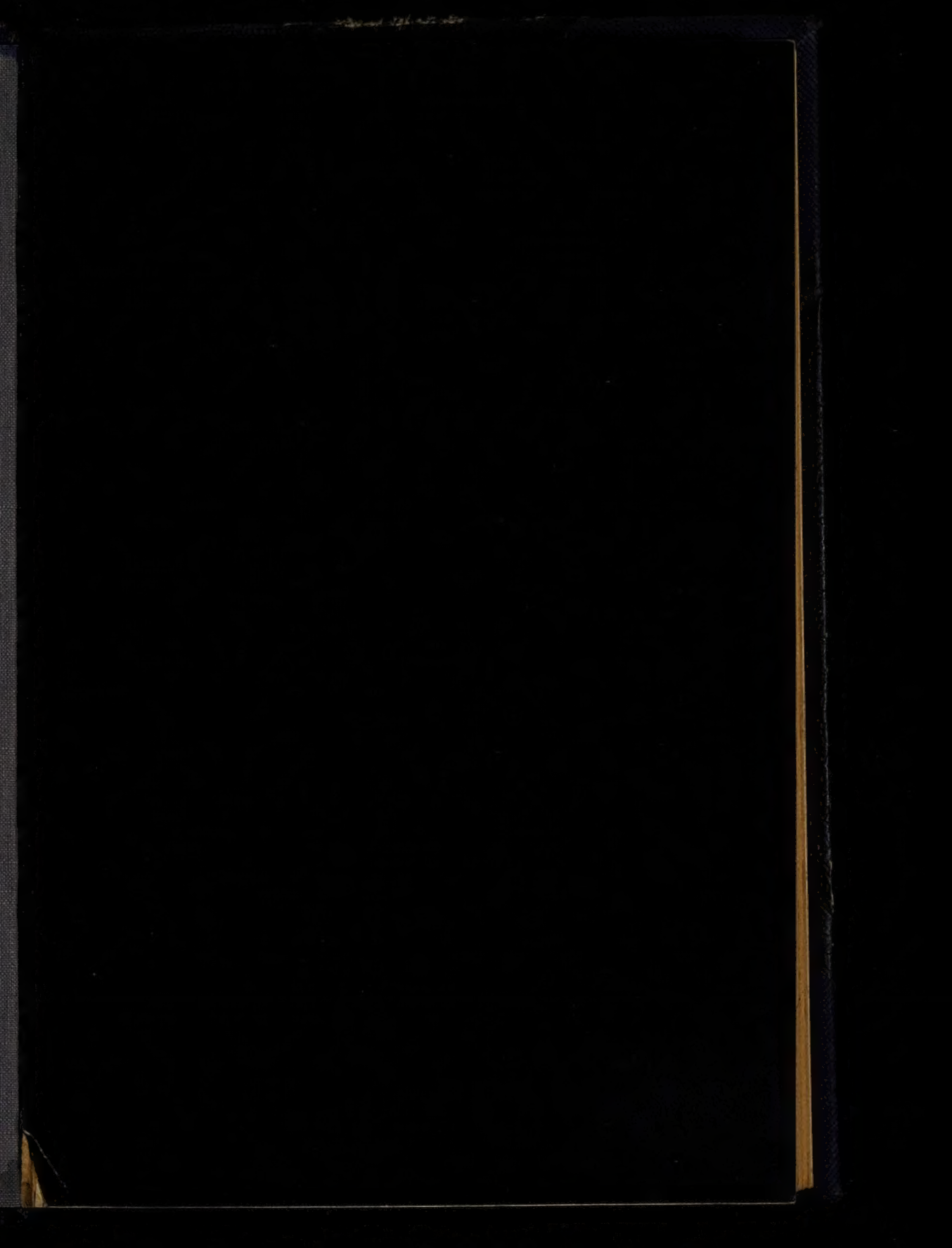

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 171
0-123

АГИТПРОП ЦК ВКП(б)
ИСТПАРТ

Л. Д. ТРОЦКИЙ О ПАРТИИ В 1904 Г.

1928
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИСТПАРТ ЦК ВКП (Б)

Л. Д. ТРОЦКИЙ О ПАРТИИ в 1904 г.

БРОШЮРА Н. ТРОЦКОГО — *„НАШИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ“* С КОММЕНТАРИЯМИ ИСТПАРТА И ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 99909. Гиз № 24142. Тираж 20000 экз.
Типография Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ОТ ИСТПАРТА.

Перепечатываемая ниже брошюра Л. Троцкого (Н. Троцкого)—«Наши политические задачи», написанная в 1904 г., не вошла в собрание сочинений Л. Д. Троцкого, предпринятое им за последнее время. Между тем, знакомство с этой книжкой всех тех, кто захотел бы иметь ясное представление о действительном дореволюционном Троцком и его политической физиономии, как она складывалась в исключительной борьбе с большевизмом и Лениным, является прямо необходимостью.

Более того, мы считаем, что целый ряд идей, особенно организационного порядка, того периода сохранены Л. Троцким и по настоящее время. Вот почему понять современный троцкизм, его «организационную» установку в борьбе против ВКП (б), понять наконец всю ту дезорганизаторскую работу оппозиции, которую она с таким упорством ведет, не заглядывая в историческое прошлое нашей партии, нельзя. Брошюра Троцкого является великолепным материалом для установления органической связи между троцкизмом и меньшевизмом периода новой «Искры» и современным троцкизмом и вообще всей теперешней троцкистской оппозицией.

Перепечатывая этот в высшей степени характерный для троцкизма документ в полной неприкосновенности, мы предпосылаем ему вступительную статью т. Ем. Ярославского, а также, в целях лучшего уяснения позиции Троцкого по вопросам, затронутым в брошюре, даем параллельные выдержки, главным образом из Ленина, в подстрочных примечаниях к тексту, каждый раз особо их оговаривая как примечания редакции. Более значительные статьи и выдержки из произведений Ленина того периода, оттеняющие точку зрения большевизма на эти вопросы, мы помещаем в качестве приложений в конце брошюры.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

У ИСТОКОВ МЕНЬШЕВИЗМА.

Вступительная статья.

„Он (Троцкий. *Ред.*) был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультра-революционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательные соглашения с кадетами (т.-е. фактически опять был с меньшевиками *), а весною 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург „есть скорей различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений". Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра—другой и поэтому объявляет себя стоящим выше обоих фракций".

(Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 307—308.)

„Пришла половина брошюры Троцкого. На мой взгляд, очень хороша, хотя и не ровна".

(Письмо Ю. О. Мартова П. Б. Аксельроду 10. VII, 1904 г. Русский революционный архив, т. I, Берлин, 105 стр.

1. Почему мы издаем „Наши политические задачи".

Л. Д. Троцкий, являясь в то время представителем правого крыла в меньшевизме, настолько выражал аксельродовские идеи меньшевизма, что даже само произведение посвятил «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Как известно, выразителем другой тенденции в меньшевизме был Г. В. Плеханов. Г. В. Плеханов тогда требовал удаления Троцкого из состава сотрудников новой «Искры».

---

* Подчеркнуто мною. *Ем. Яр.*

2 апреля 1904 г. Ю. Мартов писал П. Б. Аксельроду об этом: «С большим упорством он (Плеханов) ставит вопрос на «принципиальную почву», которая сводится к следующему: «Я не могу быть в коллегии, которая систематически пропускает статьи сотрудника, который, по мнению одного члена коллегии, вреден, понижает своими писаниями литературный уровень «Искры». Или Троцкий перестает быть вообще сотрудником, или Плеханов выходит. Для него морально невозможно работать при сотрудничестве Троцкого». (Письма. Стр. 102.)

Истпарт восполняет пробел в истории партии, опубликовывая «Наши политические разногласия»—этот меньшевистский документ—без всяких изменений.

Почему мы подчеркиваем это обстоятельство,—что документ этот издается без всяких изменений? Мы вынуждены это сделать потому, что собрание сочинений Л. Д. Троцкого явно фальсифицирует в целом ряде случаев то, что писал в свое время Л. Д. Троцкий. Мы не имеем возможности здесь, в кратком предисловии к брошюре Троцкого, подробно останавливаться на примерах этой фальсификации. Они были указаны отчасти в нашей истпартовской литературе в отношении 1905 г. Мы позволяем себе здесь привести только один пример такой фальсификации, проделанной с таким принципиально важным документом, как «Программа мира» (Л. Д. Троцкий, Война и революция, т. II, Гиз, 1923, стр. 484—509). На основании сличения с номерами «Нашего слова», где первоначально печаталась статья Л. Д. Троцкого «Программа мира» (№№ 24, 25, 28, 29, 86, 87, 88), мы видим, с какими искажениями эта статья напечатана в сочинениях Л. Д. Троцкого. Она не выражает полностью того, что на самом деле писал Л. Д. Троцкий в свое время по этому вопросу.

В указанном издании имеется сноска, что «в настоящем своем виде эта статья закончена в мае 1917 г., но по существу она представляет лишь переработку статей, напечатанных в «Нашем слове» в 1915—16 гг.». В том-то и дело, что статья преподносилась в том виде, что она составляет «переработку по существу», так как из

нее опущено в издании 1917 г. и последующих изданиях по меньшей мере одна треть того, что писалось на самом деле в этой статье. В ней отдельные части написаны в 1917 г. заново, в ней вставлены отдельные места, которые совершенно придают другой характер, другое направление статье. Таким образом «Программа мира» Л. Троцкого—1917 и последующих годов,—мы утверждаем это со всей ответственностью,—является грубой фальсификацией того, что на самом деле писал Л. Троцкий по этому вопросу. А между тем читатель, не имеющий возможности рыться в архивах Истпарта и библиотеках, читать в подлинниках эти статьи, вводится в заблуждение подобного рода переделками статей по таким принципиальным вопросам. И сам Л. Троцкий отсылает обычно своих читателей к своему собранию сочинений, из которого, таким образом, читатель получает неверное представление о действительных взглядах Троцкого. В самом деле, в «Программе мира» Троцкий спорит с Лениным по поводу лозунга Соединенных штатов Европы и по вопросу о принципе национального самоопределения. Он дает там такую характеристику Ленину: «Особенно характерно для Ленина,—в котором революционный демократизм и социалистическое доктринерство живут параллельно, никогда не сливаясь в живое марксистское целое,—особенно характерно, говорим мы, что прияв Соединенные штаты в политической инстанции и отвергнув в экономической, Ленин умудрился через все инстанции провести принцип национального самоопределения. Тут победа осталась на стороне революционного демократа. Социалист-доктринер не успел отравить его сомнениями на счет осуществления самоопределения на капиталистических основах». («Программа мира», V, «Позиция «Социал-демократа». Н. Троцкий, «Наше слово» № 87/474, Париж, 12 апреля 1916 года.)

Вы не найдите этой характеристики Ленина в «Программе мира» Л. Троцкого, напечатанной им после революции, и не только не найдете этой характеристики, но не найдете и гораздо более важных мест,—целые

страницы вырезаны из этих статей. И таким грубым, чисто механическим способом Л. Троцкий пытается предстать в ином свете перед читателем, отсылая его к своим статьям в доказательство того, что он всегда был ближе к Ленину, чем это утверждают его противники. Если это можно назвать иначе чем фальсификацией, то мы затрудняемся придумать другое слово. Л. Д. Троцкий очень любит применять слово «лойяльность». Лойяльно ли по отношению ко всей партии, по отношению ко всем читателям преподносить вместо подлинных взглядов переделку по существу?

Вот почему Истпарт считал необходимым издать без изменений «Наши политические задачи», этот меньшевистский документ, который приобретает в наши дни особое значение в спорах по вопросу о партийной дисциплине, по вопросу об организационных принципах строительства нашей партии, когда мы наблюдаем колебания хотя бы небольшой части партии и возврат этой части партии под руководством Л. Троцкого к истокам меньшевизма, к тому, что составляло суть и душу меньшевизма в 1904 году. В этом убедится всякий, кто внимательно прочтет брошюру «Наши политические задачи» и одновременно соответствующие главы таких работ Ленина, как «Что делать и «Шаг вперед, два назад»» *.

Изданием этой брошюры, таким образом, восполняется существенный пробел в материалах по изучению истории нашей партии, с одной стороны, и с другой,—гарантируется от тех «переработок» и переделок меньшевистских произведений Л. Троцкого, которые преподносятся иногда читателю в собрании сочинений Л. Троцкого. Мы думаем, что вряд ли нужно повторять, насколько это необходимо сейчас. Ведь мы имеем совершенно новое поколение, которое не знает истории нашей партии. Л. Троцкий выступает перед ним в такой роли, которая закрывает, затушевывает, замазывает истинную фигуру этого

* Достойно внимания, что в 1924 г. С. Канатчиков по поручению руководителей ленинградской организации (а руководил ею Г. Зиновьев) написал „Историю одного уклона“ и сделал предметом разбора, главным образом, эту брошюру Троцкого „Наши политические задачи“.

политического деятеля. Ленин неоднократно напоминал в своих литературных работах, что мы должны ознакомить молодое поколение с прошлым Л. Троцкого.

«Старые участники марксистского движения в России,—писал Ленин,—хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура для всех тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому)...

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 г. Троцкий—ярый меньшевик, т. е. от искровцев перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весною 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела, их же идейки.

Такие типы характерны, как **обломки вчерашних исторических образований и формаций***, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию,—одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими.

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с

---

* Подчеркнуто мною. *Ем. Яр.*

кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями *, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, ни с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле единство большинства на почве полного признания указанных решений». («Просвещение», № 5, май 1914. За подписью В. Ильин.) Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 462—463.

Таким образом, издавая «Наши политические задачи», Истпарт следует указанию В. И. Ленина о необходимости знакомить молодое поколение с этой «типичной фигурой», с этим «тушинским перелетом», с обломками вчерашних исторических образований и формаций, «с людьми, не желающими абсолютно считаться ни с партийными решениями»... «ни с опытом современного рабочего движения в России».

Мы обращаем внимание на то, что «Наши политические задачи» вышли под редакцией новой «Искры», как об этом указано в объявлениях в № 72 от 25 августа 1904 г. «Искры». Под редакцией «Искры» вышла брошюра «Наши политические задачи» Н. Троцкого». Следовательно, это не просто произведение пера Троцкого, это одобренное меньшевистской редакцией изложение меньшевистских взглядов. Брошюра Троцкого писалась приблизительно 9 месяцев. Вдохновлен был Троцкий к тому, чтобы написать эту брошюру, фельетонами П. Б. Аксельрода. В № 55 «Искры» от 28/15 декабря 1903 г. появилась статья Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи», «Итоги ликвидации кустарничества», в № 57 от 28/I—1904 г.— «Общереволюционные пролетарские тенденции в нашем движении». Всякий, кто имеет возможность прочесть эти статьи Аксельрода, убедится в том, что Троцкий являлся только истолкователем взглядов П. Б. Аксельрода, добросовестным учеником Аксельрода. Но интереснее всего, что Л. Троцкий, который из двух фельетонов П. Аксельрода развернул целую брошюру, имел в то время «смелость» упрекать Ленина

* Подчеркнуто мною. *Ем. Яр.*

в том, что Ленин, видите ли, «делает очень много статей из фельетонов Аксельрода», а он, Троцкий, не таков. Аксельрод вообще пишет не статьями, а математическими сжатыми формулами, из которых другие, в том числе и Ленин, делают очень много статей (стр. 84). На этот раз «очень много статей», собранных в одну брошюру, написал по поводу двух фельетонов Аксельрода Л. Троцкий. И каждый может убедиться на примере этого литературного произведения Троцкого, что не всегда количество переходит в качество.

2. Ленин в изображении Троцкого.

Чудовищные характеристики, данные в свое время Л. Троцким В. И. Ленину в «Наших политических задачах», разбросанные почти на каждой странице, дышат злопыхательством и каким-то невероятно надутым самомнением Л. Троцкого. Мы вынуждены были собрать их потому, что в сегодняшнем Л. Троцком заговорил громко вчерашний Л. Троцкий, Л. Троцкий «Наших политических задач», Л. Троцкий периода медового месяца меньшевизма. Сегодня Л. Троцкий на других вождей пролетарского движения, на других вождей большевистского авангарда переносит ту же ненависть и приемы борьбы, те же характеристики, какими он вчера награждал Ленина. Оружие, которым борется Л. Троцкий—то же самое оружие, взятое из меньшевистского арсенала. Сегодня Ленин умер, Ленина нет, против Ленина нельзя уже обращать это оружие; оно обращается против живых носителей ленинизма, против наиболее последовательных его сторонников. Вот почему мы делаем это неприятное, но необходимое дело.

В 1904 году Троцкий из «ленинской дубинки», какой он был перед II съездом партии, превращается в дубинку Аксельрода, в дубинку меньшевиков. Он не жалеет красок для того, чтобы изобразить в самом отвратительном виде Ленина, которому, по мнению Троцкого, «к сожалению, не хватает гибкости мысли» (стр. 149), который «отличается большей настойчивостью, чем ясностью сознания» (стр. 136). «Шаг вперед, два назад» Ленина, по мнению Троцкого, надо «освободить от балласта прокурор-

ских конструкций, грубо, неряшливо построенных по системе косвенных улик» (стр. 60). По поводу того, что Ленин разоблачал «барский анархизм» Троцкого, автор «Наших политических задач» обрушивается на Ленина:

«И это марксизм! И это социал-демократическое мышление! Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть!..» * (стр. 160).

Много лет спустя Троцкий будет говорить о том, что Ленин настоящий марксист; но то, что в 1904 г. Троцкий говорил по отношению Ленина, он обрушит на голову других членов большевистской партии, которые будут разоблачать его меньшевистские ошибки так же, как Ленин разоблачал эти меньшевистские ошибки в 1904 г.

Троцкий не считал Ленина диалектиком:

«Диалектике нечего делать с тов. Лениным,—писал он тогда.—Он (Ленин. *Ред.*) обращается с марксистскими «положениями», как с несгибаемыми статьями «Уложения о наказаниях». Сперва находит подходящую статью, а затем копошится в материалах обвинительного акта, изыскивая там признаки преступления, формально отвечающие содержанию карательной статьи» стр. 164—165.

Когда Троцкий войдет в большевистскую партию, он будет расхваливать Ленина как диалектика, но с таким же правом, как он писал это о Ленине в 1904 г., он будет обвинять в отсталых, недиалектических способах мышления других руководителей большевистской партии.

По мнению Троцкого, Ленин „мелочно подозрителен“:

«Эта злостная и нравственно-отвратительная подозрительность Ленина, плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма, является, это нужно признать, наследием и

* Подчеркнуто мною. *Ем. Яр.*

вместе вырождением старой «искровской» тактики. Но те методы и приемы, которые имели свое оправдание в условиях политического момента, в настоящее время должны быть ликвидированы во что бы то ни стало, иначе они грозят полным разложением нашей партии—политическим, нравственным и теоретическим.

Не случайностью, а глубоким «знамением» является тот факт, что вождь реакционного крыла нашей партии *, тов. Ленин, в отстаивании тактических методов карикатурного якобинизма, психологически вынужден был дать такое определение социал-демократии, которое представляет собою не что иное, как теоретическое покушение на классовый характер нашей партии. Да, теоретическое покушение, нисколько не менее опасное, чем критические идеи какого-нибудь Бернштейна» (стр. 193—194).

В 1904 году Ленин для Троцкого был вождем реакционного крыла нашей партии. В 1926/27 г. он обрушивает те же потоки своих пошлых сравнений и злобных характеристик на тт. Сталина, Бухарина и других членов руководящих органов нашей партии. Метод мысли у Троцкого остался тот же самый, методы борьбы те же самые, что и тогда, когда он посвящал свою работу «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду».

И сравнения Ленина, которые делает Троцкий с Бернштейном и другими чуждыми революционному марксизму, чуждыми пролетарской партии идеологами,—эти сравнения Троцкий перенесет впоследствии, когда он войдет в большевистскую партию, на руководящие органы нашей партии. Литератор Троцкий берет верх очень часто над политиком. Он не может удержаться от того, чтобы не блеснуть каким-нибудь экскурсом в область истории, не провести аналогии между Лениным и политическими деятелями других эпох и стран, враждебными пролетариату. Эту манеру Троцкий целиком перенес из эпохи меньшевизма, из меньшевистской партии в нашу партию.

Претендуя на то, что он «по Сократу» ставит диалоги, Троцкий высмеивает организационный план Ленина.

* Подчеркнуто мною *Ем. Яр.*

«Ну, да план, план, план Ленина!

«Вот прекрасно! Все и всегда говорили: организационные планы Ленина, у Ленина есть план... А теперь—вдруг: в чем он состоит?

«Да и про генерала Трошю (это во время осады Парижа было) все говорили: «Il a un plan, Troschu a un plan»... («У него есть план... Трошю имеет план».) А весь-то план его был—отдать Париж пруссакам. Нет, вы мне определенно скажите: в чем состоит организационный план Ленина?» (стр. 130).

Что до того, что генерал Трошю был один из неудачнейших генералов, с которым совершенно нестерпимо сравнение Ленина! Еще Михайловский говорил, что есть люди, владеющие пером, и есть люди, пером владеемые. Троцкий—блестящий литератор, этого от него никто никогда не отнимает,—но очень часто не он владеет пером, а перо им владеет. Как можно было, например, неповрежденному морально человеку сравнивать Ленина... с аббатом Сиэйсом. Троцкий—может, он «все может». По поводу того, что Ленин считал необходимым провести «централизацию руководства и децентрализацию ответственности», т. е. совершенно правильный принцип организационного строительства партии, Троцкий ничего другого не мог придумать в 1904 году, как сказать:

«скажу лишь, что они («принципы Ленина») выражают, повидимому, ту самую идею, которую покойный аббат Сиэйс положил в основу своей конституции: «доверие должно итти снизу... а власть сверху...». «Значит—делает неожиданный вывод Троцкий—и в этих «принципах» пролетариат не найдет себя» (стр. 132).

Впоследствии Троцкий по тому же самому «принципу» будет не стесняясь проводить аналогии между членами Центрального Комитета большевиков, в котором он состоял, и людьми, враждебными пролетариату. Если взять большевистский способ борьбы и большевистские методы, то получается действительно, по выражению Л. Троцкого: «два мира, две доктрины, две тактики, две психологии, отделенные пропастью» (стр. 187).

Мы привели только незначительную часть злостных характеристик Ленина, рассыпанных и вкрапленных в этой небольшой по размерам, но политически важной работе Л. Троцкого. Повторяю, мы сделали это для того исключительно, чтобы показать, какую цену имеют расточаемые в последние годы злостные характеристики нашего партийного руководства, данные Троцким.

Они так же несправедливы, так же неправильны, так же злобно-карикатурны, как и характеристики, данные, в свое время, Троцким Ленину.

В 1904 г. Троцкий уверял, что Ленин метит в диктаторы. Он был убежден в том, что Ленин может стать вождем буржуазной демократии.

«Либо достраивайте ваш теоретический мост между революционно-буржуазной (якобинской) и пролетарской демократией, подобно тому, как вышедшие из марксизма либералы строят мост между буржуазным либерализмом и пролетарским социализмом,—либо откажитесь от той практики, которая толкает вас на такого рода теоретические покушения».

Так „уговаривал“ Л. Троцкий большевиков.

«Либо якобинизм, либо пролетарский социализм!

Либо отступление с единственной принципиальной позиции, вами действительно занятой в борьбе с «меньшинством», либо отступление с поля марксизма, вами формально защищаемого от меньшинства».

«Entweder—oder, тов. Ленин!

...«Почему бы проказнице истории, слышим мы голос тов. Аксельрода, не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального революционного марксизма?». «Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя либералам». Почему бы?» (стр. 196—197).

Ленин был и умер вождем пролетарской революции. Однако ни у кого нет гарантии, что тот, кто пророчил ему возможность стать вождем революционно-буржуазной демократии, не может сам стать этим вождем буржуазной демократии. События последних лет слишком красноречиво говорят об этом. Революционно-буржуазная демократия открыто возлагает на это надежды.

«Отступление с поля марксизма» если и возможно, то, во всяком случае, не для нашей большевистской партии, а для тех, кто с нею ведет борьбу.

Не стоит доказывать сейчас несостоятельность всех взглядов Троцкого этой эпохи, всей порочности мышления Троцкого этой эпохи, всей недостойности приемов борьбы его; но следует отметить одну черту, пронесенную им в неприкосновенности до 1927 года—это невероятное самомнение, из которого вытекает пренебрежительное третирование людей, стоящих десятью головами выше его. Отсюда—это презрительное отношение к такой работе Ленина, как «Шаг вперед, два назад». Ленин для Троцкого «бойкий статистик и неряшливый адвокат». «Письмо к петербургским товарищам», где Ленин излагает свой организационный план, по мнению Троцкого «канцелярская проба пера» (стр. 96).

То ли дело Павел Борисович Аксельрод! или, например, Мартов!

«Верный и проницательный страж интересов пролетарского движения—заканчивает Л. Д. Троцкий характеристику П. Б. Аксельрода—он первый забил тревогу у преддверия того периода, на который «Искра» наложила такую яркую и красивую печать... По самому складу своего мышления, не только по миросозерцанию, по политическому настроению, не только по «программе», он истинный пролетарский идеолог * в том смысле, в каком они имеются только в Германии»..,

«Фельетоны Аксельрода... знаменуют начало новой эпохи в нашем движении...» (стр. 84—85).

Прямо может стошнить от такой характеристики «истинного пролетарского идеолога» П. Б. Аксельрода! По этому же самому рецепту Зиновьев и Каменев объявят в 1927 г. Троцкого «истинным пролетарским идеологом», противопоставляя его тов. Сталину и другим истинным большевикам, членам Центрального комитета большевистской партии, как в свое время Троцкий про-

---

*) Подчеркнуто мною. *Ем. Яр.*

тивопоставлял Аксельрода, «истинного пролетарского идеолога», «революционному демократу» Ленину.

История повторяется... Один раз как трагедия, другой раз как фарс...

Впрочем, одна из характеристик Ленина, которую Троцкий тогда составил для унижения Ленина, заслуживает теперь внимания, как характеристика, которая выпячивает, с нашей точки зрения, весьма положительные черты. Троцкий дает портреты деятелей журнала «Заря».

«Работа реставрации марксизма, занесенного мусором критика, была завершена «Зарей»,—во главе которой, разумеется, шел тов. Плеханов. В. И. Засулич указывала интеллигенции элементы идеализма в нашем материалистическом социализме, мягко но убийственно иронизировала над новыми богами интеллигенции и «манила» ее назад—и в то же время вперед— на службу пролетариату. Старовер подкупал интеллигентного разночинца, давая ему собственный, тонко и помарксистски умно идеализированный портрет... Мартов, Добролюбов «Искры», умел на нашу нищенски-бедную, не сложившуюся, невыразительную общественную жизнь бросить сноп такого яркого света и всегда с такого счастливого пункта, что ее политические, т. е. классовые, очертания выступали с поразительной отчетливостью. А там, где нужно было оформить, закрепить, приковать, завязать мертвой петлей, там, где нужно было: «чтобы не ды-ша-ла!», там решительно и талантливо выступал тов. Ленин» * (стр. 83—84).

Да, это верно. Там, где нужно было оформить политическую мысль нашей партии, где нужно было эту политическую мысль закрепить, приковать, завязать мертвой петлей, там, где нужно было: «чтобы не дыша-ла»,—чтобы дезорганизаторы и раскольники не смели дезорганизовать и раскалывать партию, чтобы оппортунисты и революционеры всех мастей и родов не коверкали марксизма, там,—это правда,—«решительно и талантливо выступал тов. Ленин».

---

* Подчеркнуто мною *Ем. Я.*

3. „Наши политические задачи" — меньшевистский манифест.

Брошюра «Наши политические задачи» Л. Троцкого предвосхитила у меньшевиков план земской кампании. Во главе «Что же делать?» (стр. 103—108) Троцкий целиком формулирует план земской кампании. Этот план состоит в петиционной кампании, которая должна быть развита с тем, чтобы собрать 100—200 голосов рабочих под резолюцией, подписать их крестами, собрать побольше подписей, затем, «когда соберется 500—1 000—5 000 подписей», внести эту резолюцию на съезд либералов. «Как бы ни реагировал съезд на голос сознательного пролетариата, усилия Комитета не пропали даром. Те рабочие, которые вовлечены во время кампании в дело «давления» на радикальную демократию, уже тем самым отделены от нее. Они уже заинтересованы в увеличении своего удельного веса, они уже получили навык, если так можно выразиться—политически осязать свое классовое тело». Бесподобно! Бесподобно и по стилю и по содержанию!

Счастье для русской революции, что пролетариат, под руководством большевиков, научился иначе «осязать свое классовое тело», чем этому учили Аксельроды, Троцкие, иначе революция не победила бы. Конечно, сущий «дремучий вздор», который стыдно опровергать в 1927 г., будто бы в план Ленина не входила кружковая пропаганда (см. стр. 108); но стоит отметить, что Троцкий изображал свое предложение о кружковой пропаганде, как «новое слово», тогда, когда всякий, кто работал в большевистских организациях 1903—1904 гг., знает, что это был период в значительной степени кружковой пропаганды. Мы, старые пропагандисты, знаем это лучше, чем кто бы то ни было другой, и нам смешны были в то время советы Л. Троцкого. Гораздо больше для нас имели значения те указания, какие мы находили в работе Ленина «Что делать?».

Троцкий в «Наших политических задачах» развил те же самые мысли, какие развивал позднее Мартынов в

«Двух диктатурах»,—и развивал с гораздо большим знанием дела. И хотя впоследствии, в такой работе, как «Терроризм», Троцкий сумел отделаться от некоторых своих взглядов периода меньшевизма по этим вопросам, однако его аналогии в 1927 г. с французской революцией, аналогии, которые он сам в 1924 г. объявлял неправильными, либеральными и меньшевистскими, и «тезис о Клемансо» и вся борьба против партии в 1927 году, показали, что не мало меньшевистского мусора осталось в голове Л. Д. Троцкого по этим вопросам от периода «Наших политических задач».

Троцкий берет под прямую защиту экономизм против старой «Искры». В то время как, по мнению Ленина, задача «Искры» заключалась в том, чтобы ликвидировать период экономизма, перейти к более высокой форме развития рабочего движения и партийного строительства,—по мнению Троцкого, экономизм был во многих отношениях куда прогрессивнее, революционнее—и ближе к задачам классового пролетарского движения, чем старая «Искра».

Совершенно ясно, что если движение переходит на высшую ступень, если приходится ликвидировать какой-нибудь изжитый период нашего движения и находятся люди, которые отстаивают отсталые формы движения, отстаивают неправильные организационные принципы пережитого периода, то партия от них отмежевывается. Троцкий скорбит о том, что «каждое новое направление предает своего предшественника анафеме. Прошлый период представляется носителям новых идей не чем иным, как грубым уклонением от правильного пути, историческим недоразумением, узлом ошибок, результатом случайной комбинации теоретических суеверий» (стр. 53).

Ленин, по мнению Троцкого, неправильно относится к эпохе «экономизма». В то время как «экономизм», по мнению Троцкого, был течением, которое главное свое внимание уделяло массовому пролетарскому движению, «Искра» большую часть своего внимания... отдала фракционным разногласиям внутри интеллигенции» (стр. 73).

«Во время «экономизма» работа всецело была направлена

на пролетариат, но принципиально это еще не была социал-демократическая работа. Работа периода «Искры» имела социал-демократический характер, но непосредственно она была направлена не на пролетариат,—поскольку же она была направлена на пролетариат, она носила лишь примитивно демократический характер» (стр. 75).

То ли дело, когда стала работать «Искра» меньшевистская!

Только теперь социал-демократия, как таковая, приступает к пролетариату как к таковому» (стр. 75).

Да, между двумя «Искрами»—старой и новой—«лежит целая пропасть».

Ленин отвечал Троцкому по этому поводу:

«Старая «Искра» учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая «Искра» была органом воинствующей ортодоксии. Новая «Искра» преподносит нам отрыжку оппортунизма—главным образом, в вопросах организационных. Старая «Искра» заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая «Искра» «поумнела» и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая «Искра» неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой «Искре» внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает—независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания—политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной партии, кроме подчинения меньшинства большинству (подчеркнуто мною. *Е. Я.*). Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии. Какой позор! Как они осрамили нашу старую «Искру»! (Ленин, Шаг вперед, два назад, Собр. соч., т. V, стр. 481-82).

Следует также отметить, что, по мнению Троцкого, Ленин гораздо ближе был ко взглядам «Credo», чем экономисты (стр. 98—103). Надо ли это опровергать теперь, когда всякий совпартшколец и вузовец знает лучше, чем Троцкий, что это неправда?!

«Наши политические задачи» явились прямой защитой «барского анархизма», «интеллигентского индивидуализма» в организационных вопросах. Мы на этом положении ниже остановимся более подробно, так как именно в этом вопросе, в вопросе об организационных принципах строения нашей партии, в вопросе о партийной дисциплине **троцкизм сегодня целиком почти повторяет троцкизм эпохи меньшевизма**, эпохи «Наших политических задач». По этому вопросу ознакомление с настоящей брошюрой имеет исключительное значение. Для всех, кто вдумается в требование, выдвигаемое троцкистами в 1926/27 г., кто вдумается в критику «внутрипартийного режима» в большевистской партии, ясно будет, что это есть защита тех самых взглядов на построение нашей партии, какие отстаивал Троцкий-меньшевик в 1904 году.

В «Наших политических задачах» заключаются такие пацифистские лозунги, как «Мир во что бы то ни стало» во время русско-японской войны (стр. 178) Конечно, этот лозунг ничего общего не имел с лозунгом партии революционного марксизма.

В «Наших политических задачах» даны такие формулировки о значении конституционных реформ, что они могут кое-кого толкнуть на путь реформизма, в особенности ссылка на то, что конституционные «реформы Тюрго стоят у преддверия власти французской революции».

«Наши политические задачи»—манифест не только меньшевизма, но и всех будущих буферных, примиренческих, соглашательских групп нашей партии. Отсюда—похвальный отзыв Троцкого по адресу «заявления Центрального Комитета», выпущенного тогдашними примиренцами Носковым, Гальпериным и Красиным, которые пошли на примирение с меньшевиками, дезавуируя Ленина («Искра» № 72 от 25 августа 1904 года), когда примиренческий ЦК решительно высказался «**против**

созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд». Мы, большевики, в то время организовали «Бюро Комитета большинства» и вели агитацию за этот съезд, вопреки меньшевикам, вопреки примиренцам из Центрального Комитета. Троцкий «В наших политических задачах» признал, что меньшевики были организованы во фракцию, чего не хотели признавать меньшевики:

«Меньшинство—пишет Троцкий—как неофициально организованная часть официальной партии боролось против известного партийного режима, вытекающего из совершенно фантастических представлений о путях партийного развития. По этим представлениям партия развивается не путем выживания наиболее прогрессивных программных, тактических и организационных оттенков и течений, но исключительно путем логического извлечения уполномоченным на это Центральным Комитетом (или Органом или Советом)—к сведению и руководству партии и пролетариата—новых тактических и организационных выводов из известных теоретических посылок. Это чисто рационалистическое представление порождает своеобразный, формальный ригоризм, которому всякое «скопление» иначе-мыслящих элементов представляется явлением болезненным, чем-то вроде организационного нарыва, требующего вмешательства руки авторитетного оператора и применения ланцета» (Предисловие, стр. 44). (Подчерк. мною, *Ем. Яр.*)

В 1927 г. неофициально организованная часть официальной партии будет также бороться «против известного партийного режима», будет требовать, чтобы партия развивалась путем «выживания наиболее прогрессивных, программных, тактических и организационных оттенков и течений», будет бороться с формальным ригоризмом, которому «всякое «скопление» иначе-мыслящих элементов представляется явлением болезненным...»

Всякий видит, что эти меньшевистские принципы 1904 г. Троцкого стали знаменем оппозиции в 1927 году.

4. Организация партии и партийная дисциплина.

Внутрипартийная борьба в нашей партии в 1926—1927 гг. пришла к такому моменту, когда многие члены нашей партии стали вспоминать споры с меньшевиками по поводу § 1 устава. В самом деле: те организационные принципы, которые пытается провести оппозиция в нашей партии, являются, по существу дела, организационными принципами, которые отстаивали меньшевики на II съезде партии и позднее. У нас создалось в партии такое положение, когда член партии считает возможным голосовать против проведения 7 часового рабочего дня, в то время как это есть программное требование. У нас создалось такое положение, когда член ЦК Г. Зиновьев голосовал после XIV съезда партии в Политбюро против устава партии. У нас создалось такое положение, когда на требование Московской Контрольной Комиссии и Московского Комитета ВКП (б) распустить подпольные собрания виднейшие руководители оппозиции заявляют, что они не подчиняются распоряжениям МК и МКК, что для них распоряжения этих организаций необязательны. У нас создалось такое положение, когда член партии, организующий подпольную типографию, в которой печатаются клеветнические документы, направленные против партии, заявляет, что он не считает это непартийным делом, что он эту типографию считает партийной типографией только на том основании, что там печатаются документы, составленные теми или иными членами партии. Оппозиция создает такое положение, когда член организации работает вопреки 1 § устава не в организации своей партии, а в подпольной организации другой партии, куда входят в качестве равноправных членов и беспартийные и исключенные из партии. Оппозиция стремится построить нашу партию таким образом, чтобы решения съездов и руководящих органов партии не были обязательны для каждого члена нашей партии и чтобы он мог дискутировать по поводу принятых партией решений когда ему вздумается, независимо от того, есть решение

о дискуссии или нет—и этим самым ломал бы основной принцип организации большевистской партии—безусловное выполнение партийного решения.

Все эти взгляды на партийную дисциплину проповедывались Троцким в «Наших политических задачах» в 1904 году.

«Где же можно найти такое глупое направление,—спрашивает Троцкий,—хотя бы и оппортунистическое, которое позволило бы себя «раскассировать», а своих сторонников «лишить прав», не оказавши предварительно всего противодействия, на которое оно способно?»

И Троцкий отвечает, что в этом случае надо бороться:

«несмотря ни на какую дисциплину... потому, что дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину. Но когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т. е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из Rechtfrage (вопроса права) превращается для него в Machtfrage (вопрос силы) (стр. 152—153).

Короткий смысл этой длинной цитаты заключается в том, что дисциплина для члена партии обязательна «постольку—поскольку». Если ты считаешь решения партии правильными, тогда они для тебя обязательны, если ты с ними не согласен—они для тебя необязательны. Никакого другого смысла эта цитата иметь не может. И мы видим, к сожалению, что современная внутрипартийная оппозиция именно этим принципом и руководствуется.

Троцкий тогда советовал:

«В этом последнем случае, представители крамольного течения—в зависимости от остроты положения—либо раскалывают партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к минимуму, чтобы тем самым обеспечить себе максимум свободы действия и противодействия вредным тенденциям.

Поскольку они будут сознательно высвобождать себя из-под узды партийной принудительности—во имя интересов партии, как они их понимают, и поскольку их влияние позволит им это делать,—постольку жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова «дисциплина». Ничто не может быть менее внушительным, чем фигура политического «вождя», прибегающего в решительную минуту к подобного рода заклинаниям! Это нужно запомнить раз навсегда» (стр. 153—154).

То, что делает оппозиция в 1927 г., это и есть попытка «сознательно высвобождать себя из-под узды партийной принудительности», т. е. сознательно нарушать партийную дисциплину. Троцкий имел в виду Ленина, когда он писал о вожде и брал это слово в кавычки:

«Ничто не может быть жальче, сказали мы выше, фигуры «вождя», пытающегося заворожить несогласных занять горизонтальное положение противников повторением слова: дисциплина. Ленин, очевидно, почувствовал неловкость своего положения и попытался «философски» углубить свои заклинания» (стр. 156).

Правда, Троцкий разъяснял,—и пусть это запомнят все нынешние фракционеры,—что:

«В случае внутрипартийных столкновений, прав тот, на чьей стороне победа,—потому что победа, в конечном счете, всегда окажется на стороне тех, кто лучше, полнее, и глубже понимает задачи революционного дела».

Жаль только, что об этом забывают троцкисты сегодня. Ведь, в конечном счете, и на XIII съезде и на XIV съезде победа оказалась—и, нет никакого сомнения, что и на XV съезде партии окажется—не на стороне Троцкого, а на стороне тех, «кто лучше, полнее и глубже понимает задачи революционного дела».

Вышеприведенная цитата доказывает, таким образом, что здоровые мысли все-таки приходили в голову Л. Б. Троцкого и в 1904 году.

Троцкий возмущается в «Наших политических зада-

чах» тем, что Ленин требовал создания властной партийной организации. Он говорил, что Ленин пытается членов партии «опутать мертвой петлей дисциплины». Троцкий никогда не понимал организационных задач нашей партии. Это не раз отмечали даже друзья Троцкого.

Уфимский, Средне-Уральский и Пермский комитеты писали, что

«надо сказать не только о России, но и о всемирном пролетариате, что ему необходимо подготовлять и *подготовляться* к получению сильной и властной организации... *Подготовка пролетариата к диктатуре*—такая важная *организационная* задача, что ей должны быть подчинены все прочие» (стр. 199).

Троцкий издевается над этим вполне правильным большевистским положением, вошедшим в эпоху III Интернационала целиком в резолюции III Интернационала. Пермские, уфимские и средне-уральские товарищи были на голову выше Троцкого того периода. Он этого не понимал, не понимает этого он и сейчас, что партия неизмеримо выше его, Л. Д. Троцкого.

Троцкий пишет:

«Ленин и его единомышленники не поймут причин своей неудачи, доколе они не проникнутся той идеей, что не только общественному развитию в целом, но и отдельной партии нельзя предписать пути развития. Их можно лишь вывести из данных историей условий и расчищать путем неустанной критической работы» (стр. 192).

Здесь перед нами оппортунист высшей марки, оппортунист в организационном вопросе, оппортунист в революционной практике. Боже упаси—«предписывать пути развития» «общественному развитию в целом»! На этом основании, конечно, нельзя строить и планов социалистического строительства, потому что эти планы социалистического строительства «предписывают пути развития» «общественному развитию в целом». Но, оказывается, и отдельной партии нельзя предписывать путей развития. Вместо организационного плана, который проводили большевики, Троцкий выдвигал меньшевистскую идею «организации процесса».

Но больше всего Троцкого возмущает Ленин с его требованием подчинения пролетарской дисциплине. Ленин вынужден был тогда еще отмечать, что типичной чертой всех оппортунистов является их ненависть к дисциплине.

«В тесной психологической связи,—писал Ленин,—с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота обиды, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осуждают, их заезжают» (Н. Ленин, Шаг вперед, два назад).

Троцкий берет под свою защиту нападки на централизм. Он издевается над заявлением трех уральских комитетов, в котором местные товарищи высказали мысль, легшую в основу построения нашей большевистской партии в период диктатуры пролетариата.

«Предвидеть (?) пролетарскую политическую борьбу,—говорят «представители» трех уральских комитетов,—подготовиться к ней, идти впереди масс может только обще-русская централизованная организация революционеров, в полном распоряжении которой находятся местные комитеты... И комитеты и отдельные члены партии могут получить очень широкие полномочия, но это должно зависеть от Центрального Комитета. Центральный Комитет может и наоборот,—если найдет нужным и полезным,—своею властью раскассировать комитет или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав. Иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы» (стр. 151).

Так писали уральские большевики в 1904 году.

Но ведь так именно мы, большевики, и построили нашу партию. По уставу нашей партии и по уставу Коминтерна коммунистические партии построены таким образом, что местные комитета, как и отдельные члены партии, находятся в распоряжении Центрального Комитета. Центральный Комитет может и раскассировать своей властью комитет или другую организацию и может лишить того или другого члена партии его

прав, если организация или член партии нарушает партийную дисциплину, нарушает устав партии, решения партии. В уставе нашей партии говорится о том, что

«Строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций. Постановление партийных центров должно исполняться быстро и точно... Неисполнение постановлений высшей организации и другие проступки, признаваемые преступными общественным мнением партии, влекут за собой: для организации—порицание, назначение временного комитета сверху и общую перерегистрацию (роспуск организации); для отдельных членов партии—партийное порицание, опубликование партийного порицания, временное отстранение от ответственной партийной и советской работы, временное отстранение от всякой партийной и советской работы, исключение из партии и исключение из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям» (устав ВКП(б)).

Не трудно видеть, что этот устав целиком нарушается троцкистами за последние годы. Это нарушение партийного устава большевистской партии вытекает из того, что троцкисты, по сути дела, остались теми же самыми меньшевиками в организационном вопросе, что к организации партии и партийной дисциплины они относятся так, как относились меньшевики в 1904 году, как относился Троцкий, как он защищал эту партийную дисциплину в «Наших политических задачах».

Троцкий возмущался:

«Значит,—писал он,—по новой философии Ленина, едва успевшего истоптать пару башмаков после написания брошюры «Что делать?», пролетарию достаточно пройти школу «фабрики», чтобы давать интеллигенции, играющей пока в его партии руководящую роль, уроки политической дисциплины!» (стр. 156).

«Какое негодование охватывает вас, когда читаете эти безобразные, распущенно-демагогические строки! Пролетариат, тот самый пролетариат, о котором вам вчера еще говорили, что он «стихийно влечется к тред-юнионизму», сегодня уже

призывается давать уроки политической дисциплины! И кому?—той самой интеллигенции, которой, по вчерашней схеме, принадлежала роль—извне вносить в пролетариат его классовое, его политическое сознание! Вчера он еще ползал во прахе,—сегодня он уже вознесен на неожиданную высоту! Вчера еще она была носительницей социалистического сознания,—сегодня уже на нее призываются шпицрутены фабричной дисциплины» (стр. 158—160).

Группа дезорганизаторов-интеллигентов в 1927 г., на основании тех же самых троцкистских рассуждений пытается и в 1926—27 гг. навязать свою политическую дисциплину пролетариату.

Ленин отвечал на это Троцкому такими формулами, которые и сегодня целиком направлены против троцкистской оппозиции, ибо, по сути дела, сегодня совершается возврат к истокам меньшевизма в организационном вопросе:

«Дисциплина и организация,—пишет Ленин в брошюре «Шаг вперед, два назад»,—которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе»... Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны траги-комические вопли против превращения людей в «колесики» и «винтики» (причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу «формалистов») замечание, что можно бы и вовсе без устава» (том V, стр. 462-463).

Мы и сегодня боремся против «семейно-кружковой обломовщины», против «барского, интеллигентского анархизма» за пролетарскую дисциплину. В период острой внутрипартийной борьбы всякое нарушение партийной дисциплины оппозиционеры оправдывают тем,

что будто большинство партии, предъявляет **формальные** требования партийной дисциплины. Ленин дал жестокую отповедь тем, кто считал нашу дисциплину, наш устав требованием **формальным**.

Что противопоставлял Л. Д. Троцкий Ленину, когда Ленин говорил о необходимости строжайшей дисциплины в партии? Ленин выдвигал принцип пролетарской дисциплины. Троцкий выдвигал индивидуально-анархический принцип,—«ритм мысли—на смену ритму машин». Это очень красиво звучит, но отдает чистейший интеллигентщиной. Троцкий предлагал «восстанавливать пролетариат против той дисциплины, которая заменяет работу человеческой мысли ритмом физических движений»... Напрасно при этом Троцкий ссылался на Маркса. Маркс и тогда был с Лениным, а Троцкий и тогда был против Ленина, против Маркса, как он становится против Ленина и против Маркса тогда, когда борется в 1926—27 гг. против большевистской партии.

Автор «Наших политических задач» борется против «заместительства политического и организационного», против того, что революционная партия большевиков смеет говорить от имени пролетариата. Он карикатурно изображал нашу партию тогда, как он карикатурно изображает нашу партию сегодня. Он издевается над тем демократизмом, который мы провели и проводим в нашей партии.

«Три или пять членов комитета представляют в своем лице «единство и волю общественного рабочего организма». Они принимают решения, они «делают» новое направление в партии, сдают в архив «экономизм», пускают в оборот «централизм», признают «Искру», отрицают «Искру»,—словом, творят всю внутрипартийную политику,—а под ними мир детальных работников, которые набирают прокламации, собирают деньги, раздают брошюры... разумеется, если делающий направление комитет в состоянии доставить им брошюры. За последние 3-4 года интенсивных внутрипартийных трений жизнь очень многих комитетов представляет ряд coup d'état * в духе наших дворцовых переворотов XVIII столетия. Где-то на верху, вы-

* Государственных переворотов.

соко-высоко, кто-то, кого-то, куда-то заточает, сменяет, кого-то душат, кто-то себя кем-то провозглашает,—в результате на комитетской вышке торжествующе появляется флаг с надписью: «ортодоксия, централизм, политическая борьба»...» (стр. 142).

Эта отвратительная карикатура на нашу партию преподносится нам и сегодня, когда Троцкий заявляет на заседании Исполкома Коминтерна в 1927 году, что у нас нет организаций, которые решают, что все организации принимают готовые решения и только голосуют.

5. О якобинстве.

Особо в брошюре Троцкого стоит глава «Якобинизм и социал-демократия». Подзаголовки этой главы: «Не якобинизм и социал-демократия, а якобинизм или социал-демократия» и «Диктатура над пролетариатом» выдают меньшевика-Троцкого с головой. Мы обращаем особенное внимание читателя на эту главу, так как совершенно ясно, что политические оценки путей развития нашей революции, данные тогда, связаны с организационными взглядами Л. Троцкого и сегодня.

В этой главе Троцкий выступает противником методов плебейской расправы с классовыми врагами. Он противопоставляет якобинизм с его методами террора просветительным методам социал-демократии.

«Их (якобинцев) внутренне-противоречивый теоретический идеализм толкал их на путь политического неверия и беспощадной подозрительности. Наш теоретический материализм снабжает нас несокрушимым доверием к исторической «воле» пролетариата. Их метод был гильотинирование малейших отклонений, наш метод—идейно-политическое изживание разногласий. Они отрубали головы, мы просвещаем их классовым сознанием» (стр. 187).

Эти мысли частью были отброшены Л. Троцким, когда он добросовестно сражался в рядах большевиков в первые годы пролетарской диктатуры. Но нетрудно во всех рассуждениях Троцкого 1904 года о жирондистах и якобинцах разглядеть его разговоры о термидориан-

стве в 1926—27 гг. Ленин для него—«Максимилиан, Робеспьер, который трагически обречен на гибель». Он для него «вождь реакционного крыла». «Ленин—плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма». Троцкий совершенно неправильно истолковывает отдельные места и заявления уральских комитетов и уверяет, будто бы Ленин не только против того, чтобы стать диктатором, а даже доволен возможностью такой роли. «Он молчит,—пишет Л. Троцкий.—Более того. Он молчит по этим вопросам так красноречиво, что всем кажется, будто он предвкушает и внутренно охорашивается».

Нужно ли разъяснять эту... непристойность?!

6. Заключение.

Конечно, Л. Троцкий писал «Наши политические задачи» в глубоком убеждении в своей правоте. Он считал большевиков-ленинцев людьми, которые уйдут от пролетарского движения, когда оно выйдет на широкую дорогу.

«Они уйдут от нас,—я говорю о тех, для кого очерченные взгляды уже успели сделаться более или менее цельным, законченным мировоззрением, для кого они не простая болезнь политического роста. Они уйдут, ибо этот формальный революционизм—революционизм организационной формы, а не политического содержания—несет в себе залог своего неизбежного и притом скорого разложения» (стр. 207—208).

Эту мысль о том, что ленинизм «несет в себе залог своего неизбежного и притом скорого разложения». Троцкий пронесет с собою до наших дней. Она будет сопутствовать ему у порога империалистической войны, когда он писал 1 апреля 1913 года:

«Каким-то бессмысленным навождением кажется дрянная склока, которую разжигает сих дел мастер—Ленин, этот профессиональный эксплоататор всякой отсталости в русском рабочем движении»...

«Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи

и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны, среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение,—именно по линии вопроса единства или раскола» (Л. Д. Троцкий, Н. С. Чхеидзе, Вена, 1 апреля 1913 года).

Мы уже привели в начале этого предисловия пример того, как Троцкий относился к Ленину в период империалистической войны в 1916 году. Целый ряд свидетельств сторонников Троцкого и свидетельства самих Ленина и Троцкого говорят о том, что Л. Троцкий вступил в нашу партию, уверенный в том, что «большевизм разбольшевичился», что он, Троцкий, был прав.

Так же, как в «Наших политических задачах», в своих более поздних статьях, Троцкий пытался изобразить Ленина узким заговорщиком. Так, он пытался его изобразить в «Уроках Октября» узким заговорщиком, который только в самый день октябрьского восстания понял великолепный план Троцкого и примирился с ним.

Троцкий был уверен в 1904 г., что

«властная и сильная организация большевиков безжизненно повиснет над живым телом класса, как парус, которого не зерцания» * (стр. 208).

Троцкий был уверен, что неизбежно разочарование в большевизме и что

«это разочарование затронет не просто организационные формы, не просто идею централизма, но идею централизма, как основу революционного миросозерцания» *. (стр. 208).

Что же произошло на самом деле? Идея централизма, как основа революционного миросозерцания, помогла партии большевиков организовать революцию, помогла большевистской партии победить, помогла советскому государству строить социализм. Л. Троцкий оказался лже-пророком. «Парус, которого не надувает ветер», развевается не над большевистской партией, а над Троцким и его немногочисленными сторонниками.

Л. Троцкий предсказывал, что для большевиков

---

* Подчеркнуто мною. *Ем. Яр.*

«крах организационного фетишизма будет неизбежным для их политического сознания крахом марксизма, крахом «ортодоксии»,—ибо весь марксизм заострился для них в несколько примитивных организационных формулах... Более того—это будет крах веры в пролетариат, как класс, который не дал себя вести к диктатуре, хотя ему предлагались для этого такие верные и прямые маршруты.

Разочарованные, они уйдут от нас—одни в реформизм, другие в анархизм, и, если нам доведется столкнуться с ними на перекрестке двух политических дорог, мы напомним им об этом предсказании» (стр. 208).

Мы встретились на перекрестке двух политических дорог и увидели, что Л. Троцкий оказался лже-пророком. Десять лет мы проверяли пророчества Л. Троцкого: и тогда, когда он пророчил нам гибель в дни Бреста, и тогда, когда он пророчил гибель в 1921 г., уверяя, что «кукушка прокуковала уже последние часы советской власти». Он оказался лже-пророком и тогда, когда он пророчил нам «гибель» в 1924 г. Теперь, когда мы подошли к 10-летию Октябрьской революции, еще более жалко выглядят эти пророчества. Мы напоминаем теперь о них и спрашиваем немногих учеников Л. Д. Троцкого: не пора ли понять, что путь Л. Троцкого— самый ненадежный путь? Не пора ли понять, что сегодняшние нападки Л. Троцкого на партию есть возврат к истокам меньшевизма?

Л. Троцкий «шел с боями» к Ленину. Там, где он давал отрицательную оценку Ленину, там, где он раньше ставил минус, он (и то не везде) поставил плюс по отношению к Ленину. Он сделал это с такими оговорками, которые для всех нас делают ясным, что по отношению к ленинизму, к большевизму, к ленинской партии Л. Д. Троцкий сберег, сохранил все свои меньшевистские предрассудки, все свои меньшевистские ошибки. И поэтому-то он в лицо большевистской партии, ее руководству, ее Центральному комитету, Коминтерну бросает те самые обвинения, которые он в 1904 году в «Наших политических задачах» бросал по адресу Ленина и всех ленинских последователей.

Ем. Ярославский.

N. Trotzky.—Unsere politische Aufgaben.

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. Троцкий.

Наши политические задачи.

(Тактические и организационные вопросы).

Издание Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

ЖЕНЕВА
Типография Партии. Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904

Дорогому учителю
Павлу Борисовичу Аксельроду.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тяжелым годом был последний год нашей партийной жизни.

Подумать только, что в то время как революционный пролетариат всего мира с ожиданием смотрит на нашу партию, пред которой история поставила грандиозную задачу: разрубить узел мировой реакции—русские социал-демократы как бы не знают других задач, кроме задач мелочной внутренней борьбы, не знают других вопросов, кроме вопросов юридической «компетенции», не видят других перспектив, кроме перспектив партийного раскола... Какой ужас!

Какой душураздирающий трагизм в том факте, что широкие круги партии—под отдаленные раскаты надвигающейся исторической бури—копошатся в организационных мелочах, заподазривают старейших и лучших товарищей, идущих в первых рядах международной социал-демократии, в теоретических грехах, которых обвинители неспособны даже формулировать, призывают к крестовому походу против половины партии, отмежевывают себя от своих единомышленников, стоящих за примирение с крылом «оппозиции», и готовы, далее, объявить непримиримую войну не только активным «примирителям», но и всем тем, которые снисходительно относятся к «примирительству».

В такой кошмарной атмосфере мы прожили целый год... Раскол временами казался неизбежным... Все чувствовали ужас положения, почти все сознавали преступность раскола, но никто не мог вырваться из стальных тисков истории...

Острый период прошел. Сторонники партийного единства имеют теперь право с уверенностью глядеть вперед. Единичные фанатики раскола, еще так недавно импонировавшие своей «непримиримостью», вызывают теперь резкий отпор даже со стороны своих вчерашних единомышленников.

Наша партия, явно, подошла к поворотному пункту в своих внутренних отношениях и, как мы думаем, во всей своей революционной деятельности. Этот поворот ознаменуется прежде всего организационным умиротворением, которое создаст возможность концентрации всех работоспособных сил вокруг общепартийных задач. Внутреннее умиротворение, которого жаждут все здоровые элементы партии, означает, в первую голову, организационную смерть так называемого «меньшинства».

Мы, представители «меньшинства», без всяких скорбных чувств смотрим в глаза этой смерти, ибо она, как это ни странно на первый взгляд, целиком входила в наши планы. Мы ни на минуту не задавались целью перетянуть всю партию в «меньшинство». Это не только противоречило бы этимологическому смыслу нашего наименования (партия не может быть в «меньшинстве!»), но и шло бы вразрез с теми задачами, на почве которых организационно сложилось «меньшинство».

Только на первый взгляд сказанное кажется парадоксом.

«Меньшинство», как неофициально организованная часть официальной партии, боролось против известного партийного режима, вытекающего из совершенно фантастических представлений о путях партийного развития. По этим представлениям, партия развивается не путем выживания наиболее прогрессивных программных, тактических и организационных оттенков и течений, но исключительно путем логического извлечения уполномоченным на это Центральным Комитетом (или Органом, или Советом)—к сведению и руководству партии и пролетариата—новых тактических и организационных выводов из известных теоретических посылок. Это чисто рационалистическое представление порождает свое-

образный формальный ригоризм, которому всякое «скопление» иначе-мыслящих элементов представляется явлением болезненным, чем-то вроде организационного нарыва, требующего вмешательства руки авторитетного оператора и применения ланцета.

Мы не будем касаться, ни в предисловии, ни в брошюре, различных эпизодов почти годовой организационной сутолоки. По этому вопросу существует уже целая литература, успевшая набить всей партии оскомину *. Для нас важно в данном случае лишь то, что «меньшинство» завоевало для себя, а так как кампания его велась под принципиальным знаменем, то значит и для других оппозиционных течений на предбудущие времена—право гражданства. Последнее заявление Центрального Комитета [1]), как бы подводящее итог происшедшей перемене в партийном сознании и представляющее—если мы верно понимаем намерения его составителей—решительный шаг в сторону подлинного объединения партии, окончательно и, надо надеяться, бесповоротно сдает в архив приемы и методы «осадного положения». Но смерть этого режима означает вместе с тем и организационную смерть «меньшинства». «Ныне отпущаеши...», может облегченно сказать это последнее, растворяясь в партии, «Ныне отпущаеши!..»

Рядом с борьбой против определенной внутрипартийной политики «меньшинство»—или, вернее, небольшая, в особо благоприятные условия поставленная часть его—подвергало пересмотру политическую практику партии и искало новых тактических путей. Организационная смерть «меньшинства» не означает уничтожения сделанных им в этой области приобретений. Наоборот. Мы питаем твердую уверенность, что разрушение исторически возникшей организационной стены между двумя частями партии позволит сконцентриро-

* Недавно, впрочем, какой-то чудак напечатал 85 страниц совершенно безграмотного немецкого текста, оповещающего Европу обо всех перипетиях и мелочах нашей внутрипартийной организационной борьбы. Мы очень дорого дали бы за того немца, который прочитает это поразительное произведение, и еще дороже за того, который в нем что-нибудь поймет.

вать все силы ее для дружной переработки нашей партийной практики, для совместного разрешения новых, выдвинутых нашим собственным политическим ростом тактических задач.

Эта брошюра и представляет собою попытку привлечь внимание товарищей, утомленное и притупленное наполовину схоластическими организационными дебатами, к вопросам политической тактики, с которыми связана вся дальнейшая судьба нашей партии.

Но не одни вопросы тактики составляют содержание предлагаемой работы.

Тяжелые внутренние трения последнего года скомпрометировали лишь определенные практические приемы «внутренней политики», не выдержавшие объективного испытания «жизни»; но принципиальные предрассудки, связанные с этими практическими приемами и на их почве выросшие, все еще остаются хозяевами широких сфер партийной мысли. Мы не сомневаемся, что эти предрассудки в конце концов погибнут, но мы считаем своей теоретической обязанностью оказать им в этом самое активное содействие.

Нам пришлось поэтому посвятить часть нашей брошюры последней книжке т. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад», в которой разрозненным предрассудкам придано подобие системы. Признаемся, мы выполнили эту часть работы крайне неохотно. Хотя и до выхода названной книжки мы не сомневались, что ничего внушительного т. Ленин не сможет сказать в защиту своей позиции, ибо позиция, занятая им, совершенно безнадежна, но все же такой бедности мысли, какую он обнаружил, мы не ожидали. Первым движением по прочтении брошюры было: простой переход к очередным делам! Но по здравом размышлении, суть которого мы выше изложили, пришлось простой переход заменить мотивированным: нельзя перескочить через известное состояние партийного сознания.

Разумеется, читатель, который считает себя совершенно свободным от организационно-бюрократических и «якобинских» предрассудков, может ограничиться первыми двумя отделами брошюры.

В течение тех месяцев, когда писалась эта работа—а писалась она частями *—мысль: не время! не раз сковывала пассивностью руку...

В то время как издыхающий царизм пытается подкупить представшую перед ним в лице Японии буржуазную Немезиду, сжигая на ее жертвеннике силы и средства истерзанной нации, в то время как внизу, в народных глубинах, идет невидимый, но неотвратимый молекулярный процесс накопления революционного гнева, который, может быть, завтра прорвется наружу с элементарной силой стихии, снося,—как полые вешние воды смывают мосты и запруды,—не только полицейские заставы, но и все постройки нашей муравьиной организационной работы, в то время, когда своевременна, повидимому, лишь одна наука—наука восстаний, когда уместно одно искусство—искусство баррикад,—в это время сражаться с организационными предрассудками, распутывать теоретические софизмы, писать о новых вопросах тактики, искать новых форм развития самодеятельности пролетариата... в такую беспримерную минуту истории!..

Не время!—возмущенно протестует непосредственное революционное чувство.

Нет, время!—отвечает уверенный голос социал-демократического сознания и—побеждает.

Время! Всегда—время!

Никому не дано знать времена и сроки,—и каждый час, каждую минуту, которые остаются еще до решительного дня, мы должны использовать для самокритики, для своей политической подготовки к такому участию в решительных событиях, чтоб оно было достойным великого класса, с которым мы связали свою революционную судьбу.

Никому не дано знать времена и сроки. Если, вопреки всем вероятиям, смертный час самодержавия отступит, если надвинется новый период «затишья», который сме-

---

* Это отразилось и на содержании и на тоне отдельных ее глав. Кое-что из содержания брошюры было, в различной связи, высказано за это время другими авторами в „Искре“.

тет с политического поля появившиеся на нем в период подъема оппозиционные и революционные группы, мы, социал-демократы, останемся на своем месте, в рядах пролетариата, и будем выполнять свою великую работу. Реакция как и революция не могут отвлечь нас от наших исторических задач.

Конечно, когда наступят—и пусть это будет хоть завтра—великие события, мы, коммунисты, предвестники нового, социалистического мира, сумеем исполнить свой долг революционеров по отношению к старому, буржуазному миру. Мы будем драться на его баррикадах, мы будем завоевывать для него ту свободу, которой он без нас не может добыть.

Но даже и в непосредственной близости этого часа, мы, коммунисты, не хотим и не смеем забыть или отодвинуть свои пролетарские задачи. Мы должны подчинять этим задачам нашу революционную тактику не только в серые политические будни, но и накануне революционного взрыва и в бурные дни самой революции. Не только через преступную голову царизма, но и через вершины революционных баррикад, через груды камней разрушенной Петропавловки мы должны смотреть вперед, на свой дальнейший путь,—путь непримиримой пролетарской борьбы со всем буржуазным миром!

Н. Т.

23 августа 1904 г.

ВВЕДЕНИЕ

Критерий партийного развития и метод оценки.

E pur si muove! «И все-таки она движется!» Под страшными ударами огнем и мечом вооруженного врага, среди политических трудностей, с которыми никакому другому отряду нашей международной армии не приходилось бороться, совлекаемая могучими подпочвенными течениями с своего пути, российская социал-демократия «все-таки движется» вперед—и не только как партия политического раскрепощения России, но и как партия пролетариата.

Принципиальное примирение революционно-демократической и социалистической задач, формулирующих две самостоятельные исторические тенденции, и тактическое соподчинение этих задач на почве достигнутого принципиального примирения,—такую загадку загадала российской социал-демократии политическая судьба русского общества.

Русское революционное движение в целом никогда не выходило из состояния борьбы между этими двумя тенденциями. Они разорвали на две части первую серьезную революционную организацию—«Землю и Волю»... Мысль революционного народничества беспомощно билась в тисках этого основного противоречия. Примирить его не было ей дано. Это дело способен был сделать только марксизм, перенявший революционную задачу, о которую разбилось народничество.

«Русское революционное движение восторжествует, как движение рабочих, или совсем не восторжествует». Эту мысль мы поняли, принципиально признали

и сделали ее содержанием нашей революционной практики. Но этим исчерпывается только одна сторона вопроса. Другая может быть формулирована так. Русское революционное движение, восторжествовавшее как движение рабочих, должно превратиться в процесс немедленного политического самоопределения пролетариата,— иначе российская социал-демократия, как таковая, есть историческое недоразумение.

Выдвинуть рабочих, как главную силу революции, и сделать революцию политической школой рабочих—в этом вопросе источник разногласий и несогласий, очаг всех внутренних смут, столько раз раздиравших нашу партию. Первое произведение первой социал-демократической группы [2]) ставит именно этот двуединый вопрос: «Социализм и политическая борьба» [3])—и впервые разрешает его, давая тем самым российской социал-демократии теоретические права на существование. Первый «документ», провозглашающий идею единой социал-демократии в России, манифест I Съезда, пытается дать программную формулу, резюмирующую марксистское примирение коренной «антиномии» русского революционного движения. «Ставя главнейшею из задач партии в ее целом,—говорит манифест,—завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средство и пути, которые выбирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Лучше нельзя было сказать. Социал-демократия «сознательно хочет быть и остаться» классовым движением пролетариата,—это ее субъективное, пока еще политически не реализовавшееся, стремление дает ей ту «регулятивную идею», с точки зрения которой она будет оценивать и критиковать, судить и осуждать, принимать и отвергать все «средства и пути» борьбы за политическую свободу. Социал-демократия еще далеко не стала на рельсы самостоятельной классовой политики пролетариата,—содержание ее вчерашней и сегодняшней работы может еще всецело покрываться «главней-

шею из ближайших задач партии, завоеванием политической свободы»,—но и вчера и сегодня социал-демократия сознательно хотела и хочет «быть и остаться» классовой партией пролетариата, т. е. самой собою—социал-демократией.

Это та дань, которую часть русской революционной интеллигенции платила и платит классовой доктрине международного революционного пролетариата, марксизму, который дал ей прежде всего ответ на «демократический», а не «пролетарский» вопрос: «откуда взять сил для возобновления борьбы с самодержавием?», но который поставил ее политическую совесть под контроль классовых интересов пролетариата уже тем, что послал ее к пролетариату, как к борцу за политическую свободу.

Если оглянуться назад, на смену течений и направлений, в острой борьбе которых иные «революционные» наблюдатели усматривали симптом «разложения» нашей партии, то источником глубочайшего нравственного и политического удовлетворения должен явиться тот факт, что чередование взаимно отметавших друг друга направлений—в общем и целом—определялось всегда одной и той же верховной контролирующей идеей: социал-демократия сознательно «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Нет спора, российская социал-демократия не раз уклонялась от этой своей цели в тех или других своих «высказываниях», но в общем и целом и эти бесспорно еретические «высказывания» были результатом стремлений молодой неокрепшей партии примириться с собою, заполнить противоречие между огромной революционной целью и маленькими революционными средствами—хотя бы ценою калечения самой цели и принижения принципиальной постановки задач. Нет спора и в том, что раз находились объективные условия для таких приемов «самопримирения», означающих, в тенденции, самоотречение социал-демократии, эти приемы должны были развить свою внутреннюю логику, силою которой вчерашние сторонники пролетарского дела сегодня отрывались от него и перебрасывались во вражеский ла-

герь: такое именно явление было закономерным продуктом упрощенной политической методологии экономизма, о чем еще речь впереди. Но сейчас мы хотим установить тот факт, что решительным критерием в нашей внутрипартийной борьбе были **классовые интересы пролетариата**, а ее лейтмотивом—обвинение противника в «бессознательном предательстве пролетариата буржуазной демократии».

Брошюра «Об агитации» [4]), открывающая период «экономизма» в нашей литературе, с этой именно точки зрения обвиняет социал-демократов-пропагандистов в том, что они лишь отрывают сознательных рабочих от массы. «История Европы показывает,—говорит брошюра,—что при таком положении вещей, когда назреют условия для движения рабочей массы, а истинные представители ее интересов окажутся ей чуждыми, она найдет себе **других вождей**—не теоретиков, а практиков, которые поведут **ее в ущерб делу ее классового развития**» (стр. 21).

Направление «Искры», сменившее «экономизм», прошло под знаменем, на котором были написаны те же слова. «...Всякое преклонение перед стихийностью рабочего движения,—говорит, например, автор брошюры «Что делать?» [5]), популяризуя Аксельрода и Плеханова,—означает тем самым... усиление **влияние буржуазной идеологии на рабочих**» (стр. 26). Тот же автор отмечает, что «Искра» не раз обвиняла «Рабочее дело» [6]) в «косвенном подготовлении почвы для превращения рабочего движения в оружие буржуазной демократии». Наконец, тов. Аксельрод, давший в своих двух фельетонах [7]) оценку политического состояния нашей партии, заявляет, что при самом счастливом выполнении так называемых «планов» тов. Ленина «мы имели бы... революционную политическую организацию демократической буржуазии, ведущую за собою, в качестве боевой армии, рабочие массы России» («Искра», № 57).

Нужно, далее, иметь в виду, что в каждом из взятых нами случаев однородные обвинения идут **с обеих**

сторон. «Пропагандисты» обвиняют «экономистов» в том, что они лишь возбуждают рабочих, не давая им социалистического сознания, и тем готовят их к роли пушечного мяса в интересах буржуазии. «Экономисты» обвиняют «Искру» в том, что она стремится оторвать «политику» от «экономики» и тем лишает борьбу рабочих ее классового характера. И, наконец, Ленин не находит другого средства скомпрометировать в глазах партии своих нынешних противников, кроме обвинения П. Б. Аксельрода и его единомышленников в том, что они обнаруживают «оппортунизм в организационных вопросах», несовместимый с классовыми интересами пролетариата и означающий привнесение в нашу партию буржуазно-индивидуалистических начал.

Было бы, однако, полнейшим заблуждением думать, что эти «стереотипные» обвинения просто нейтрализуют друг друга, или, еще хуже, что они представляют собою не что иное как условность партийной фразеологии. Никоим образом. При отсутствии этого «стереотипа» борьба каждых двух течений неизбежно должна была бы разорвать нашу партию на две части, ибо, как писал некогда Бакунин, «нелепо хлопотать о том, в двух или в одном виде должно принимать святое причастие там, где все христианство должно выбросить за окно». Только возможность апелляции к признаваемой обеими сторонами высшей инстанции, классовым интересам пролетариата, создает возможность изжить каждый конфликт «внутренними средствами».

Если, таким образом, принципиальный *критерий*, под знаком которого происходит смена направлений в нашей партии, был в общем и целом всегда один и тот же—классовые интересы пролетариата, то *метод* оценки отнюдь не всегда соответствует этому критерию и своей собственной примитивностью как нельзя лучше характеризует примитивность нашего политического развития, ничтожные размеры основного капитала политического опыта партии. Каждое новое направление предает своего предшественника анафеме. Прошлый период представляется носителям новых идей не чем иным как

грубым уклонением от правильного пути, историческим недоразумением, узлом ошибок, результатом случайной комбинации теоретических суеверий.

Автор брошюры «Об агитации» считает, что «первые шаги русских социал-демократов были неверны». Его задача—ликвидировать этот период тактических промахов. Автор брошюры «Что делать?» точно так же относится к эпохе «экономизма». Все то, что характеризует «экономизм» как эпоху роста нашего движения среди невероятных трудностей, кажется ему признаком временного и случайного упадка. Упадка—по сравнению с чем? По сравнению с тем периодом, который мог бы быть, если бы полицейская рука не устранила от работы группу друзей тов. Ленина *.

Разумеется, отдельные лица, как тов. Аксельрод, всегда умели становиться на историческую точку зрения и в сложных вопросах внутреннего развития партии. Но они так и оставались отдельными лицами. Целые же течения относились друг к другу «метафизически», целиком отметая друг друга. Первым, в сущности, примером когда представители нового течения в партии сознательно стремятся утвердиться не на костях, а на плечах своих предшественников, рассматривая себя в общей перспективе партийного развития, является так называемое «меньшинство». И это добрый симптом,—как для «меньшинства», так и для всей партии. Он свидетельствует, что партия наша идейно мужает, и что носителями прогрессивных запросов мужающей партийной мысли являются представители «меньшинства».

Незачем, конечно, говорить, что историческая точка зрения марксиста не имеет ничего общего с той консервативно-«исторической» точкой зрения, «которой история, по словам Маркса, как бог Израиля своему слуге Моисею, показывает только свое a posteriori». Эта последняя точка зрения вся целиком растворяется в вопросе эмпирически-каузальной необходимости, и после-

* „Что делать?“, стр. 26.

довательным выводом из нее является политический квиетизм. Марксист же знает точку зрения диалектической необходимости, которая всегда действенна и революционна, которая не только объясняет каждое новое состояние целиком из предшествующего, но и в каждом из них умеет указать, с одной стороны, элементы развития и движения, с другой—элементы косности, застоя и реакции. Эта точка зрения диалектического материализма, в отличие от консервативно-исторической, не лишает нас права оценки, суда и осуждения, но,—в отличие от идеалистической,—она требует, чтобы наша оценка опиралась на внутренние тенденции самого развития и в них находила те силы, которые способны преодолеть внутренние противодействия и реализовать предвосхищающую будущее теоретическую «оценку».

Применение этого метода по отношению к развитию внутренних тенденций партии так же обязательно, как и по отношению к развитию буржуазного общества в целом. Марксистом нужно быть не только во «внешней политике», но и во «внутренней». Для первой—общие выводы марксизма имеются уже в готовом виде и могут быть восприняты, как шаблон. Для второй—они могут вырабатываться лишь путем постоянного применения диалектического метода...

Молодой партии, как наша, это дается очень трудно. Не нужно, однако, думать, будто мы хотим этим сказать, что в старых партиях, как германская, все вожди—философски-образованные политики. Нет. Но самая коллективная мысль партии подверглась диалектической шлифовке путем трений, борьбы, ошибок и разочарований. Эта в известной мере стихийно накопленная мудрость нередко тормозит дело выработки новых политических методов, но в то же время предохраняет партию от применения таких тактических приемов, которые представляют собою одну сплошную «дерзость» против партийных традиций...

Наша партия—вот уж около года—находится в периоде застоя. Вопрос: что делать? стоит пред всеми мыслящими товарищами. Для всякого, кто болел этим вопросом, ясно, что причины застоя очень глубоки, что партия

должна преодолеть какой-то органический недуг. Но вопрос: что делать? не может быть решен «от разума». Он должен ставиться и решаться в известной исторической перспективе. Что мы представляем собою? Что мы унаследовали от прошлого? Какие элементы этого наследия играют роль кандалов на наших ногах? На эти вопросы нужно ответить. А это значит, что разрешению вопросов ближайшего будущего должен предшествовать ретроспективный взгляд на недавнее прошлое: период «экономизма» и период старой «Искры».

Эволюция „марксистской“ интеллигенции.

(„Экономизм“, „критика“, „идеализм“, „социал-революционизм“.)

Упрощенная политическая методология «экономистов» определялась тем, что они были поставлены перед политически непочатым пролетариатом. Для них не существовали все те политические задачи, которые стояли перед социалистическими партиями Запада, когда им приходилось освобождать пролетариат от политического подчинения левому крылу буржуазии, под руководством которого пролетариат успел уже совершить не одну военную кампанию. Революционное крыло нашей буржуазии под влиянием полного исторического разложения чисто демократической идеологии, потерявшей способность отвечать на роковой вопрос: «Что же дальше?», вынуждено было историческим положением России принять социализм, как отправной пункт демократической борьбы. Но именно потому, что социализм поглотил все элементы революционной демократии, он потерял возможность противопоставлять себя ей и в этом противопоставлении развивать и оформлять свою политическую природу. Отсутствие конкуренции с радикальной буржуазией из-за влияния на пролетариат позволяло до поры до времени обходиться при помощи самых грубых тактических методов и порождало уродливо-упрощенные представления о перспективах политического развития рабочего класса. Ему противопоставляется почти одноцветная «реакционная масса»,—и он развивается с методической постепенностью и математической правильностью, день за днем, от простого к сложному, от требований кипятку до требований перехода всех фабрик в собственность трудящихся.

Такое упрощенное представление, связанное с соответственно-упрощенной тактикой, разумеется, не способно было закалять классовое сознание ни марксистской интеллигенции, ни революционных элементов пролетариата, не могло снабжать их орудиями политического отпора в сторону радикальной демократии. И потому, если бы в момент революционного подъема начала нового столетия рядом с социал-демократией стояла инициативная радикальная демократия, она имела бы все шансы вышибить нашу партию из седла. На это не раз указывалось, и это несомненно. Но несомненно и другое. Организованная радикально-буржуазная партия не могла вырасти внезапно, силою революционного наития. Чтобы оказаться вооруженной в критическую минуту, она должна была вооружаться в предшествующий период. Но делать это она могла не иначе, как в прямой или косвенной борьбе с социал-демократией. А это обстоятельство—параллельное существование буржуазно-революционной партии, пользующейся влиянием на интеллигенцию и пролетариат или активно стремящейся к такому влиянию—сделало бы совершенно невозможным то упрощение задач социалистической партии, которое составляет основную черту «экономизма». Если бы русский марксизм не встретил в пролетариате политической целины, на которую еще никто пока не заявлял своих претензий, он не мог бы так просто решить вопрос, сказав: «моя», он должен был бы доказать, политически доказать, что это его территория, он вынужден был бы самой логикой политической конкуренции противопоставлять свою классовую, социалистическую политику политике демократической.

История позаботилась о том, чтобы в этом отношении сделать более легкими первые шаги нашей партии,—но так как ничто не дается даром, то самую «легкость» первых наших завоеваний история сделала причиной их политической неустойчивости. «Экономисты» своей политической практикой, которую жизнь учитывала по-своему, воспитывали себе политического противника; но они в силу указанной причины не только не пы-

тались «предостеречь» против него массу, они сами не верили в возможность его пришествия. Но он пришел. Как ни примитивны были тактические приемы «экономизма», как ни недостаточны они были для того, чтобы противопоставить пролетарскую массу государству во всей игре его классовых и «сверх-классовых» проявлений,—они оказались могущественным средством столкнуть массу с государством, как с колоссальным аппаратом полицейской репрессии, и, возбудив широкие слои пролетариата, сделать их главным резервуаром революционной энергии.

Этот факт не мог не вызвать целого ряда производных явлений.

Буржуазное «общество» политически соединено с революционной массой слоем высшей возбудимости и «проводимости»—революционной интеллигенцией. На ней прежде всего сказалось политическое пробуждение «народа». Студенческая волна поднялась выше, чем когда бы то ни было раньше. На ее гребне показалось несколько отважных, героических фигур, в которых общество, с двойственным чувством скорби и гордости, узнало своих детей. Демократия тронулась с мертвой точки и стала последовательными пластами, от левой руки к правой, вдвигаться в политический поток. Правое крыло демократии сразу обнаружило готовность опереться на политически тяжеловесные элементы земской оппозиции. На гребне этой земско-интеллигентской волны тоже показалась «фигура», разумеется, нимало не героическая... Общество отнеслось к ней с двойственным чувством—самодовольства («наш!») и некоторой «хозяйской» подозрительности.

Этот политический процесс, выбрасывавший из себя отдельные фигуры—то под перекладину шлиссельбургской виселицы, то на мирную улицу уездного города Штутгарта—«вне пределов действия русской полиции и цензуры» *,—этот процесс совершался, разумеется, не механически; он требовал и вырабатывал для себя ряд параллельных идеологических процессов, в

* „Освобождение“, № 1 [8]).

которых определялась, оформлялась и закреплялась политическая группировка размежевывавшейся интеллигенции. Разумеется, та нервная смена философских верований и теоретических миросозерцаний, которая наблюдается в русской интеллигенции за последние полтора десятка лет, подчинена общей логике познающей и обобщающей человеческой мысли,—но с этой логикой, как и всегда, встречается другая, гораздо менее гибкая и уступчивая, гораздо более властная и нетерпимая логика политического интереса. Она подчиняет себе первую, делает свою волю ее волей и свой закон ее законом.

Исходным пунктом идейного пробуждения широких кругов интеллигенции после свинцовых сумерек 80-х годов было внесение идей «экономического материализма» в нашу легальную литературу. Марксизм пришел, легитимировался и овладел широким полем, на которое он, если верить ему самому, не имел в сущности исторических прав... Но в конце концов марксизм оказался прав—против самого себя. Эксплоатируя марксизм, как незаменимое орудие борьбы против народничества, ставшего сверху донизу реакционным,—как целостное теоретическое оправдание ее естественным тяготением к «европеизации» русской общественной жизни, интеллигенция—особенно ее все более и более определявшееся правое крыло—освобождалась, сперва робко, а потом с все возраставшей настойчивостью, от революционно-пролетарских выводов марксизма. Это самоосвобождение и выступило в виде беспощадного «пересмотра догмы», «пульверизации марксизма», по злорадному выражению покойного Михайловского [9]). Но на самом деле процесс «пульверизации» определялся вопреки мнению идеалистов «позитивистского» или «метафизического» толка не теоретической несостоятельностью доктрины, а общественными мотивами, которые только с точки зрения этой доктрины получают свое освещение и объяснение.

Выше мы сказали о нашей партии, что, поглотив все действенные элементы демократии, она лишилась тем самым возможности противопоставлять себя этой по-

следней, и именно этим была на долгий период предопределена ее примитивность. Но «гони природу в дверь, она влетит в окно». То размежевание, которое только и должно было «напрячь» классовую энергию социалистического движения, размежевание между пролетарскими и буржуазно-демократическими элементами, начало развиваться в пределах одного общего, всю интеллигенцию захватившего вероучения, упрощенного марксизма. Не социалистические элементы начали отделяться от буржуазно-демократических, но, наоборот, последние стали интенсивно очищать—в форме «критики»—свое сознание от всех классовых элементов марксизма. Революционная доктрина лишалась своего классового лезвия, которое систематически, наполовину инстинктивно, наполовину сознательно, притуплялось при помощи ли схоластического доктринерства в формальных рамках марксизма или при помощи открытой «критики» марксизма, когда даже его рамки оказывались стеснительными...

Марксизм, сказали мы только что, овладел у нас такими общественными элементами, на которые он не имел в сущности прав. Но точно ли так? Не наоборот ли: не овладели ли эти элементы марксизмом для своих временных целей? Теперь не нужно много политической проницательности, чтобы ответить на этот вопрос. Чем именно был марксизм для российской демократии в целом, об этом вполне определенно говорят нам бывшие «марксисты», вчерашние «критики», сегодняшние «идеалисты». Один из авторов «Проблем идеализма», г. П. Г., признает за марксизмом ту заслугу, что он «дал новую, ясную и практическую публицистическую программу» (стр. 88). И тот же автор одной страницей ранее говорит, что «социализм, как таковой, ни тогда (во времена Чернышевского), ни теперь не мог дать ясной публицистической программы». Таким образом, указанная выше заслуга принадлежит марксизму постольку, поскольку он—не социализм. Но что же представляет из себя марксизм минус социализм? У г. П. Г. мы найдем совершенно недвусмысленный ответ, гласящий, что «крупная заслуга (курс. автора) русского

марксизма» состоит в «научном объяснении исторической необходимости капитализма в России», а значит, и в «условно-историческом оправдании капитализма» (стр. 88). Другими словами: марксизм освободил совесть интеллигенции от обязательств кого-то или что-то охранять от капитализма, марксизм позволил бороться за европеизацию общественного строя, марксизм дал интеллигенции теоретические основы для борьбы за политическое раскрепощение. В этом вся его «заслуга». С этой точки зрения становится понятным следующее, на первый взгляд, чудовищное утверждение г. П. Г. о г. Струве[10] (которого автор, к слову сказать, до неприличия высоко оценивает): Струве, «отпав от позитивизма, в философском (курс. автора) отношении перестал быть и марксистом» (стр. 90). Только в философском? Да, ибо «научно-положительные результаты марксизма и ценные приобретения его публицистической программы не затрагиваются метафизическим поворотом» (стр. 90). Итак, редактор «Освобождения» в политическом смысле оказывается «марксистом». И рядом с ним стоит г. Булгаков. Этот тоже отрицает «социально-философскую доктрину марксизма» и исходит «из совершенно других философских оснований»,—но и он остается верен марксизму «во всем, что касается основных вопросов конкретной социальной политики» (Булгаков[11]), От марксизма к идеализму, стр. 315)...

В сущности, г. П. Г. представляет отношение русской интеллигенции 90-х годов к марксизму в слишком грубом и обнаженном виде. Это теперь, когда догорели многие огни и облетели многие цветы, г. П. Г. может прицениваться, от имени своего прошлого, к марксизму с такой явной буржуазно-апологетической целью: значение марксизма в оправдании капитализма. Тогда, в начале и середине 90-х годов, марксизм—субъективно—был даже для господ П. Г. чем-то большим, чем простое оправдание капиталистической эксплоатации... Но если г. П. Г. и повинен в бесцеремонном отношении к своему прошлому, в котором как-никак были элементы «романтизма», то он все же дает несомненно правиль-

ный ответ на вопрос: за какие заслуги марксизм был допущен в большие литературные салоны?—он, как мы слышали, доставил ценную «публицистическую программу», свободную от социализма.

Ясно, что люди, *так* оценивающие марксизм, не были марксистами: они были и остаются философскими паразитами одной механически выделенной ими стороны марксизма, состоящей в теоретическом «оправдании» каждой данной формы общественных отношений внутренними законами общественного развития. Такое «оправдание», механически вырванное из контекста диалектического миросозерцания, может санкционировать крайне консервативные выводы,—но в действительном, не фальсифицированном марксизме это «оправдание» подчинено безусловно революционной стороне материалистической диалектики: всякая форма общественных отношений из себя развивает свои противоречия и падает в конце концов их жертвой. «Критика» и должна была лишить марксизм этой его второй, неуживчивой стороны. Но так как очищение марксизма от его «ненаучных» (т. е. революционных) переживаний скоро приняло форму борьбы с революционными марксистами, то скоро и весь марксизм потерял для господ П. Г. всякую привлекательность: он превратился в *чужую* доктрину.

Вот какими выразительными словами рисует этот момент один из переживших его: «Таким образом, почва постепенно уходила у меня из-под ног. От здания, которое еще недавно казалось столь стройным и цельным, остались одни стены. Конечно, известные социально-политические требования (мы уже знаем, какие.... *Н. Т.*) которые выставляются жизнью, сохраняют свое практическое значение и вне всякой теории... Но тем не менее мыслящий человек естественно стремится осмыслить эти разрозненные требования,—одухотворить их единством миросозерцания и идеала. И это-то единство, которое прежде давалось марксизмом, теперь было утрачено» (Булгаков, От марксизма к идеализму, пред., XIII стр.). Цитируемый нами писатель думает, будто на наш марксистский взгляд «дело представляется таким образом, что некоторые пасынки марксизма по тем или дру-

гим соображениям (преимущественно практического характера) в подходящий момент капитулировали под сень идеализма, в мирную обитель звуков сладких и молитв» («От марксизма к идеализму», пред., стр. V и VI). Конечно, это вздор. В «объяснении» (или обвинении), которое от имени марксистов предъявил себе г. Булгаков, коллективно-психологические мотивы заменены индивидуально-«практическими», материалистическое объяснение подменено этическим осуждением, идеализм, как credo широких кругов интеллигенции, отодвинут фигурами гг. Булгакова и Бердяева[12]), удаляющихся «по соображениям практического характера» в мирную обитель звуков сладких и молитв... По каким, собственно, личным—практическим или «религиозным»—«соображением» те или иные из вождей «идеализма» удалялись с известных постов, это дело их судей-биографов, если вообще вожди «идеализма» заработают себе биографов. Но какие социально-политические условия создали психологический резонанс для идейных «передвижений» некоторых пасынков марксизма—этот вопрос несомненнейшим образом входит в компетенцию исторического империализма и только им и разрешается.

Мы уже сказали, что пролетарская доктрина, марксизм, сделал совершенно непредусмотренное ее творцами дело: она дала российской демократии нравственное право с чистым сердцем и ясным лбом отправиться «на выучку к капитализму», после чего пришедшая на выручку «критика» очистила сознание нашей демократической интеллигенции, пробужденной пролетариатом к политической жизни, от того идейного уважения к социологической доктрине вообще, к научному социализму в особенности, которое было привито марксизмом, как орудием борьбы с реакционным народничеством. А дальше? Чистый идейный паразитизм, в форме голой критики марксизма, доктрины другого общественного класса, не может поддерживать существования широких кругов демократии—в период ее оппозиционного расцвета, когда она готовится развернуть maximum доступного ей политического энтузиазма.... Мы только что слышали от г. Булгакова, что «мыслящий человек есте-

ственно стремится осмыслить разрозненные требования,—одухотворить их единством миросозерцания и идеала». Распростившийся с марксизмом «мыслящий» либерал «естественно стремится» построить себе новый храм, в котором он мог бы без помехи молиться своим богам. Но построить этот философский храм из элементов реалистического мышления было совершенно немыслимо для г. Булгакова и для всех тех, которые эволюционировали вместе с ним,—ведь русские традиции реалистического мышления неизбежно упирались в марксизм: это было убийственно ясно для всех, имевших в своем биографическом багаже борьбу с социологическим «субъективизмом» и народничеством. Обратиться к философскому «реализму» значило наткнуться на марксизм, который только что так тщательно, так долго очищали от «ненаучности», что, наконец, очистили до... тла. Отказ от марксизма означал тем самым отказ от традиций реалистического миросозерцания вообще. И что же? Идеологи русского либерализма, прошедшие предварительно школу марксизма и в этой школе теоретически «поврежденные», оказались вынужденными искать духовного прибежища на высотах идеалистической метафизики и даже, говоря словами Фейербаха [13]), в «сумасшедшем доме богословия»...

«Мыслящий» либерал «естественно стремится осмыслить разрозненные требования» демократии. Но его классовый инстинкт гонит его от социально-исторической точки зрения, ибо она монополизирована марксизмом, как высшим моментом социологического мышления. Марксизм сделал социально-историческую точку зрения классовой точкой зрения и при помощи ее он «осмысливает» «разрозненные требования», как продукт классового интереса. Для «мыслящего» либерала или демократа такая точка зрения означала бы политическое самоубийство: применив ее, они оказались бы в собственных глазах политическими представителями господствующих классов. Ясно, что они вынуждены были искать теоретической опоры вне исторического процесса и входящих в него классовых реальностей,—они

должны были обратиться к миру н а д историческому. От текучего эмпирического «сущего» они апеллировали к неизменному и вечному «должному». Категорический императив морали был призван для того, чтобы философски «осмыслить» те разрозненные политические требования, вскрыть и формулировать которые взялось штутгартское «Освобождение». И объективно и субъективно идеологам либерализма н е о б х о д и м о было представить свою программу не как вульгарную платформу скаредно-прогрессивной буржуазии, но как выражение вечных законов морали,—и мы видели, как, в ответ на эту «необходимость», «Проблемы идеализма», не сходя с своей сверхъисторической позиции, доказали при помощи очень маленьких силлогизмов, что «формальный принцип морали устраняет одинаково и этический консерватизм и этическую утопию земного совершенства. Он осуждает... представление о возможности всеобщей гармонии интересов и сил, достигаемой осуществлением этого идеала в действительности» (288). Короче: категорический императив, как руководящий принцип политики, «устраняет» непримиримый консерватизм и «осуждает» непримиримый революционный социализм. Он «одобряет» либерализм. И г. Булгаков со своей точки зрения вполне прав, когда говорит: «этого принципа не много и не мало, а как раз достаточно для обоснования всех освободительных стремлений нашего времени» («От марксизма к идеализму», пред., XXI).

Таким образом позиция упрочена. «Неотъемлемые права человека и гражданина», поставленные под непосредственную охрану категорического императива, должны отныне служить опорной базой для борьбы на два фронта: сегодня—с самодержавной полицией, завтра—с пролетариатом, сегодня—с абсолютизмом, завтра—с социализмом.

В то время как либерально-умеренное крыло интеллигенции пыталось укрепиться в цитаделях метафизики, промежуточные элементы ее, освобожденные той же «критикой», просто решили, что отныне—в с е п о з в о л е н о! Нет сомнения, французская революционная демократия не праздновала с такой радостью праздник

богини Разума, как наша «социал-революционная» интеллигенция—свой праздник освобождения от всяких обязательств по отношению к теоретическому разуму. Прочитайте «Вестник русской революции»[14]), орган «освобожденного» социализма,—это своего рода «социалистически-революционный» Декамерон[15]), собрание новелл, далеко не столь художественных, как новеллы Бокачио[16]), но в одинаковой мере воплощающих бурный протест проснувшейся буржуазной «плоти» против тиранических оков, безапелляционно налагавшихся в течение известного периода господствующей «ортодоксальной» церковью. В атмосфере, освобожденной «критикой» от идейного гнета марксизма, широкие слои интеллигенции, шумно врывавшиеся в область революционной борьбы, чувствовали себя независимыми от суровой «догмы». Но они—в лице «социалистов-революционеров»—не отвергли все же марксизма целиком: такое отвержение наложило бы на них слишком большие обязательства. Они эксплоатируют марксизм по частям, хищнически, в интересах оправдания отдельных актов политического авантюризма. Отношение «социалистов-революционеров» к марксизму есть лишь теоретическое отражение их политического отношения к пролетариату. Они не признают в пролетариате самостоятельной политической силы, но и не поворачиваются к пролетариату спиной: они согласны его политически эксплоатировать *)...

*) Промежуточное положение наших „субъективных" социалистов между социалистической партией пролетариата и либеральной партией буржуазии замечательно ясно отражается в сфере философии.

Если „субъективный критерий", который должен направлять нашу деятельность, обязан своим происхождением эмпирической действительности, тогда он имеет неизбежно социально-исторический, значит классовый, характер. И наша задача: от данной нам, как факт, оценки провести вспомогательные линии в н и з, установить классовую природу данного субъективного критерия и поставить его тем самым под контроль о б ъ е к т и в н о г о к р и т е р и я, т. е. законов социального развития. С этой точки зрения, „субъективизм", который замыкается в самом себе, знаменует страх „позитивной" мысли пред своими выводами.

Если же „субъективный критерий" автономен от социальной эмпирии, на руководство которою он посягает, тогда должен быть сверх-

То, что Европа в муках рождала, то, что она изживала общественно и политически, русская интеллигенция усваивала легко, по книжкам и газетам, но увы!—при первой же смене обстоятельств она столь же легко освобождалась от своего нового достояния... Стоило ей ощутить под собою революционную силу и наполниться сознанием или предчувствием своего близкого политического значения, как она немедленно же обнаружила совершенно не предвидевшуюся марксистами девяностых годов способность к идеологическим рецидивам—в форме замаскированного народничества, исторического субъективизма и идеалистической метафизики. Столь надежные, казалось, «марксистские» фаланги все более и более таяли... Звание «бывшего марксиста», «бывшего социал-демократа», сразу стало входным билетом в «лучшие дома» литературной «терпимости»,—и никому—никому, кроме небольшой сравнительно группы,—не казалось, что это почетное «звание» свидетельствует лишь о переселении из боевой армии пролетариата во вражий лагерь. А такое переселение называется политическим ренегатством...

И вот в то время, как вчерашние «единомышленники» наскоро собирали свои пожитки, точно боясь опоздать к отходу поезда, большинство работников партии, душою и телом преданных делу пролетариата, не способно было даже понять политический смысл происходивших на их глазах «передвижений» интеллигенции. Социал-демократы-«экономисты» не ценили марксизма, потому

эмпирический источник, из которого мы заимствуемся критерием и масштабом нравственной и иной оценки. Тогда наша задача—провести от данной нам, как факт, оценки линии вверх, в потусторонний мир долженствования и тем самым опять-таки поставить субъективный критерий под контроль „объективного критерия", именно абсолютной нормы долга. С этой точки зрения, замкнутый в себе „субъективизм" предполагает малодушный отказ мысли от собственных метафизических (или религиозных) предпосылок.

(NB. Либо „экономический материализм", либо философский идеализм. Эта дилемма, стоящая пред „субъективизмом", наглядно демонстрирует—методом „от обратного"—столь часто отрицавшуюся внутреннюю связь между философским материализмом и материалистическим пониманием общественного развития.)

что почти не пользовались им, как политическим оружием. Они взяли из марксизма два-три упрощенных тезиса, которые санкционировали в их глазах их победоносную тактику,—и они с самоубийственным равнодушием относились к марксизму в целом. Более того. Они сами оказались очень восприимчивы к буржуазной «критике». Теоретической партийной атмосферы не было,—и практики «экономизма» дышали атмосферой легальной журналистики, с ее буржуазно-апологетическим «марксизмом» и с ее «критикой», дышали и заражались ею. В общем это был невеселый период повального бегства интеллигенции из марксизма—на фоне приведенных в движение масс городского пролетариата. Социал-демократическая партия из факта, правда, крайне примитивного, становилась вопросом, правда, очень сложным.

Именно, как сложный вопрос, взяла нашу партию «Искра».

„Именем марксизма".

(Период „Искры".)

И сказал бог: «Да будет свет!» И стал свет. И отделил небо от земли, день от ночи и буржуазную демократию от социалистической. Исчез первозданный хаос, и настало царство революционной социал-демократической политики. Таков библейский слог комитетских признаний и провозглашений по адресу «Искры». Полное отсутствие исторической перспективы является их основной чертой.

«Искра» не «самочинно» выбирала себе задачи. Они были навязаны ей охарактеризованными выше условиями политического момента. «Экономисты» пробудили к жизни новые силы и оказались не в состоянии овладеть ими. Они вызвали массовое движение и опустили руки пред лицом задачи—придать этому массовому движению классовый характер. Они оживили через посредство рабочего движения демократическую интеллигенцию, но не только не подчинили ее своему контролю, наоборот, спасовали перед нею, когда она открыла теоретическую

кампанию против принципов самостоятельной классовой политики пролетариата.

Эти два явления определили основные задачи всего периода «Искры». В частности, второе—быстрое нарастание демократии—наложило неизгладимую печать на облик нашей первой политической газеты.

Необходимо было—раз была вера в политическую правоспособность социал-демократии—принять самое активное участие в размежевании демократической интеллигенции с тем, чтобы именем марксизма отвоевать для дела рабочего класса возможно большее число сознательных сторонников... «Именем марксизма»!—весь период стоял под этим лозунгом, вокруг него происходила группировка революционной интеллигенции, этот лозунг стал грозным, как некогда «Слово и дело».

«Искра» не совершила чудес. Она не отделила земли от неба и суши от воды. Но, опираясь на «Зарю» [17]), восстановлявшую марксизм, «Искра» много сделала в сфере политического размежевания демократической интеллигенции. Период «экономизма» был эпохой непосредственной и исключительной борьбы за влияние на пролетарскую массу,—борьбы не с другими демократическими партиями, а с некультурностью самого пролетариата и варварством российских политических условий. Период «Искры», по своему объективному политическому смыслу, был эпохой непосредственной борьбы за влияние на революционную интеллигенцию—на фоне вовлечения пролетариата в общедемократическую борьбу. В этом основное политическое различие и историческое «оправдание» двух последних периодов жизни нашей партии. Это различие, а значит и смысл всего периода «Искры» должен прежде всего понять всякий, кто хочет хотя бы только подойти к нашим теперешним партийным разногласиям.

Период «Искры» был периодом борьбы за влияние на интеллигенцию. «Искра» сказала: «необходимо размежеваться». И она размежевывала и отмежевывалась. Но это означает не то, что «Искра» вырабатывала тактические приемы непосредственного поли-

тического «размежевания» пролетариата и буржуазии— в этом направлении она сделала крайне мало,—нет, она применяла реставрированные «Зарею» марксистские теоретические основы для дела размежевания принципиальных сторонников пролетариата и потенциальных «сторонников» буржуазии в среде демократической интеллигенции. «Надо размежеваться». Разумеется, «в конечном счете» это означало политическое самоопределение пролетариата в форме самостоятельной классовой политики. Но эта «конечная цель» лишь субъективно подразумевалась — развернуть ее составляет миссию нового большого и богатого периода, солнце которого, может быть, уже занимается над партией. Задача же старой «Искры», ею действительно выполненная, состояла в том, чтобы—с отточенным лезвием марксистской доктрины наголо—удержать все те элементы из среды демократической интеллигенции, которые еще не окончательно погибли для «идеи четвертого сословия».

Нужно оговориться. Мы имеем в виду объективную задачу, которую выполнила «Искра». Мы говорим об «Искре», не как она была задумана, не как она родилась, но как она стала. Субъективно «Искра» ставила себе самые широкие цели: прежде всего возвышение стихийного рабочего движения на степень политического и затем, руководство—именем пролетариата, класса-освободителя!—«всеми теми, кому дорого имя— свобода»! (№ 3). Политическая газета как социал-демократическая должна была служить светочем революционному пролетариату, как демократическая— путеводной звездою борющейся демократии. Но оказалось, что невозможно на литературном пути достигнуть тех политических эффектов, которые не отвечают соотношению политических сил. Не только социал-демократия не может бороться за рабочих, но и социал-демократическая газета не может бороться за социал-демократию. Если последняя по глубине своего влияния на пролетарские массы, по энергии и целесообразности политического действия не способна завоевать себе решающий голос в деле демократической борьбы, то социал-демо-

кратическая газета тщетно будет пытаться взять на буксир всю демократию—одним именем класса-освободителя. История не допускает «заместительств».

Демократия не позволила взнуздать себя чисто литературными средствами, ибо литература—это именно та область, где интеллигенция всего сильнее и потому всего независимее. Поставить, по живому образцу «Искры», «Освобождение» и «Революционную Россию» [18]) и тем ликвидировать всякие даже «временно-обязанные» отношения к партии пролетариата было делом 1—2 лет.

По мере того как демократия обзаводилась собственным «идеологическим» хозяйством, которое мы охарактеризовали в предыдущей главе, политическая отсталость пролетариата сказалась в том, что его собственной партии стала грозить опасность—если не целиком, то значительной долей раствориться в демократии. «Искра», раз она оставалась верна делу пролетариата, была вынуждена уже не «именем пролетариата» вязать демократию, но «именем марксизма» отбиваться от нее. «Искре» пришлось—хотела она этого или нет—отдать главную долю своих усилий задачам «размежевания», для выполнении которых сперва предназначалась одна «Заря». Руководительница общедемократической борьбы под гегемонией партии пролетариата по замыслу, «Искра» на деле превратилась в орган политической самозащиты социал-демократической интеллигенции во имя объективной задачи: вовлечения под своим знаменем пролетариата в общедемократическую борьбу. Этот перелом, совершившийся наполовину стихийно, придал газете ту боевую «неистово-полемическую» физиономию, которая предносится перед всяким, когда он слышит имя «Искры»... В № 35, в превосходной статье тов. Старовера [19]), «Искра» отдает себе отчет в происшедших объективных переменах, под влиянием которых сложился ее собственный облик. «Поворот в умах демократии,—говорит Старовер,—совершившийся факт». «Идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, сменяется идеей освободительной борьбы, в которой пролетариату отведено подчиненное место» («О двуликой демократии»).

Львиная доля «Искры» была посвящена критике «экономизма», предрассудков народничества, терроризма, национализма. «Искра», как говорили, была неполитической, а полемической газетой. Ее обвиняли в том, что она борется не столько с самодержавием, сколько с другими революционными фракциями. Выводы, которые неизбежно вытекают из этого упрека, если быть последовательным, означают, что «Искре» не следовало выдвигать такие политические идеи, которые не общи всему освободительному движению в целом,— а это значит, что следовало растворить классовую идею в демократической. Для социал-демократии это значило бы отказаться от всяких видов на будущее. «Искра» на это, к счастью для партии, не пошла. Наоборот, большую часть своего внимания она отдала фракционным разногласиям внутри интеллигенции. Борясь с терроризмом, народничеством, национализмом, «Искра» указывала интеллигенции путь борьбы за исторические интересы пролетариата. Непосредственно тут перед «Искрой» стояла не задача политического обособления пролетариата, а задача уяснения исторических интересов пролетариата в сознании интеллигенции.

Когда Лассаль [20]) вел свою неистовую войну с прогрессистами, он боролся непосредственно за влияние на уже вовлеченных в общедемократические интересы рабочих, среди которых прогрессисты имели своих организованных приверженцев. Когда же мы боремся с народничеством или идеализмом, мы имеем в виду непосредственно не рабочих, а интеллигенцию, которая прежде всего уйдет от нас, а затем уже пойдет к рабочим с мелкобуржуазным народничеством или буржуазным либерализмом. «Искра» не привлекала «социалистов-революционеров», как Лассаль прогрессистов, на политический суд пролетариата, наши комитеты делали это в ничтожных размерах,—она подвергала их лишь теоретическому осуждению с точки зрения классовых интересов пролетариата, и в этом смысле—именем пролетариата. «Искра» не сталкивала пролетариата лицом к лицу со всем буржуазным миром,—она лишь

вербовала в интеллигенции принципиальных сторонников такого «сталкивания». Она не вырабатывала тактических форм самостоятельной политики пролетариата — даже поскольку такие тактические формы возможны при наших общественно-исторических условиях, — она лишь доказывала революционной интеллигенции необходимость такой самостоятельной политики.

Как бы усердно тот или другой изыскатель ни старался доказать, что у старой «Искры» был целый ряд ошибок теоретического характера, сгубивших во цвете лет целое поколение социал-демократов, и что, если бы в свое время эти ошибки были исправлены, сообразно преподанным указаниям, партия переживала бы в настоящий момент могучий и пышный расцвет, мы можем по этому поводу только нетерпеливо пожать плечами. Не в этом корень вопроса. Все дело не в теоретических оплошностях (вроде отношения «стихийности» к «сознательности»), по крайней мере не столько в них, сколько в политической ограниченности той задачи, которую классовые интересы пролетариата возложили на группу социал-демократов в определенный исторический период, когда лихорадочно-торопливый процесс передвижения и распределения демократической интеллигенции грозил почти бесследно разметать те ее элементы, которые были до этого периода связаны в одно неоформленное целое субъективным стремлением «быть и остаться» сознательным орудием «классового движения организованных рабочих масс».

Мало признать большие исторические заслуги «Искры», и уж совсем немногого стоит пересчитать в «Искре» все неудачные и двусмысленные выражения; необходимо сделать больше: понять историческую ограниченность той роли, которую сыграла «Искра». Она многое внесла в процесс дифференциации революционной интеллигенции, — и многое вынесла из этого процесса. Она перевела салонные словопрения, литературную полемику, интеллигентские объяснения за стаканом чая на язык политических программ; она материалистически связала разнообразные теоретические и философские симпатии с известными классовыми интересами и именно этим

«раскольническим» методом «размежевания» завоевала для дела пролетариата добрую долю интеллигенции и закрепила свою «добычу» программными, тактическими и организационными решениями II съезда. Но вся эта работа стоит лишь у преддверия подлинной политической работы социал-демократии. И теперь вопрос формулируется так: какая задача должна составить душу нового периода: дальнейшее ли «размежевание»—теперь уже в ограниченном кругу интеллигенции, объединенной общей программой в социал-демократическую партию,—или же выработка методов непосредственного политического отделения пролетариата (а не только его «идеи») от буржуазии (а не только ее «идеи»).

Мы настаиваем на втором ответе. Партийное творчество, для которого старая «Искра» и собирала разбредавшуюся интеллигенцию, должно направиться на это непосредственное решение нашей основной политической задачи, с точки зрения которой получает свое объяснение и оправдание работа «Искры», задачи, которая непосредственно «Искрой» и практиками ее периода почти не ставилась—политическое отделение пролетариата от буржуазии.

Мы утверждаем, что партия теперь только впервые приступает к пролетариату. Во время «экономизма» работа всецело была направлена на пролетариат, но принципиально это еще не была социал-демократическая работа. Работа периода «Искры» имела социал-демократический характер, но непосредственно она была направлена не на пролетариат,—поскольку же она была направлена на пролетариат, она—о чем скажем ниже—носила лишь примитивно демократический характер. Только теперь социал-демократия, как таковая, приступает к пролетариату, как таковому.

Если мы таким образом определим нынешнее положение, то уже самая постановка вопроса открывает нам не только возможность, но, до известной степени, и неизбежность переживаемых партией разногласий. Каждый период вырабатывает свою собственную косность

и стремится свои тенденции навязать движению в целом. Как «экономисты»—в силу естественной психологической аберрации—отождествляли рукозодимое ими профессиональное движение с социал-демократическим,—ибо они себя сознавали социал-демократами,—так и «искровцы» слишком часто отождествляли борьбу за принципиальное признание классовой политики пролетариата с выработкой этой политики и в силу такого отождествления пришли в конце концов в полному игнорированию своей прямой задачи—реализовать в соответственных формах повседневной политической практики признанные ими принципы классовой политики пролетариата. Но об этом еще речь впереди *).

Когда Ленин подсовывал Каутскому абсурдные представления об отношении «стихийного» и «сознательного»

---

*) Мы не знаем, согласятся ли с нашей оценкой периода „Искры" единомышленники тов. Ленина. Мы думаем, что нет, потому что это обязало бы их к целому ряду неприемлемых для них выводов. Но справедливость требует отметить, что на втором съезде ни тов. Ленин, ни его единомышленники не пытались выступить против „узкой" оценки, данной в моей речи работе „Искры". „Вспомним, говорил я, как быстро овладел марксизм умами интеллигенции в начале 90-х годов. Для большинства этой интеллигенции марксизм был орудием идейной эмансипации нашей демократии от устаревшей народнической идеологии. Он обеспечивал за ней право с свободной совестью пойти „на выучку к капитализму". Но марксизм выдвинул свое истинное революционное содержание в рабочем движении. Чем больше развивалось это последнее, тем настоятельнее становилась для демократии потребность оформить свое отношение к нему. Но сама демократия успела вырасти, окрепнуть и получить вкус к самостоятельным политическим нотам. Идеология пролетариата была ей не впору. Начинается критический поход против марксизма. Официальная цель этого (похода)—освободить марксизм от некритических, „догматических" переживаний. Истинная задача этого похода—освободить демократию от гнета марксистской идеологии. „Критика" „подкопала" все основы марксизма. От обаяния марксизма не осталось и следа. Разлагающее влияние этой „критики" сказалось и в наших рядах, в рядах социал-демократии. Начался период сомнений, шатаний и разброда. Мы уступали буржуазной демократии одну позицию за другой... В этот-то критический момент и выдвинулась группа „Искры" и „Зари", предпринявшая за свой страх и риск дело сплочения партии под знаменем революционного социализма"... (Второй очередной съезд Р. С.-Д. Р. П., стр. 142) Во всех других речах „Искра", сознательно или бессознательно, оценивалась в сущности под тем же углом зрения.

элементов в революционном движении пролетариата, он просто грубыми мазками рисовал задачу своего периода. Он обращался к интеллигенции, которая одна только и составляла аудиторию «Зари», да и «Искры», как «Искры», со всей сложностью выдвинутых ею проблем—и он говорил: «Сперва мы вас накачаем марксизмом, концентрированным раствором сознательности, пропитаем вас подозрительностью к буржуазной демократии—а там... за работу, в атаку против «стихийности»! В этом, да, именно в этом была задача: «накачать» интеллигенцию марксизмом, закрепить, связать по рукам и ногам, чтобы не разбредалась, чтоб не перебегала, чтоб не предательствовала... чтоб пикнуть не смела против Маркса, чтоб не дышала!—задача страшно спешная, ибо марксистская интеллигенция таяла как воск, уходила между пальцев к «соц.-революционерам» и к либералам...

Сказанного выше не нужно, разумеется, понимать в том смысле, что «Искра», увлекшись своим участием в размежевании интеллигенции, пришла к игнорированию своих прямых задач, что она забыла о пролетариате, погнавшись за «другим классом населения». Нисколько! Та интеллигенция, за которой «Искра» гонялась, была в первую голову—ее собственная партия. Инстинкт политического самосохранения толкал на борьбу с «критикой», бернштейнианством [21]), терроризмом, народничеством, идеализмом, вносившими смуту и разложение в те самые ряды, из которых «Искра» хотела строить объединенную партию. Между небольшой группой выдающихся социал-демократов и пробуждавшейся рабочей массой пролегал слой мятущейся интеллигенции, среди которой «свои» терялись в «не-своих»—и прямая задача «Искры» была: внести «порядок» в этот «хаос». Именно вследствие этого наша первая политическая газета оказалась не органом непосредственного руководства политической борьбой пролетариата, но принципиальной политической платформой, служащей размежеванию в среде марксистской, полумарксистской и чуть-чуть-марксистской интеллигенции. Нужно, однако, помнить, что «Искра» застала серьезное и страшно цен-

ное наследство эпохи «экономизма»: возбужденные массы городского пролетариата. Бороться за влияние на интеллигенцию на этой исторической почве— задача глубоко отличная от той, какая стояла втечение 80-х и отчасти 90-х годов перед «Группой Освобождения Труда». Тогда приходилось доказывать неизбежность развития капитализма в России и выводить отсюда историческую правоспособность социал-демократии. Для этого нужна была не газета, а журнал, не «Искра», а «Социал-Демократ»[22]). Те революционеры, которые воспитались на «Социал-Демократе», становились пропагандистами научного социализма. Другая задача стояла перед «Искрой». Она должна была воспитывать не пропагандистов, а политических руководителей уже существующего массового движения. Достигнуть этого можно было не теоретическим лишь отстаиванием методов марксизма, но и демонстрированием их на текущих явлениях общественно-политической жизни. Но и отстаивание методов и их публицистическое применение в своем полном объеме и непосредственно служили все той же цели: закреплению и политическому просвещению марксистской интеллигенции.

Но этим не исчерпывается содержание прошлого периода.

Стихийно возбужденные городские массы, как наследие «экономической» агитации, не только определяли фактом своего существования методы воздействия на интеллигенцию,—эти массы требовали прежде всего непосредственного внимания к самим себе. «Помимо своих руководителей,—писала «Искра» в № 3,—пролетариат ринулся в бой, когда увидел, что радикальная часть общества готова не на шутку померяться с правительством... Русская социал-демократия должна будет поставить в основу своей практической деятельности это явное стремление рабочих масс принять активное участие в освободительной борьбе всей русской демократии; она должна будет сделать это, если не пожелает остаться за бортом, если не пожелает передать свои права на руководство движением пролетариата другим политическим силам». И

русская социал-демократия действительно поставила это «стремление рабочих масс» во главу угла своей политической деятельности.

В известном смысле партийная практика в период «Искры»—но, разумеется, не под ее исключительным влиянием—совершенно переродилась: из «профессионального», стачечного движения, почти не решавшегося выступать за свои пределы, она превратилась в систематическое политическое возбуждение пролетариата путем всесторонних политических обличений. Это различие так резко, что его можно принять—и его принимают—за различие между «тред-юнионизмом» и классовой политикой пролетариата. С этой точки зрения соотношение между «Искрой» и всей работой партии, а значит, и вся роль «Искры» представляется в самом упрощенном виде: революционная социал-демократическая газета непосредственно руководит революционной социал-демократической политикой пролетариата. Такое представление столь же ложно, сколь и заманчиво.

Воплощение в сфере политической практики всех задач, выдвинутых «Искрой» и «Зарей», было совершенно недоступно для партии. Социал-демократическую тактику нельзя инсценировать в любой момент и на любом месте. Одна наличность пролетариата еще недостаточна. Необходимы, в качестве предпосылки, более или менее широкие слои пролетариата, вовлеченные в демократическую политику. Такого пролетариата не было. Российской социал-демократии пришлось самой создавать эту предпосылку классовой политики, выполняя за буржуазную демократию ее историческую задачу: стихийного возбуждения пролетариата (период «экономизма») и его вовлечения в сферу общедемократической борьбы («политический период»). Приемы «экономической» агитации предназначены были на то, чтобы пробудить элементарные революционные инстинкты, недрящиеся в «стихийно»-слагающейся классовой психологии пролетариата; методы политического «обличительства» годились на то, чтобы этим пробужденным инстинктам придать форму сознательного гражданского протеста. Как ни различно, следова-

тельно, содержание двух предшествующих периодов, оба они объединяются тем, что представляют собою, в объективном смысле, выполнение буржуазно-демократической работы—под принципиальным знаменем социализма и, субъективно, из чисто-социалистических побуждений.

Если теоретики и публицисты «экономизма» беспощадно урезывали социалистическое знамя, то группа «Зари» и «Искры» в таком грехе против духа святого совершенно неповинна: она ставила себе и партии задачу, общую всей международной социал-демократии: соединение рабочего движения с социализмом («Искра» № 1), она развивала эту задачу теоретически, публицистически и полемически и именно вокруг признания этой задачи группировала своих сторонников. Но работа, которую эти сторонники выполняли в пролетариате—не только, впрочем, сторонники, но и противники, толкавшиеся на тот же путь объективными запросами и подталкивавшиеся конкуренцией со сторонниками,—исчерпывалась задачей: освободить сознание рабочих масс «от гнета вековых политических предрассудков, из которых главные—слепая вера в правительство, в царскую милость и отсутствие сознания себя равноправными гражданами того общества, которое живет трудом рабочего класса» (№ 1). «Заря» в сфере теории, «Искра» в сфере публицистики и программной полемики указывали правильное соотношение между «равноправным гражданином» и пролетарием и на этом соотношении учили свою аудиторию социалистической политике, но политическая жизнь возбужденных масс не пропитывалась сознанием этого соотношения, она вся целиком исчерпывалась общими лозунгами освобождения. «Мне «Искра» потому так и понравилась,—пишет петербургский рабочий,—что она рабочего за гражданина считает, а это ах как важно!» (№ 14).

Было бы поэтому прямой исторической ложью сказать, что «Искра» непосредственно руководила политической жизнью пролетариата—в том смысле, что она питалась непосредственным опытом движения и на его непосредственные запросы давала непосредственные отве-

ты. В деле размежевания интеллигенции «Искра» действительно играла руководящую роль, выступая с полным правом, как хозяин положения: она была теоретически вооружена до зубов, а теоретическое оружие в этой борьбе означало все. Но сама эта борьба не означала всего. Пролетарская доктрина политического развития не может заменить политически развитого пролетариата. И это обнаружилось не только на неуспешной попытке «Искры» первого периода «именем пролетариата» подчинить демократию всех направлений социал-демократической гегемонии, но и в полной недоступности для «Искры»—непосредственно оплодотворять движение самого пролетариата тем идейным вкладом, который она вносила в сознание революционной интеллигенции.

Разумеется, то перерождение практики, которое сложилось за последние три-четыре года, происходило под прямым и косвенным влиянием «Искры». Но для того, чтобы давать только те директивы, которые учитывались практикой, только те лозунги, которые подхватывались ею, «Искре»—отвлеченно говоря—не нужно было быть «Искрой», ей достаточно было быть революционной демократической газетой. Что же касается тех сложных политических идей, которые были внесены «Искрой» как «Искрой», то они давались ею не столько в счет настоящего, сколько в счет будущего. Эти идеи, не впитывавшиеся непосредственно практикой, подготовляли в сознании руководящих элементов движения идейные предпосылки для постановки революционно-классовых тактических задач—на «материальной» почве, созданной усилиями предшествующих «поколений» партийного развития.

Мы сказали, что для того перерождения практики, которое совершилось в прошлый период, достаточно было, отвлеченно говоря, революционно-демократической идеологии. Но для того, чтобы период «вовлечения» пролетариата в сферу интересов «человека и гражданина» вошел составной частью в процесс классового самоопределения пролетариата, необходимо было, на данных исторических основаниях, выдвинуть сложный, неурезанный

идеологический аппарат научного социализма, способный противостоять разным формам буржуазно-демократической идеологии, и при помощи этого аппарата закрепить руководящий персонал движения, элементы демократической интеллигенции, за историческим делом пролетариата.

Чтобы показать на частных, но ярких образцах, в какой *неравной* мере «Искра» руководила идейным размежеванием интеллигенции и политическим самоопределением пролетариата, достаточно напомнить хотя бы то, как «Искра», беспощадно суровая ко всякой «шатости» со стороны интеллигенции, проявляла безмерную и нередко совершенно недопустимую снисходительность ко всяким заявлениям политически пробуждавшихся пролетариев. «Искра» смолчала—почти одобрительно,—когда петербургский рабочий высказал свою крайнюю радость по поводу полного упразднения всяких разговоров о прибавочной стоимости (а значит и о социализме), и в то же время совершенно законно обрушилась всей тяжестью теоретического гнева на «социалистов-революционеров», которые решили под-шумок дать свое не слишком «доктринерское» определение класса, как категории, определяющейся распределением, а не производством. «Искра» без всяких оговорок цитировала тех рабочих, которые требовали, чтоб их, не задерживая, прямо учили, «как в бой итти»,—и в то же время предавала жестокому посмеянию «Исторический поворот» с его советом—строиться в штурмовые колонны! А в сущности этот клич: «стройтесь в колонны!» был лишь беспредметным ответом на беспредметный вопрос: «Как в бой итти?».

Объясняется это, в сущности, тем, что у «Искры», вследствие несоответствия между «теорией» и «практикой», были две разные мерки. Интеллигента нужно было немедленно связать семью узлами социалистической доктрины; освобожденный же от «прибавочной стоимости» пролетарий, шедший к познанию «прав человека и гражданина», привлекался не сам по себе, а для того, чтобы его революционностью—да будет позволено такое

выражение — ткнуть в зубы интеллигентных «хвостистов»...

Мы в настоящий момент ответственны в известном смысле не только за будущее, но и за прошлое. От нашего дальнейшего «поведения» зависит не только судьба российской социал-демократии втечение целого ряда ближайших лет, но и социалистическая ценность той работы, которая совершена русскими социал-демократами до настоящего момента...

Для того чтобы вся предшествующая работа не пошла насмарку в социалистическом (не просто в революционном) смысле, нам необходимо прежде всего оценить две имеющиеся у нас предпосылки дальнейшей деятельности: политически пробужденные и связанные с нами десятилетними традициями массы и безусловное,—то за страх, то за совесть,—уважение к марксизму, как к методу политического мышления. Оба эти элемента должны войти составными частями в наше дальнейшее строительство.

Призывы начисто «ликвидировать» ту или другую из этих предпосылок, раздающиеся там и сям, должны быть решительно и бесповоротно отвергнуты, как безумная попытка выбросить всю ту политическую культуру, которую мы приобрели ценою таких усилий и без которой мы окажемся нищи и наги, как Иов...

...«Искра» с «Зарею» не совершали чудес, потому что история не допускает чудес. Но всякий член партии, который настолько марксист, что не требует от марксистской литературы чудес, может с гордостью оглянуться на боевую литературную кампанию прошлого периода.

Работа реставрации марксизма, занесенного мусором критики, была совершена «Зарей», во главе которой, разумеется, шел тов. Плеханов. В. И. Засулич [23]) указывала интеллигенции элементы идеализма в нашем материалистическом социализме, мягко, но убийственно иронизировала над новыми богами интеллигенции и «манила» ее назад—и в то же время вперед—на службу пролетариату. Старовер подкупал интеллигентного разночинца, давая ему его собственный, тонко и помарксистски умно идеализированный портрет... Мартов, Добролюбов [24])

«Искры», умел на нашу нищенски бедную, несложившуюся, невыразительную общественную жизнь бросить сноп такого яркого света и всегда с такого счастливого пункта, что ее политические, т. е. классовые, очертания выступали с поразительной отчетливостью... А там, где нужно было оформить, закрепить, приковать, завязать мертвой петлей, там, где нужно было: «чтоб не дышала!», там решительно и талантливо выступал тов. Ленин.

А тов. Аксельрод? Замечательное дело! В этот период тов. Аксельрод не играл активной роли, ибо это не был период тов. Аксельрода. Верный и проницательный страж интересов пролетарского движения, он первый забил тревогу у преддверия того периода, на который «Искра» наложила такую яркую и красивую печать... По самому складу своего мышления, не только по миросозерцанию, по политическому настроению, не только по «программе», он истинный пролетарский идеолог в том смысле, в каком они имеются только в Германии. Он не способен относиться к интеллигенции субъективно,— только объективно. Он говорит об интеллигенции всегда в третьем лице, никогда—во втором. Интеллигенция для него не та аудитория, к чувствам которой он апеллирует, которую зовет,—нет это просто политическая сила, которую он взвешивает и учитывает. Этим объясняется, что в период, центром которого была размагничивающаяся марксистская интеллигенция, П. Б. Аксельрод не мог играть активную роль—не только по количеству статей *),—Аксельрод вообще пишет не «статьями», а математически сжатыми формулами, из которых другие, в том числе и Ленин, делают очень много статей,—но и по тому месту, которое занимала в литературной компании «Искры» разработка тактических «формул» Аксельрода. Непосредственное искание тактических методов политического самоопределения пролетариата в общественно-исторических рамках абсолютизма, составляющее ту «свою линию» тов. Аксельрода, которая проходит по всем его работам, почти не ставилось в этот пе-

*) Теперь с легкой руки Павловича [25]) (т. е. Ленина) влияние публициста определяется в нашей партии весом печатной бумаги.

риод на очередь дня. Шла работа внутреннего размежевания...

Тов. Аксельрод снова выступил в конце периода «Искры», чтобы сказать: «Довольно! Теперь необходимо коренным образом перенести центр тяжести работы,— необходимо пустить в живой политический оборот ту потенциальную силу, которую «Искра» завоевала для дела пролетариата!» Фельетоны Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры» знаменуют начало новой эпохи в нашем движении...

Может показаться странным, что я говорю об «Искре» словами некролога: «Искра» живет и работает и борется. Но я думаю все же, что я вправе говорить о двух «Искрах» и об одной из них в прошлом. Новая «Искра»—и в разъяснении этого до некоторой степени задача моей брошюры—есть прямое детище старой «Искры» *. Тем не менее между ними лежит целая пропасть. И не потому, что кто-нибудь разочаровался, кто-нибудь ошибся и поправился, и еще менее потому, что кто-нибудь отделился, а потому, что прошли три года— и не простых, а военных—политической жизни, три года, втечение которых у всех в сознании успела прибавиться новая глубокая политическая «складка», три живых и интересных года, которые не повторятся,—и хорошо, что не повторятся, ибо впереди—ряд еще более живых и более интересных годов...

---

* В этом Троцкий был действительно прав. Между старой и новой „Искрой“ уже в 1904 г. была „целая пропасть“. Ленин об этом с полной отчетливостью говорил в брошюре „Шаг вперед, два назад“:

„Новая „Искра“ учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая „Искра“ была органом воинствующей ортодоксии. Новая „Искра“ преподносит нам отрыжку оппортунизма — главным образом, в вопросах организационных. Старая „Искра“ заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов. Новая „Искра“ „поумнела“ и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая „Искра“ неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В новой „Искре“ внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимое даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью, она фарисейски

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ.

Содержание нашей деятельности в пролетариате.

Да, нет сомнения, нас ждут интересные боевые годы, готовятся дух захватывающие события,—но сейчас нам необходимо во что бы то ни стало выбиться из того тупика, в котором вот уже год бьется наша партия. Комитетская работа в необычайно жалком состоянии. Организационные связи с массой ничтожны. Политического «контакта» с массой почти нет вовсе. Речи о пролетариате, как авангарде общедемократического движения, все более и более начинают резать ухо, как политическая фальшь. Для всякого социал-демократа, умеющего политически мыслить, должно быть из всего этого ясно, что в нашей работе существует какой-то глубокий порок, либо унаследованный нами от «экономизма», либо же благоприобретенный в период «Искры», «порок», который не дает нам выпрямиться во весь рост. Наивно думать, что внутренние трения— причина застоя. Они только его симптом.

Отвлечемся на время от партийных разногласий, от организационных столкновений, взаимного «бойкота», оглянемся на содержание нашей партийной работы,— и оно поразит нас не только своей количественной, но и своей качественной бедностью... Все поле нашей деятельности покрыто разной величины белыми листками, на которых напечатаны общие мысли о необходимости низвергнуть самодержавие—«во имя социализма». Листки эти называются прокламациями. Совокупность этих прокламаций называется почему-то Российской социал-демократической рабочей партией... Разве это не так?

осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии. Какой позор! Как они осрамили нашу старую „Искру"! (V т., 481—482 стр.).

Примечание редакции.

Узловым пунктом работы «экономистов» была стачка. Такую же приблизительно роль для следующего периода играла демонстрация. Без таких «узловых пунктов» наша работа в массах вообще итти не может. На Западе,—не говоря уж о том, что там в настоящее время темп движения не в пример более «терпеливый»,—на Западе «критическими моментами» в революционном «производстве» являются периодически повторяющиеся избирательные кампании... И стачка и демонстрация упражняют целый ряд сложных навыков массового отпора, укрепляют чувство солидарности, развивают боевое настроение,—в такой мере, в какой это никогда не удалось бы сделать одной литературной агитацией и пропагандой. Было бы величайшим утопизмом—во вкусе первых лавристов—думать, что можно развивать в пролетариате классовую политическую силу одним лишь литературным оповещением его о том, как борются рабочие в других странах, или одними лишь доказательствами необходимости борьбы—без прямого указания и непосредственного призыва к применению возможных в данный момент форм борьбы. Стачка или демонстрация, эти кульминационные пункты работы двух прошлых периодов, не только давали практическое применение тем чувствам протеста, которые будились в рабочих литературной и устной агитацией, но и сразу, скачками, расширяли поле этой агитации и качественно повышали восприимчивость массы к новым, более высоким и сложным идеям борьбы.

В зависимости от того, какое место в общей картине нашей революционной работы занимают те или другие выработанные нашей практикой формы проявления массовой активности и самодеятельности, самая организация работы колеблется между двумя типами: либо это технический аппарат для массового распространения издаваемой на месте или за границей литературы,—либо же это революционный рычаг, служащий для приведения массы в целесообразное движение, а значит для упражнения в ней известных навыков активности и самодеятельности.

Под этот второй тип особенно близко подходила «кустарническая» организация «экономистов». Худо ли, хорошо ли, но она всецело была приспособлена к известным формам «практического сопротивления рабочих капиталистам». Худо ли, хорошо ли, но она непосредственно и активно служила делу сплочения и дисциплинирования рабочих в рамках «экономической», преимущественно стачечной, борьбы *.

Для того, чтобы найти более или менее чистую организацию первого типа—аппарат для распространения партийной литературы—нужно обратиться к так называемой Польской социалистической партии (P. P. S.)[26]. Стараясь свести к minimum'у поле соприкосновения с массой, запрещая резолюциями съездов, по конспиративным соображениям, даже кружковую пропаганду, P. P. S. возложила в конце концов все задачи по политической мобилизации массы на свою литературу, отчасти газетную, главным образом—прокламационную. «Сознавая отрицательные стороны такой работы (организации партией тайных кружков пропаганды),—гово-

---

* Насколько эта троцкистская оценка периода „экономизма" отличалась от „староискровской" можно судить по „Что делать". Говоря о борьбе рабочих, руководимых „экономистами", Ленин писал:

„Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся.

„Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий" (V т., стр. 201—202).

О руководителях же этого периода Ленин писал:

„Основной наш грех в организационном отношении — что мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который внушил бы уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь! (V т., стр. 222).

Примечание редакции.

рит II съезд P. P. S. в 1894 г., — партия направила все свои усилия на агитацию посредством печатного слова, работу же в кружках ограничила выработкой агитаторов. *Издательская деятельность, массовое распространение социалистической литературы—вот главное* (единственное?) *средство*, которое употребит P. P. S. в своей деятельности для подготовления трудящихся масс к борьбе с правительством и капиталистами». Такое понимание задач партии, по словам автора «Очерков по истории социалистического движения в русской Польше»* (стр. 129[27]), «сказалось на всей деятельности P. P. S. и придало ей своеобразный отпечаток, далекий от идеала истинно-пролетарской партии». Тот же автор указывает далее на то, что «стачки, вспыхивавшие стихийно, в большинстве случаев бесплодно потухали. P. P. S., не имея контакта с массами *вследствие очень далекого расстояния, отделяющего организации от них*, не только не могла руководить борьбой и направлять ее планомерно, но даже не умела ее использовать целесообразно для политической агитации» (стр. 190). Аппарат, очень недурно приспособленный для распространения революционной литературы, оказывается непригодным в роли регулятора живой революционной энергии масс.

Мы очень далеки от того, чтобы звать нашу партию назад, к кустарнической организации «экономистов». Но и организация P. P. S.—в этом мы вполне согласны с автором цитированных только что интересных исторических «Очерков»—бесконечно «далека от идеала истинно-пролетарской партии». Это для нас несомненно, ибо—и это постараемся мы ниже пояснить—с каким бы совершенством мы ни распространяли социал-демократическую литературу, мы этим еще не создаем социал-демократической партии. А между тем организационный идеал, который мы вынесли из борьбы с кустарничеством, который навязывался и навязывается нам целым рядом объективных условий, больших и малых, этот

* Изд. Польск. Соц. Партии „Пролетариат".

«идеал» все более и более сближает нас с P. P S., оценивающей, как мы только что слышали, «массовое распространение социалистической литературы», как главное, вернее—единственное, средство «для подготовления трудящихся масс к борьбе с правительством и капиталистами!».

В самом деле, «профессиональная» борьба, и в частности стачка, как наиболее боевая форма ее, давно уже перестала подчинять своим требованиям и нуждам нашу организацию. В процессе борьбы с «экономизмом», которому мы противопоставляли «политическое обличение» по всем и всяческим поводам, мы не только основательно разучились искусству руководительства стачками, но даже стали подозрительно относиться ко всей вообще профессиональной борьбе—под углом сомнения в ее «политической благонадежности» *).

*) Тов. Ленин, конечно, скажет, что это клевета. Он отошлет нас „Шаг вперед...", стр. 141) в № 43 „Искры", из которого мы увидим, что уже в 1903 г. „увлечения политиков рассматривают (?), как очевидный атавизм". Ищем по указанию т. Ленина № 43, находим статью „Об агитационных задачах нашей партии" (письмо в редакцию) и читаем: „*Политическая агитация приняла* у нас за последнее время слишком *абстрактный характер,* слишком мало связывалась с конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы... Наша *политическая агитация* временами превращается в голую *политическую декламацию.* Без вовлечения в движение этих низов нельзя создать массового политического движения. Только расширением основания нашего политического движения, путем пробуждения к самостоятельной жизни народных низов, можно *вновь* сделать сильной нашу партию. В этой работе нельзя игнорировать профессиональных интересов рабочих и профессиональной борьбы *Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессиональное движение...* Между тем, за все время своего существования Бакинский комитет, как и Тифлисский, за последний год (письмо писано с Кавказа) не выпустил ни одного профессионального листка, не организовал ни одной стачки". Из этих строк, надеемся, все окончательно убедятся, что еще в июле 1903 г. „увлечения политиков рассматривают (кто?), как очевидный атавизм". Так неряшливо пишет тов. Ленин историю. Во всяком случае он дает нам право поставить ему несколько вопросов. Если „увлечения политиков" в № 43 „Искры" *уже* рассматривают, как „очевидный атавизм", то все же, значит, эти „увлечения" имели место? В какой период? Может быть, в период „Искры"? В чем проявлялись „увлечения политиков?" Кто и как боролся с ними? Или же, вопреки всему опыту нашей партии, мы справились с „увлече-

С открытием нового столетия, заявившего себя в России такими шумными событиями, демонстрации сменили было стачки в роли центрального боевого пункта местной работы. Комитетская деятельность в целом ряде городов стала сводиться к подготовлению уличной демонстрации, во время которой нередко в одном фейерверке, не всегда блестящем, сгорали все или почти все элементы местной организации. Но демонстрация с беспредметной целью, демонстрация против существующего строя «вообще», демонстрация, как таковая, потеряла свою властную притягательность, как только перестала быть новинкой. Сумма получаемого от демонстрации возбуждения перестает окупать затрату материальной и личной силы. В тех городах, где уже происходили демонстрации, масса не может чувствовать большой склонности итти под штыки, пули или нагайки, только для того, чтобы пропеть революционную песню и поднять красное знамя. Демонстрации возродятся— заметим уже здесь, во избежание недоразумений—только в результате применения обогащенных и усложненных методов вовлечения массы в сферу живых политических интересов.

Ослабив или даже порвав свою единственную «тред-юнионистскую» связь с массой, чтобы сделать свою организацию более конспиративной, более гибкой и более приспособленной для революционного руководства массовыми демонстрациями, наши комитеты подкопали под собою почву,—и должны были убедиться, что демонстрации удаются все реже и реже. Тогда комитеты идут

ниями политиков" без всякой литературной борьбы? Если тов. Ленин подумает над этими интересными вопросами (признавшись предварительно, что он сделал фальшивую ссылку на № 43 „Искры"), то он, может быть, поймет, что только „меньшинство" открыло идейную борьбу с „увлечениями политиков", все более грозящими (см. Уральский маниф. и брош. „Шаг вперед...") объявить „очевидным атавизмом" все теоретические и политические завоевания международной социал-демократии. Письмо в № 43, на которое так неосторожно сослался Ленин, замечательно именно тем, что оно еще до съезда пыталось, не сходя с позиции „искровцев", нащупать те больные места нашей партийной практики, которые образовывались в процессе и в результате так наз. „ликвидации третьего периода".

дальше по линии наименьшего сопротивления и совершенно отодвигают «демонстрацию» за пределы своих горизонтов. Сообразно с этим забрасываются попытки приспособить местную организацию к задачам уличной борьбы. В каком комитете теперь можно услышать столь частые $1^1/_2$—2 года тому назад речи о «вооруженном отпоре», о «боевой дружине»? Ни в одном. Что же получается? Комитет ничем не связан с массой: он не руководит стачечной борьбой, он не вызывает и не направляет уличных манифестаций.

Комитетская работа, лишенная непосредственных боевых стимулов, все более и более сводится к печатанию и распространению прокламаций. Организация все более и более вырождается в приспособленный для этой функции технический аппарат. Самое распространение прокламаций, наконец, идет по линии наименьшего сопротивления и—при оторванности организации от массы—сплошь да рядом обходит... рабочих. (См. интересное письмо одесского рабочего в № 64 «Искры».)

Конечно, наша организация, в отличие от организации P. P. S., распространяет социал-демократическую литературу—и это разница громадная. Но думать, что, ограничивая свою работу распространением социал-демократической литературы, мы тем не менее создаем социал-демократическую партию,—значит, впадать в величайшее заблуждение. Конечно, кто спорит, нам необходима, дважды и трижды необходима конспиративная и хорошо согласованная организация—и в центре и на местах. Но необходима—для чего? Исключительно или хотя бы главным образом для успешного распространения социал-демократической литературы среди определенного обслуживаемого нами круга массы? Нет! Не эта задача, сама по себе взятая, должна лечь в основу нашего организационного строительства, не она должна определять формы организационного аппарата. Нет и тысяча раз нет! Недостаточно, чтобы литература с печатью того или иного партийного учреждения была распространена. Необходимо также, чтобы

она читалась массовыми рабочими, а для этого нужно, чтобы политическое внимание масс постоянно было настороже. Этого, в свою очередь, никоим образом нельзя достигнуть, приурочивая всю нашу организацию к распространению и разбрасыванию листков. Чем больше мы будем приспособляться к этой технической функции, тем хуже она будет выполняться. Литература только тогда будет проникать вглубь, а не скользить по поверхности массы, когда организация будет приспособляться к своей основной функции: выработке или «отбору» стихийно возникающих тактических форм, в которых рабочие могли бы коллективно *реагировать* на все события общественной жизни, освещение которых составляет задачу нашей партийной литературы. Именно это «реагирование» необходимо систематически и планомерно организовывать. Именно этой задаче должны быть посвящены главные усилия творческой мысли передовых политиков партии. Именно этой цели должна быть подчинена форма партийной организации. Иначе все сведется к тому, что Ц. О. будет пописывать, Ц. К.—в идеале!—развозить, а верхи пролетариата—почитывать...

Если партия есть организованное *сознание* и организованная *воля* класса,—а мы имеем право ее так определить,—то ясно, что условием ее развития является систематическое упражнение *обоих* этих качеств. Более или менее правильно воздействовать на *сознание* пролетариата путем «массового» распространения социал-демократической литературы еще не значит строить пролетарскую партию. Ибо партия есть не только организованное *сознание* класса, но и его организованная *воля*. Партия начинается там, где мы на почве достигнутого уровня сознания путем целесообразных тактических приемов организуем политическую волю класса. Партия способна неудержимо расти и развиваться только при взаимодействии «воли» и «сознания», когда каждый тактический шаг, организующий в форме того или другого политического «оказательства» волю наиболее сознательных элементов класса, тем самым не-

избежно повышает их политическую восприимчивость, толкает к ним новые слои вчера еще незатронутой пролетарской целины—и таким образом подготовляет материальный и идейный базис для новых, более решительных и политически веских, более выразительных со стороны классового характера тактических шагов...

Мы говорим общими психологическими терминами, потому что сейчас, пока мы только ставим вопрос, не пытаясь еще искать путей к его решению, мы не хотим осложнять изложение, переводя свою мысль на язык конкретных примеров и иллюстраций. Но если читатель попытается ясно представить себе ту роль, какую в практике «экономистов» играла стачка, в практике непосредственно следовавшего периода—демонстрация, если он с этим сопоставит, далее, тот факт, что революционная практика сегодняшнего дня лишена таких оживотворяющих всю работу моментов напряженного учета всех завоеваний, политического экзамена по всем «предметам», то наши соображения не покажутся ему абстрактными, и он сам вместе с нами поставит перед собой вопрос: где те тактические формы, в которых сознательные элементы пролетариата выступали бы не только как объект политики, но и как ее субъект, не только как политическая аудитория, но и как коллективно «действующее лицо», не только как читатели «Искры», но и как активные участники политических событий.

Кто сумеет только поставить перед собою этот вопрос, тот, разумеется, ясно поймет, что партия есть нечто большее, чем простая пристройка при партийной газете; тот поймет, что партия состоит не просто из аккуратных читателей «Искры», а из активных и со дня-на-день свою коллективную активность проявляющих элементов пролетариата. И еще раз: возбуждать, двигать вперед, согласовать, оформлять эту коллективную активность,—для этого, а не для чего иного, нам нужна гибкая, подвижная, инициативная «организация профессиональных революционеров»—не транспортеров литературы, а политических руководителей партии.

Игнорирование задач самодеятельности пролетариата как наследие периода „Искры".

Очень многие—слишком многие—товарищи совершенно глухи и слепы к тем вопросам и соображениям, которые мы только что формулировали. И глухота и слепота их—не случайные индивидуальные недостатки «советников Ивановых», а так сказать «тенденциозные» качества, выработавшиеся в период идейной ликвидации «экономизма» и «кустарничества». Многим «искровцам» необходимо отдать себе в этих своих качествах ясный отчет и «ликвидировать» их—чем скорее, тем лучше...

Мы, «искровцы», всегда склонны были рассматривать партию, как техническую агентуру при газете, и содержание всей политической работы партии отождествлять с содержанием партийной литературы.

Несмотря на энергичные попытки «меньшинства» разбить эту ограниченность, тов. Ленин в своей последней брошюре снова пытается вопрос о содержании работы нашей партии свести к вопросу о содержании программы партии или... нескольких №№ «Искры» (стр. 146). Формально Ленин остается при этом верен традициям брошюры «Что делать?», а отчасти и всей старой «Искры». Но—Vernunft wird Unsinn. То отождествление партии с газетой, которое имело свою ограниченную «разумность»—в период определенных задач подготовительного периода—становится глубоко-реакционным пережитком теперь, когда весь вопрос нового периода определяется противоречием между теоретическими основами партии, разработанными в партийной литературе прошлого периода и формулированными в партийной программе, с одной стороны, и политическим содержанием воздействия партии на пролетариат и воздействия пролетариата на все политические группы общества, с другой. Задача—преодолеть это противоречие,—выдвинутая в фельетонах П. Б. Аксельрода, составляет весь политический смысл борьбы «меньшинства» с узостью, ограниченностью, политическим формализмом «большинства». Сказать, как Ленин: мы

действуем как социал-демократическая партия, потому что у нас есть социал-демократическая программа, значит чисто канцелярской отпиской отмахнуться от вопроса, который может стать для нашей партии роковым. Наша программа не представляет собою принципиального шага вперед по сравнению с выработанной 20 лет тому назад программой «Группы Освобождения Труда», тогда как формы воздействия нашей партии на общество бесконечно обогатились и усложнились.

Vernunft wird Unsinn. Крайне примитивные, занимавшие ничтожное место в общей сумме идей, внесенных «Искрой» и «Зарей», но игравшие несомненно прогрессивную роль организационные «планы» автора «Что делать?» выступают через три года у его эпигона, автора «Шаг вперед», как яростная попытка помешать социал-демократии стать социал-демократией.

Старая «Искра», как мы говорили выше, непосредственно боролась за влияние на революционную интеллигенцию—в целях подчинения ее политической программе пролетариата, строгим и строжайшим образом формулированной. Эта борьба имеет свои методы. Ее единственное оружие—литературная полемика, так как литература—единственная среда, в которой русская интеллигенция не только у ч и т с я, но и ж и в е т. Профессиснально-«интеллигентная» интеллигенция приобщается к политическим принципам того или другого класса через литературу и в литературе. Поставить теоретический и политический орган и группировать вокруг него те революционные элементы, которые будут завоеваны для дела пролетариата—таков был план «Искры». «Искра» была политической платформой и вместе орудием борьбы—борьбы с чем? прежде всего с политическими «предрассудками» интеллигенции. Содержание работы партии действительно покрывалось содержанием «Искры»,—если отвлечься (а все, в сущности, «отвлекались»!) от непосредственной работы в пролетариате, которая чем дальше, тем больше отставала от принципиально признававшихся задач и обязанностей партии. «Организационный план» Ленина,—если иметь в виду не канцелярскую «пробу пера» в его «Письме к пе-

тербургскому товарищу» [28]), а статью «С чего начать?» [29]) или брошюру «Что делать?»,—не был, разумеется, откровением, но он давал удачный ответ на вопрос с чего начать? что делать для того, чтобы собрать воедино разрозненные элементы будущей партийной организации и сделать тем возможной постановку широких политических задач. Как эта уже сложившаяся организация будет осуществлять свои принципиально признанные задачи, этот вопрос естественно отодвигался. Повторяю, так называемый «организационный план» охватывал,—и сам Ленин понимал это, пока совершал прогрессивную работу,—не самое партийное здание, а лишь «леса», возводимые при постройке здания (см. «Что делать?», стр. 125 и сл.).

Второй съезд, на котором «меньшинству» только впопыхах удалось выдвинуть некоторые тактические вопросы, не привлекшие ничьего серьезного внимания, ибо «главное» было сделано: «Искра» была закреплена, и ЦК поставлен в подчиненное к ней положение; второй съезд с его планом «ортодоксальной теократии» был реакционной попыткой навязать всей партийной практике—in secula seculorum—те методы работы, те формы отношений, которые обнаружили свою пригодность в ограниченных пределах борьбы с «экономизмом» и «кустарничеством» за создание централистической организации профессиональных революционеров-социал-демократов. Но самые суверенные съезды так же мало, как и абсолютные монархи, способны остановить течение истории.

Вопреки собственной воле второй съезд сделался орудием новых запросов. Он только хотел закрепить завоевания «периода ликвидации», на деле же он открыл новый период—с целым миром новых задач. И, что свидетельствует о внутренней закономерности в смене этих периодов, эти новые задачи—лишь ряд частных выводов из нашей старой, нашей основной задачи, которая только теперь, и именно благодаря работе старой «Искры», встала перед нами в прямой и непосредственной форме: развитие классового самосознания и классовой самодеятельности пролетариата.

Это нечто большее, чем то, что мы делали до сих пор. Для непосредственного выполнения этой задачи недостаточно теоретически противопоставлять классовые принципы пролетариата принципам буржуазии. Необходимо политически противопоставлять пролетариат буржуазии.

Но как? какими путями?

Социал-демократическая политика или политика „Credo“ [80]).

Как и какими путями?.. Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, я приведу отрывок из неизданных воспоминаний одного одесского товарища, чтобы показать, как «экономисты» организовали «тред-юнионистскую» волю (иначе: злую волю) пролетариата. Речь идет о стачке папиросников в начале 1896 г.

«Стачка подготовлялась долго. Была образована касса почти исключительно для предстоящего столкновения с хозяевами (пособие выдавалось лишь в случае крайней нужды), и к моменту возникновения стачки в кассе было около 150 рублей. Хотя для того чтобы фабрики стали, достаточно было, чтобы бросили работу только рабочие, приготовлявшие высшие и отчасти средние сорта папирос, однако устроить стачку удалось с большим трудом. Приходилось иметь дело почти только с семейными пожилыми рабочими, которые в этом отношении были довольно туги на подъем. Состоялось несколько предварительных собраний, на которых разбирался вопрос о требованиях, а главное о том, к какому времени уменьшится у фабрикантов запас папирос настолько, чтобы стачка могла рассчитывать на успех, продолжаясь неделю. Наиболее удобным моментом признали январь 1896 г., когда и началась стачка, выставившая требования увеличения заработной платы. В целях экономии кассовых денег, а главное, чтобы подбадривать нерешительных, устроены были групповые обеды; рабочие были распределены так, что в каждой обеденной группе имелись и упорные, крепко стоявшие за стачку рабочие, и рабочие нерешительные, которые после пер-

вых же дней готовы были отказаться от своих требований. Благодаря этому воздействию сильных на слабых и вообще частым встречам между собой, стачка и могла продолжаться так долго. Она прекращена была внезапным арестом многих стачечников в феврале 1896 г.»

Вы видите картину очень сложной коллективной работы. Образуют кассу. Вырабатывают совместно требования. Исчисляют запасы табаку. Организуют обеды стачечников группами на основе сложных психологических соображений. Если принять во внимание, что стачка охватила большинство одесских фабрик, то станет очевидным, что дело требовало организационного смысла, настойчивости, дисциплинированности, знания условий—требовало и вместе воспитывало эти качества.

Делаем ли мы что-нибудь подобное в настоящее время—в формах, которые соответствовали бы тем более широким целям, которые ставят себе теперь наши организации? Кто ответит утвердительно?..

Известно, что хозяева сплошь да рядом делали уступки рабочим, не дожидаясь стачки, непосредственно после появления какой-нибудь прокламации, обличающей те или иные непорядки. Но такие уступки делались под угрозой возможной стачки. Это было слишком очевидно,—и «экономистские» комитеты не могли притти к мысли или к практике—вести посредством прокламаций профессиональную борьбу *за* рабочих, не прибегая к таким тяжеловесным орудиям, как стачка. Комитеты не могли притти к такой упрощенной практике, потому что последствия ее сказались бы немедленно же: фабриканты перестали бы делать уступки, и обличительные прокламации комитета, за которыми не стояла бы «трэд-юнионистская» воля рабочих, потеряли бы всякое действенное значение.

Но если такого рода упрощение немыслимо было в борьбе профессиональной, где каждый акт борьбы как бы оценивает себя в непосредственном результате, зато в сфере политической, где соотношение между методами борьбы и результатами гораздо сложнее и неизмеримо труднее поддается учету, подмена организованной политической воли сознательных элементов

пролетариата «профессионально-революционной» волей комитета, выраженной в резолюции или прокламации, находит себе самое широкое применение. Этого даже не нужно в сущности доказывать. Достаточно только указать пальцем.

В одном письме петербургская пропагандистка сообщает мне мимоходом мелкий, но замечательный эпизод: «Когда я рассказала как-то о происшедшем на съезде*) с Прониным и Степановым, то один рабочий встал и взволнованно спрашивает: «Что же нам теперь делать?» И другие сожалели, что все это произошло без них, что они не видели и не принимали участия...»

Сознаюсь перед читателями. Когда я прочитал это место, я тоже встал, как тот рабочий, и взволнованно спросил: Что же нам теперь делать?.. Ведь это фатально. Совершается крупное, волнующее весь город, всю страну политическое событие. Рабочие узнают о нем мимоходом от пропагандистки и взволнованно спрашивают: «Что же нам теперь делать?» Пропагандистка не знает, что им ответить. Не знает и комитет. И, что хуже всего, комитет даже не ставит перед собою вопроса: «Что же нам теперь делать?»

У нас же рядом с этим вопросом напрашивается другой: велико ли наше отличие от «экономистов»? Есть ли принципиальная разница в содержании работы? Увы, увы, увы!.. Пролетариат находился во времена «экономизма» в политическом гетто, не вышел он из него и по сей день.

Радикальная демократия дает пощечину реакции, а революционный пролетариат остается посторонним зрителем и беспомощно спрашивает: «Что же теперь делать?» Этот небольшой, на первый взгляд, петербургский эпизод—символ: он несет в себе типические черты всей нашей политической работы. Революционный пролетариат совершенно не участвует «действием» в политических событиях. Не делается даже попыток

* Речь идет о III съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию.

привлечь его к такому участию. Самое большее—его оповещают посредством прокламаций о происшедших событиях задним числом и дают ему таким образом возможность... взволнованно и беспомощно спросить: «Что делать?» и—не получить ответа. Такова господствующая практика. Только фарисеи это будут отрицать. Честный социал-демократ признает это и сделает вопрос петербургского рабочего вопросом своей политической совести.

Да, повторяем мы, какая же разница с практикой столь беспощадно осужденного «экономизма»? И—еще хуже—не подошли ли мы в нашей политической работе к преданной анафеме программе «Credo» гораздо ближе, чем к ней подходили сами «экономисты»?

Чем больше вглядываешься в эти четыре фигуры: громилу Степанова, легального демократа, марксистскую пропагандистику «от комитета» и революционного пролетария, тем более они теряют свои индивидуальные черты, тем отчетливее они «представляют» свои политические группы и в лицах изображают относительную роль этих групп в политической жизни страны. И тем настоятельнее потребность утвердительно ответить на поставленный выше вопрос: да, мы окольными и сложными путями пришли... к выполнению программы «Credo».

«Для русского марксиста—учила эта программа—исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Иначе сказать: руководство примитивными проявлениями классовой борьбы пролетариата и ее удержание в зачаточных формах, с одной стороны, и активное выступление в рядах и шеренгах радикальной и либеральной буржуазии, с другой.

Если мы оглянемся на содержание нашей работы— не только на «содержание» нашего сознания, нашей программы или нашего Центрального Органа,—то мы увидим стоящую над пролетариатом «партию» (то, что считают партией тов. Ленин и его единомышленники), вернее сказать—организацию, на $^3/_4$, если не на $^9/_{10}$ со-

стоящую из марксистской интеллигенции, руководящую примитивными проявлениями классовой (экономической и политической) борьбы пролетариата и, сверх того, совершающую время от времени походы «во все классы населения»... т. е. участвующую в политической борьбе радикальной буржуазии. Скажут, что это каламбур, или, еще хуже, литературная передержка. К несчастью, практика комитетской работы, как нельзя более, точно соответствует этой «передержке». Комитеты «руководят» (хотя, как мы уже говорили, они все более и более разучиваются этому искусству) примитивными проявлениями экономической (стачки) и политической (полустихийные демонстрации с неопределенными революционными лозунгами) борьбы пролетариата и, кроме того, в той или другой форме «ходят во все классы общества»—чаще всего в форме прокламаций... Это все.

Некоторые товарищи с гордостью указывали на то, что изгнание Пронина и Степанова с «технического» съезда было подготовлено Петербургским Комитетом партии. Я охотно допускаю это. Но этот факт лишь с избыточной полнотою подчеркивает правильность сделанного анализа. Петербургский Комитет без участия и даже без ведома сознательного петербургского пролетариата вступает в известное соглашение с радикальной интеллигенцией. Мы не сомневаемся, что своим вмешательством, может быть даже своей инициативой в изгнании двух кишеневских громил Петербургский Комитет сделал хорошее дело. Он оказал услугу радикальной интеллигенции, которая при его помощи сплотилась на известном лозунге, почувствовала свою силу, сделала шаг вперед в своем политическом развитии. Поддержав своей инициативой и практическим содействием демократическую интеллигенцию, Петербургский Комитет поддержал тем самым дело общедемократической борьбы с абсолютизмом. Но нельзя же закрывать глаза на то, что пролетариат, живой петербургский пролетариат стоял приэтом совершенно в стороне и лишь после, когда было уж поздно, спрашивал посланное к нему от «Партии» лицо: «Что же нам теперь делать?» Группа «профессиональных революцио-

неров шла не во главе сознательного пролетариата, она действовала, поскольку действовала, вместо пролетариата.

Совершенно ясно, что эта практика политического заместительства очень далека от практики социал-демократической и гораздо полнее покрывается программой «Credo», чем даже практика «экономизма». Последняя сознательно ограничивалась руководством примитивными («трэд-юнионистскими») требованиями рабочего движения. Теоретики «Credo», считаясь с отсутствием самостоятельной политики пролетариата, как с непреодолимым при русских общественно-политических условиях фактом, делали надлежащий вывод, требуя от социал-демократической интеллигенции выполнения ею ее гражданских обязанностей в форме активного участия в политической жизни, что—при отсутствии самостоятельной политики пролетариата—и не могло означать ничего иного, кроме участия в оппозиционной политике либеральных элементов общества. С этой точки зрения, нежелание марксиста раствориться в буржуазной оппозиции означало лишь доктринерское упрямство и «существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач» «Credo». «Экономисты» были непоследовательны и в массе своей проявляли именно такое «упрямство».

Что же сделали пришедшие им на смену «политики»? Они прибавили к ухудшенной ими в одном отношении и улучшенной в другом практике «экономизма» выполнение второй, по существу буржуазной задачи, выдвинутой «Credo». И—как это ни поразительно—люди, которые без ужаса не могут слышать самого имени Credo, выполняют такую работу, что авторы «Credo» могли бы сказать: «Они пришли не нарушить наш закон, но исполнить».

Что же делать?

Совершенно иначе поступил бы Петербургский Комитет, если б он каждый час, каждую минуту чувствовал себя не заместителем пролетариата, но его поли-

тическим **вождем**. Это громадная разница, и она не могла бы не отразиться на всем поведении Комитета.

Если съезд деятелей по техническому образованию имеет политическое значение, его, разумеется, надо использовать. В этом мы согласны все. Но как «использовать? **Оставаясь в пролетариате, не уходя от него.** Мы думаем, что, если бы петербургские социал-демократы не страдали пороком «профессионально-революционной» эмансипированности от пролетариата, они не повернулись бы, как бы силою рефлекса, лицом к съезду, спиной к петербургским рабочим. Все было бы иначе. Комитет выпустил бы прокламацию к петербургскому пролетариату задолго до съезда. В этой прокламации он бы разъяснил, что такое этот подготовляемый съезд, и чего от него могут и должны требовать петербургские рабочие. Комитет собрал бы всех своих пропагандистов и поручил бы им—не мимоходом только, а толково и обстоятельно, в связи с абзацом программы, относящимся к поддержке оппозиционных и революционных движений, в связи с соответственными резолюциями II съезда партии, познакомить передовых рабочих с политической физиономией ожидаемого съезда, с отношением к нему социал-демократии. Съезд должен был естественно стать темой бесед на летучих собраниях. Понадобилась бы, может быть, еще и еще прокламация. Еще и еще беседа в кружках пропагандистов... Кампания развертывается. Интерес к съезду—по крайней мере у верхних слоев пролетариата—возбужден. Тогда Комитет вырабатывает резолюцию, формулирующую требования, предъявляемые к съезду петербургскими рабочими. Резолюцию эту один из членов Комитета подробно разбирает с пропагандистами и агитаторами. Те пускают ее в оборот далее по всем ячейкам организации. Подсчитывают голоса. Когда их соберется сто-двести, резолюцию гектографируют или печатают и пускают по рукам для подписей. Подписываться будут, разумеется, крестами. Рабочие, посещающие кружки пропаганды, особливо же профессиональные агитаторы, приложат все силы, чтобы собрать побольше подписей, всячески заинтересовывая рабочих

в кампании, которую ведет Комитет. Представятся десятки случаев,—была бы небольшая инициатива!—когда кропотливое собирание подписей можно заменить прочтением резолюции вслух и поднятием рук. Руки подсчитываются. Листы с собранными крестами, число поднятых рук—все это передается Комитету. И, по мере того как кампания будет развертываться все шире и шире, фактически, на деле превращая «решение» официальной группы петербургских интеллигентов-марксистов в формулировку политической воли сознательного петербургского пролетариата, Комитет начнет полегоньку оттаивать от своей «профессионально-революционной» оледенелости и попробует... попробует почувствовать себя вождем петербургского пролетариата. А это чрезвычайно большое и, к горю нашему, мало знакомое нам чувство!.. Открывается съезд. Петербургский комитет предъявляет ему резолюцию, формулирующую сознательные требования 500, 1 000, 5 000 петербургских рабочих. Резолюция говорит, между прочим, и о необходимости изгнать со съезда Пронина и Степанова. Каждый из рабочих, подписавших резолюцию, будет знать, что съезду предъявлено его требование, и что съезд должен будет дать ему ответ. В случае, если последует изгнание со съезда Пронина и Степанова, революционному рабочему не придется взволнованно, с горьким чувством оторванности и бессилия, спрашивать барышню-пропагандистку: «Что же нам теперь делать?», ибо он уже свое сделал.

Предъявление съезду резолюции открывает две возможности. Съезд идет навстречу требованиям петербургских рабочих, очищает свою среду от реакционных бандитов, формулирует от своего имени требования восьмичасового рабочего дня, свободы собраний и слова... Если съезд делает это,—а это весьма вероятно, ибо радикально-демократическая интеллигенция заинтересована в поддержании своего доброго престижа в глазах революционного пролетариата,—если съезд идет навстречу, тогда мы имеем случай, когда пролетариат действительно выступает, как авангард общедемократического движения, увлекая своей инициативой, своим

политическим влиянием непролетарскую демократию на более смелые шаги, на более решительные требования. Если же съезд, охраняя свою легальность и умеренность тщательнее, чем свою демократическую репутацию, в той или другой форме выразит свое невнимание к требованиям петербургских рабочих, эти последние получат наглядный незабываемый урок—«половинчатости» и «нерешительности» буржуазной оппозиции. Словом, как бы ни реагировал съезд на голос сознательного пролетариата, усилия Комитета не пропали даром. Те рабочие, которые вовлечены во время кампании в дело «давления» на радикальную демократию, уже тем самым отделены от нее. Они уже заинтересованы в увеличении своего удельного веса, они уже получили навык—если так можно выразиться—политически осязать свое классовое тело.

Разумеется, на техническом съезде свет клином не сошелся. Это лишь образчик. Как ни нища наша общественная жизнь, но она дает все же целый ряд поводов для активного политического вмешательства партии пролетариата.

Использовал ли Петербургский комитет последние думские выборы, которые благодаря понижению избирательного ценза прошли с таким оживлением? Либеральная пресса была полна ими, цензовые либералы упрочали свои позиции, «периферийная» интеллигенция организовалась вокруг избирательной агитации. Пробовал ли комитет внести в этот хор голос сознательного пролетариата? Пробовал ли он в той или другой форме противопоставить на этом вопросе рабочих правительству Плеве, реакционным и либеральным думцам, либеральной прессе и «радикальной» интеллигенции? Пробовал ли он объединить сознательных рабочих вокруг лозунга: всеобщее, равное, прямое избирательное право? Нет, не пробовал. Ему даже не приходило в голову, что это его обязанность.

В прошлом году в земствах обсуждался, по инициативе министерства внутренних дел, вопрос о земском избирательном цензе. Земцы дали по этому вопросу свое заключение, предуказывающее, в каких скромных

размерах они склонны «допустить» народ к участию в политической жизни будущей свободной России... Шумела и гудела либеральная пресса, предлагавшая—в своем крайнем радикализме—рядом с пониженным имущественным цензом установить ценз «оседло-образовательный». Что же, поднял пролетариат свой протестующий голос против этих обоих видов ценза? Нет, не поднял. Сделана ли была со стороны руководящих организаций попытка «подтолкнуть» пролетариат в этом направлении? Никакой!.. Все, что партия дала по этому поводу, это... передовая статья в № 55 «Искры» («С народом или против народа?»). Центральный орган, по доверенности от съезда, расписался так сказать, за политически неграмотный пролетариат. Имеем ли мы в таком случае хоть малейшее основание надеяться, что этот безмолвный пролетариат сможет и сумеет активно выступить на защиту народных интересов, когда призванные в Земский собор либералы будут политически обкрадывать народ? Или же мы надеемся на то, что «Искра» в решительную минуту «подтолкнет», по поручению экстренного съезда, либералов ко всеобщему избирательному праву?

Заместительство и заместительство!

Как бесследно для политического воспитания пролетариата прошли эти полгода войны! А между тем война дает нашей партии незаменимый материал для всероссийских политических кампаний, ибо она очень остро задевает сознание самых нижайших низов... Пример. Партия ставит себе задачу: посвятить месяц-два-три концентрированию революционных сил вокруг лозунга: «Ни гроша на войну!» Вся агитация, руководимая политически мыслящим и политически бодрствующим центром, вытягивается в одну линию. Во всех кружках и группах, замкнутых «дискуссиях» и широких собраниях, в прокламациях ведется речь на одну и ту же тему. Холопское или двусмысленное поведение либеральной прессы, московской и штутгартской, предательское поведение дум и земств, расхищающих народные деньги на военные пожертвования,—все это дает неисчерпаемый материал для напряженной агитации, устной и печат-

ной. Когда почва достаточно подготовлена, тогда местные комитеты под руководством политически мыслящего и политически бодрствующего центра организуют всероссийский протест против позорного поведения органов самоуправления и прессы в форме резолюций негодования, а где возможно—соответствующих массовых демонстраций.

Если бы наша партия провела одну, хотя бы только одну, такую цельную боевую кампанию, она бы вся воспрянула, нужные люди, как крупные орехи при встряске корзины, оказались бы наверху, исчезли бы глупые жалобы на «внутренних врагов»,—партия сразу выросла бы на целую голову.

Два слова о пропаганде.

В связи с расширением и углублением политической деятельности нашей партии и постановка пропаганды должна подвергнуться значительным изменениям. Вопрос пропаганды всегда был больным вопросом нашей работы... впрочем, какой вопрос у нас не был больным?

Мы делаем беспримерный исторический опыт создания в рамках абсолютизма—не только в его полицейских, но и в его общественно-исторических рамках—партии пролетариата. Вследствие этого вся история нашей партии есть, в известном смысле, история сменяющих друг друга, по законам внутренней необходимости, попыток упрощения социал-демократических задач применительно к нашей политической бедности. Пропаганда идей научного социализма в небольших кружках всегда представляла собой как бы некоторый корректив к этому стихийно слагавшемуся упрощению. Нередко она представляла собой нечто вроде контрабанды—в сущности кружковая пропаганда не входила естественной составной частью ни в практику «экономизма», ни в так называемые «планы» Ленина,—она почти всегда применялась, как вынужденная дань, которую наша партия платила своему социалистическому характеру. «Кружковые занятия,—говорит польский товарищ,

полемизируя с P. P. S.,—при нелегальных условиях социально-революционной деятельности и впредь останутся главным средством в руках социалистической организации для выработки возможно большего количества интеллигентных опытных агитаторов и руководителей из рабочей среды» («Очерки по истории социалистического движения в русской Польше», стр. 188). Если мы в период организационного фетишизма не успели—по примеру P. P. S.—выбросить кружковую пропаганду за окно, как балласт для конспиративно-централистического зодчества, то этим мы в значительной мере обязаны «маленьким недостаткам» нашего организационного механизма, оставлявшего нас часто без всякой партийной литературы и тем вынуждавшего прибегать к «кустарническим» методам кружковой пропаганды.

Освободить нашу пропаганду от ее абстрактного, зачастую схоластического характера и наполнить ее живым политическим содержанием; из кустарнического «пережитка» превратить ее в органическую часть нашей расширенной и углубленной политической работы,—такую задачу выдвигает перед нами новый период нашей партийной жизни.

Кружковая пропаганда у нас обыкновенно ведется—поскольку ведется—по какой-нибудь выработанной комитетом программе, очень сложной и никогда не выполняемой. Рабство... крепостное право... наемный труд. Или: освобождение крестьян... хождение в народ... «Народная воля»... [31]) развитие промышленности... социал-демократия... и пр. и пр. Пропагандисты (искренние) жалуются на то, что рабочие спят. Состав кружка обновляется прежде, чем доберутся до социал-демократии. Да и добравшись до нее, начинают с ужасающих абстракций... ими же кончают. Пропагандист не понимает, что он занимается политикой, а не педагогикой, что в политике больше, чем где бы то ни было, довлеет дневи злоба его; он не чувствует и не сознает, что его задача—вооружить рабочих своего кружка тем циклом фактов и идей, который дал им возможность разобраться сейчас во всех событиях, волнующих город, страну, мир,—и не только самим разобраться, но и

сделать эти события материалом для живой агитации. Пропагандист помнит, что ему поручено пройти с рабочими «курс». И если промышленный кризис, международный социалистический конгресс или война России с Японией застигнет его на вопросе об освобождении крестьян,—он заставит войну посторониться и будет попрежнему излагать историю крестьянской реформы. Точно рабочие—школьники, готовящиеся к экзамену по «курсу», а не политически активные личности! Что же удивительного, если рабочие откровенно зевают? Они не зевали бы, еслиб пропаганда была составной частью той политической кампании, которую они сейчас ведут... или которую они должны вести.

Но приведем прежде, для характеристики постановки пропаганды, отзыв «практиков-руководителей кружков». Изложив свою «программу», которая не лучше и не хуже десятка других «программ», авторы отзыва пишут: «Чтение этих лекций отнимает много времени, так как растягивается на двадцать вечеров. Таким образом на каждый кружок из 10 человек рабочих интеллигент тратит 5-6 месяцев. Между тем практика показывает, что большинство слушателей не в состоянии усвоить их в полном объеме, и чуть интеллигент остановится подольше на каком-нибудь вопросе, внимание рабочих утомляется, восприимчивость ослабевает, и чувствуется, что все детали и подробности лекции совершенно излишни, что надо говорить как можно меньше, короче, свести свою лекцию почти к агитационной речи.—Но в то же время нередко приходится слышать со стороны рабочих заявления такого рода: «мы не хотим больше агитации и агитационных речей. Мы уже не дети и достаточно спропагандированы». Бывали случаи, что рабочие требовали чтения с ними в кружке первого тома Капитала Маркса». («Письмо к товарищам-пропагандистам», изд. Лиги, 1920 г., стр. 6) [32]). А вот отзыв еще одного пропагандиста, тоже с собственной «программой». «Первые 2-3 лекции,—пишет он,—прошли довольно живо. Меня понимали, мне задавали вопросы, от меня, видимо, ждали чего-то нового, сильного. Но через несколько времени интерес стал мало-помалу

ослабевать. На лекции являлись очень часто не все члены кружка. Те, которые продолжали являться, стали относиться пассивно. Нередко я улавливал на лицах выражение скуки и усталости, а на глазах немой вопрос: «Зачем говорит он нам все это?» Я старался изменить тон своей беседы и нередко, по поводу какого-нибудь особенно вопиющего правонарушения со стороны администрации или правительства, переходил к выяснению безобразия всей нашей системы и необходимости борьбы с ней. Я увлекался сам, говорил долго и горячо. Поднимаю глаза на своих слушателей... И что же?—Предо мною совершенно равнодушные, усталые лица... А между тем наш рабочий класс—сила глубоко революционная. Он просит и ищет дела. Как преображались те самые рабочие, когда мне приходилось рассказывать им о настоящей активной борьбе их товарищей, об особенно выдающихся стачках, демонстрациях. С каким увлечением передавали свои впечатления те из них, кому случалось самим принять участие в таких событиях». И автор заключает: «Накопившейся энергии надо дать исход. Нашим рабочим нужно дело, настоящее, живое дело, а слова их только усыпляют. Они и без наших бесед знают, что капиталисты и правительство их враг, и что с ними надо бороться; им надо указать способы борьбы и двинуть их вперед»... (там же, стр. 21 и 22). Так бьются пропагандисты между «агитационным» и «пропагандистским» характером своих лекций, тщетно пытаясь возбудить внимание своих слушателей. И они подходят к познанию причины зла: мысль дремлет, пока не задета воля.—Где же выход? Как вдохнуть живой дух в пропаганду?

Выше мы говорили о техническом съезде. Остановимся и здесь на этом примере. Комитет организует очерченную выше сложную политическую кампанию. Наметив в общих чертах ее план, он через одного из своих членов развертывает этот план пред пропагандистами и рекомендует им изложить и принципиально осветить этот план в кружках пропаганды. Поверьте, что на ближайших кружковых собраниях ни один рабочий не заснет. Пропагандист сразу себя почувствует не школьным

учителем, а политической величиной: он активно и непосредственно участвует в сложной политической работе. Он читает кружку боевую политическую лекцию, для которой он дома старательно мобилизует все имеющиеся у него по этому вопросу знания.

Он сообщает о готовящемся съезде, его смысле и значении. Затем рисует план: объединить все сознательные элементы пролетариата вокруг такого-то адреса техническому съезду. Роль демократической интеллигенции. Наше отношение к оппозиционным и революционным течениям. Все эти вопросы должны быть разобраны, принципиально освещены и, значит, возведены к известным положениям партийной программы. Если кампания затянется на несколько недель, то нет сомнения, что на следующие собрания рабочие будут являться с целым рядом вопросов, выросших непосредственно из их агитационной практики. Ответы на эти вопросы не будут проходить мимо ушей, а будут плотно укладываться в голове, потому что эти ответы не просто полагаются «по курсу», они нужны сегодня, сейчас же, чтоб довести до конца большое, интересное, захватывающее предприятие. В процессе такой пропаганды принятые II съездом резолюции о либералах и соответственный абзац партийной программы будут наполняться живою плотью и живою кровью. Рабочие ясно увидят, что программа и резолюции пишутся не для отягчения, а для руководства в политических сражениях, больших и малых. Так, от одной кампании к другой, будет «пройдена» в кружках пропаганды вся партийная программа. Правда, логическая последовательность будет при этом нарушена. Но она все равно нарушается—при всякой системе пропаганды: кружки распадаются, либо обновляется их состав, пропагандисты арестовываются...

Где организация очень слаба и имеет небольшую сферу влияния, так что постановка сложных политических предприятий комитету не под силу—да и в больших и сильных комитетах в эпоху политического затишья,—там пропаганду можно, конечно, располагать в логической последовательности какого-нибудь «курса». Но вряд ли какой-нибудь комитет изобретет лучшую программу

кружковых занятий, чем та, какую представляет программа нашей партии. Если занятия в кружках не могут вестись не по шаблону, то это—лучший из шаблонов. Лекции приспособляются к последовательным абзацам программы. Задача такого «курса»—выработать из члена кружка сознательного члена партии, который должен «признавать», а, следовательно, прежде всего ясно понимать партийную программу.

Но, повторяем, не может быть лучшего изучения партийной программы, как на живых образцах, от события к событию, каждый раз в «утилитарно»-политических целях. Только при таком методе пропаганда перестанет казаться уступкой чему-то (классовому, социалистическому характеру партии),—а именно так к ней относились и «экономисты» и их преемники. Таким образом поставленная пропаганда обеспечит наши организации не только простыми исполнителями технических функций, но и активными, ни на каком месте не теряющимися работниками политической партии.

От педагогики к тактике.

В цитированном выше «Письме к товарищам-пропагандистам», написанном в конце 1901 г., изданном в 1902 г. и в свое время прошедшем совершенно бесследно—не те вопросы стояли на очереди!—находим следующие интересные строки. «Так как рабочие то и дело высказывают неудовольствие таким положением дел, когда они день изо дня, месяц за месяцем только все слушают да слушают, ничем не проявляя свой революционизм, и в конце концов принимаются за избиение шпионов или пускаются в рукопашную со своими хозяевами, то надо дать хоть какой-нибудь исход их силам и энергии. Для этой цели комитеты могут ввести в систему протесты и сочувственные адреса. Правительство, например, замалчивает голод. Можно выпустить по этому поводу несколько листков, раскрывающих всю его адскую работу по превращению голода в недород, и затем, выпустив прокламацию с приглашением рабочих протестовать против этого печатно,

составить текст протеста, прочитать его во всех кружках, раздать на руки рабочим для собирания подписей (анонимных, конечно) и, наконец, выпустить от имени комитета этот протест с указанием числа протестующих рабочих. Эта работа, простая и легкая, приподнимает настроение рабочих и, если будет повторяться достаточно часто, подготовит их к исполнению более серьезных работ. Точно так же, если началась где-нибудь стачка, можно опять составлять сочувственные адреса, широко распространять в массе известия о всех перипетиях ее, собирать хотя бы только грошовые средства среди рабочих и т. д. Словом,—протестовать по поводу всего, что только может вызвать протест, откликаться на все, что только способно возбудить сочувствие среди рабочих. Отчего, наконец, не попробовать устроить бойкот нелюбимого мастера или не устроить стачку из-за какой-нибудь мелочи, которую фабрикант или хозяин легко уступит? Солидарность, чувство товарищества, взаимная поддержка и все прочие прекрасные качества, о которых рабочим теперь слушать надоело, развиваются, однако, только практикой, и надо упражнять, елико возможно, эти чувства, сплачивая рабочих отдельных фабрик, заводов и мастерских в одну действительно товарищескую массу, как эхо откликающуюся на призыв к помощи со стороны угнетаемых. Итак, мы предлагаем комитетам как можно чаще призывать рабочих на путь активных протестов, стачек и поддержки товарищей, причем твердо убеждены, что это соответствует нынешнему настроению масс и принесет блестящие плоды, приучая их действовать стойко и сообща, научая откликаться на все события дня». («Письмо к товарищам-пропагандистам», изд. Лиги, 1902 г., стр. 15).

В этих поучительных строках еще не выдвинуты тактические задачи в собственном смысле слова,— автор рекомендует без различия и протест против «голодных» мероприятий правительства, и бойкот нелюбимого мастера, и стачку из-за какой-либо мелочи». Но та задача, которая вырисовывается из его случайных указаний, может быть формулирована обще, как задача

развития *самодеятельности* пролетариата. Мы уже отметили, что эта мысль пропала для того периода бесследно,—ибо самодеятельность рабочих, поскольку даже она не была на подозрении в «трэд-юнионизме», оставалась тогда для всех словом,—для многих очень важным, ценным, но все же словом*)... У Гауптмана где-то говорится, что «слова только по временам оживают... в будничной жизни они остаются мертвыми»... Тоже с партийными и политическими лозунгами. Нужен был II съезд, несчетное число злейших переворотов в партийных организациях, целый ряд злейших трений во всех направлениях—при молчаливом «попустительстве» низов, чтобы крик, почти стон: «*К массам! В массу!*» вырвался из груди нашей партии, чтобы слова: *самодеятельность пролетариата* стали живым и, будем надеяться, животворящим лозунгом.

Вопросы *социал-демократической тактики*, целиком опирающейся на политически сознательные и политически активные массы, выдвинуты в настоящий момент на очередь дня всем предшествующим развитием нашей партии, создавшим, как мы указали во «Введении», необходимые для этого материальные и идейные предпосылки,—и можно быть уверенным, что теперь всякая литературная или практическая работа, преследующая развитие политической самодеятельности рабочего класса, не пропадет бесплодно, не будет замята, подавлена...

Автор цитированного «Письма» задается теми целями, которые мы выше выразили в психологических терминах: воспитание *сознания* и воспитание *воли* пролетариата. В собственном смысле слова, повторяем, здесь еще нет вопросов тактики: бойкот нелюбимого мастера, стачка из-за «мелочи», протест против «адской работы» правительства во время голода, все эти «оказательства» должны, по мысли автора, одинаково служить тем—скорее педагогическим, чем политическим—

*) Одно из блестящих исключений составлял тов. Надеждин[33]). К сожалению, он сделал с своей стороны почти все, чтоб отрезать себя от партии и исключить для себя возможность влияния.

задачам, которые стоят, на его взгляд, перед социал-демократическими организациями. Сплочение рабочих на том или ином лозунге оценивается исключительно со стороны субъективно-психологических, но не объективно-политических результатов. И это вполне понятно.

В период переходный от кружковой («кустарнической») жизни к жизни политической партии, те по существу новые тактические приемы, на которые наталкивается мысль отдельных работников партии, рассматриваются еще ими самими под старым «кустарническим», педагогическим, а не политическим углом зрения. И этот ограниченный угол зрения только отвечает ограниченности материальных и идейных ресурсов, которыми располагают партийные организации в этот переходный период. Но для нас в данном случае замечательно то, что мысль, не удовлетворяясь кружковой пропагандой и распространением литературы, ищет таких форм воздействия на массу, которые в самих себе заключали бы возможность своего дальнейшего развития и своего перерождения из воспитательных методов в тактические. В некоторых из преподаваемых автором «Письма» советах «кустарнической» педагогики скрываются, как колос в зерне, новые приемы политической тактики. Количество и здесь переходит в качество.

В самом деле.

Протест рабочих против поведения правительства во время голода останется чисто «воспитательной» мерой, если будет исходит от сотни-другой рабочих в том или ином городе, и он получит политическое значение, если нарастающей волной прокатится по всей России, собирая тысячи и десятки тысяч протестующих пролетарских голосов... Призвать к этому массовому протесту студенчество и «честных граждан» будет дальнейшим шагом политически мыслящего и политически бодрствующего центра, сплотившего вокруг себя все живые силы партии. Следующим шагом будет протест революционного пролетариата против рабьего молчания либеральной прессы, которая даже перед лицом великого народного несчастья не осмеливается переступить цен-

зурные запреты. Далее может последовать призыв ко всем общественным организациям, постоянным и временным, господствующих классов—так или иначе формулировать свое отношение к правительственной тактике. Наконец, протест революционных масс—если эти общественные организации, прежде всего земства и думы, остаются безмолвными.

Это и есть путь к политическому противопоставлению более сознательных слоев пролетариата организациям господствующих классов в самом процессе общедемократической борьбы с царизмом. Именно на этом пути мы можем придать классовый характер нашей политической борьбе.

В профессиональной борьбе отдельные группы рабочих сталкиваются с отдельными капиталистами. В политической борьбе пролетариат сталкивается с самодержавием. Но в оппозиции к самодержавию стоят и широкие круги буржуазии. Последняя еще не является в России господствующим классом. Правительство еще не представляет собой, как в парламентских странах, исполнительного комитета буржуазии. Поэтому широкая борьба с ней в плоскости политической для нас теперь еще невозможна. А между тем именно эта борьба придает классовый характер движению пролетариата. Лишь будущая свободная Россия, в которой нам,—не в пример гг. «социалистам-революционерам»,—придется, разумеется, играть роль оппозиционной, а не господствующей партии, даст возможность широко и полно развернуться классовой борьбе пролетариата за государственную власть. Но для того, чтобы борьба пролетариата за «свободную Россию» сыграла, под руководством социал-демократии, роль подготовки к борьбе за диктатуру, необходимо уже сегодня противопоставлять пролетариат всем постоянным и временным организациям того класса, который завтра станет у государственного кормила. Недостаточно одного принципиально-теоретического противопоставления в программе или публицистического—в партийной прессе. Необходимо живое противопоставление в политическом действии.

В этом и состоит то «новое», что мы хотим внести в деятельность нашей партии.

П. Б. Аксельрод уже втечение целого ряда лет ведет устную пропаганду новых тактических задач, подготовляя таким образом необходимую психологическую почву в сознании руководящих движением товарищей. Тов. Аксельрод понимал, что подойти к этим задачам вплотную партия сможет только сорганизовавшись, т. е. создав идейные и технические предпосылки объединенных политических действий всех своих частей... Не прекращал этой своей «кустарнической» пропаганды некустарнических методов работы тов. Аксельрод и втечение всего периода «Искры», возлагая большие надежды в этом отношении на съезд*). Но—«злоба довлеет дневи», и те товарищи, с которыми Аксельрод говорил о вопросах политической тактики, либо формально соглашались с ним, не реализуя для себя содержания его речей, либо возражали ему, указывая на новизну и сложность такой постановки дела, на ее несовместимость с русскими полицейскими условиями, подчеркивая ничтожную политическую роль земств, дум и съездов, на которые эта тактика рассчитана... Все эти соображения, какая бы доля истины в каждом из них ни заключалась, не могут играть роль возражений против формулированных Аксельродом тактических задач.

1) Конспиративные условия не могут помешать организации сложных политических кампаний в большей мере, чем организация стачек или демонстраций. Достаточно напомнить здесь, что первые пропагандисты думали ссылкой на полицейские условия задержать агитацию в массах, а «экономисты» тот же аргумент приводили против «безумной идеи» политических демонстраций.

2) Новые методы работы не представляют никакого «риска», так как они означают не разрыв со старыми, уже испытанными и верными приемами борьбы ради новых и неизвестных, а лишь более сложные ком-

*) См. „Отчет сиб. дел“, [34]) стр. 7, и Протокол Второго съезда, речь Аксельрода, стр. 360.

бинации тех же старых методов: пропаганды, устной и печатной агитации, руководства массовыми «действиями».

3) Роль земств и дум, особенно земств, будет в революционный период расти. Либерально-цензовая партия с большой долей вероятия видит в земстве ту «скалу, на которой воздвигнется церковь будущего». Борьба за всеобщее избирательное право—при и после ликвидации самодержавия—может, следовательно, очень легко превратиться в прямую борьбу против земского и думского избирательных цензов. Готовиться к борьбе в этой плоскости—наша обязанность.

Какую бы незначительную роль ни играли земства, думы, съезды, либеральная пресса и всякие иные организации буржуазных классов, как активные силы борьбы с царизмом, но ведь это все, что мы имеем от непосредственной организации политической воли буржуазии. Было бы преступлением игнорировать все те реальные зацепки для классового самоопределения пролетариата, которые предоставляет нам существующий режим. Это значило бы отказываться сделать малое, потому что нельзя сделать большее...

Во всяком случае совершенно бесплодно пытаться учесть заранее результаты тактических методов, к которым мы вплотную продвинулись как внутренним развитием нашей партии, так и общим политическим состоянием страны. Во время того генерального учета всех сил, каким будет период революции, история сама подведет итог завоеваниям, сделанным нами... Она не преуменьшит и не преувеличит. И уж несомненно, что она не посмеет не учесть—так или иначе—малейшей из крупиц классового самосознания и классовой самодеятельности, внесенных нами в пролетарское движение.

Итак—за работу!

Да здравствует самодеятельность пролетариата,—и прочь политическое заместительство! *).

---

* Этот демагогический лозунг, являющийся „гвоздем“ в троцкистском учении о партии и классе, Троцкий систематически выставляет и в последующие годы, критикуя Ленина и большевизм. Так, напр., в годы реакции Троцкий, „конкретизируя“ этот лозунг, возглашал:

Прочь политическое „заместительство“!

Мы хотим, чтобы товарищи не проглядели принципиальной разницы двух методов работы—за частными подробностями разобранных выше по разным поводам примеров. А разница эта, если свести ее к ее принципиальным основам, имеет решающее значение для определения характера всей работы нашей партии. В одном случае мы имеем о т д у м ы в а н и е за пролетариат, политическое з а м е с т и т е л ь с т в о пролетариата, в другом—политическое в о с п и т а н и е пролетариата, его политическое м о б и л и з и р о в а н ь е для целесообразного давления на волю всех политических групп и партий. И эти две системы дают совершенно различные объективные политические результаты.

Когда социал-демократ пытается своей собственной инициативой «подталкивать» либеральную оппозицию, тогда самый успех его опирается лишь на политическую психологию этой оппозиции, а это уже заранее предопределяет ничтожные размеры «успеха». Его инициатива, в форме ли прокламации или в форме «конспиративного» совета за кулисами политической сцены, будет учтена постольку, поскольку она отвечает настроению и мышлению либеральной аудитории. Другими словами, социал-демократ фигурирует тут в глазах либералов, как демократ с марксистскими предрассудками.

Совсем другая картина складывается, когда либерал видит в социал-демократе представителя реальной силы, хотя бы лишь в несколько тысяч рабочих. Тогда политическое событие пойдет не по тому пути, который диктуется политической логикой и политической психоло-

---

„Долой кружковой деспотизм“. Да здравствует самоуправляющаяся организация пролетариата.

В статье „Вопросы единства“ (см. „Борьбу“ от 9/IV 1917 г.) Троцкий писал:

... приближение передового слоя рабочих к политической самостоятельности всегда будет вместе с тем ростом их о р г а н и з а ц и о н н о й н е з а в и с и м о с т и о т о т д е л ь н ы х л и ц и к р у ж к о в, а значит и торжеством демократического с а м о у п р а в л е н и я в с о ц и а л - д е м о к р а т и и (курсив наш).

Примечание редакции.

гией либерализма, оно пойдет по равнодействующей, полученной в результате приложения другой силы—политической логики и политической психологии сознательного пролетариата. Социал-демократ в своей инициативе не будет опираться на психологию своего временного «сотрудника»,—он будет только считаться с ней; опираться же он будет на организованное мнение пролетариата. Он будет фигурировать перед либералами не как демократ с марксистскими предрассудками, а как представитель демократических требований пролетариата.

Тактика наших комитетов, обращающихся время от времени—за спиной пролетариата—с призывными или обличительными прокламациями к студенчеству, земствам, думам, различным съездам, имеет много общего с тактикой либеральных земств, «ходатайствующих» перед самодержавием за «народ». Заместительствуя пролетариат, руководящие социал-демократические группы не понимают, что нам в такой же мере необходимо привлекать пролетариат в «демонстрации» его классовой воли по отношению к либеральной и радикальной демократии, как мы привлекаем его к демонстрации его революционного демократизма против самодержавия. Заместительствуя пролетариат, наши комитеты вместо того, чтобы организовать общественное мнение пролетариата для непосредственного давления на общественное мнение буржуазной демократии, ходатайствуют пред ней в своих прокламациях, за «свой» пролетариат. Что из того, что иногда эти бессильные ходатайства прикрываются «суровой» формой бурбонских окриков за «половинчатость» и «нерешительность»... окриков, которые ни на кого не действуют, заставляя лишь господ образованных либералов иронически пожимать плечами *).

---

*) „Мы... приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя (sic!!!) земцев перейти к борьбе от униженных ходатайств... Мы поощряли статистиков-протестантов и порицали (sic!) статистиков-штрейкбрехеров". („Что делать?", стр. 71). Вот что „мы" делали с тов. Лениным! Еще немного—и „мы" начали бы „поощрять" солнечные и лунные затмения...

Наше так называемое «подталкивание» либералов тем меньше будет походить на ходатайство перед либералами (хотя бы в форме дерзостного «нагоняя»), чем больше мы научимся объединять пролетариат в активном действии (петиция, резолюция, протест, митинг, демонстрация) не только вокруг общедемократического знамени, но и вокруг определенных частных лозунгов, приуроченных под классовым углом зрения, к данному политическому моменту,—не только против полиции и самодержавия, но и против «нерешительных» и «половинчатых» либералов. Наше действительное, а не воображаемое влияние на политику либерализма будет тем серьезнее, чем меньше мы будем «ходить во все классы населения», уходя от пролеариата, к чему фатально приходят наши «политические» комитеты. Необходимо понять во всем ее содержании—как она на первый взгляд ни проста—ту мысль, что мы можем влиять на политическую жизнь только через пролетариат, а не по поручению от него; что мы должны, следовательно, не «ходить во все классы населения», а если уж нужна лапидарная формула, «водить пролетариат во все классы населения». Тов. Аксельрод выдвинул эту мысль в своих статьях 1879 года. «Для воздействия на эти («страдающие от современных беспорядков») слои,—говорит он,—отнюдь нет необходимости, чтобы социал-демократы отправились действовать в их среде. Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером агитационно-пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата (Аксельрод, «К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-дем.«, 16, курсив автора).

Система политического заместительства, точь в точь как и система «экономического» опрощения, исходит,—сознательно или бессознательно—из фальшивого «софистицированного» понимания отношений между объективными интересами пролетариата и его сознанием. Марксизм учит, что интересы пролетариата определя-

ются объективными условиями его существования. Эти интересы так властны и неотвратимы, что они в конце концов заставляют пролетариат, перевести их в область своего сознания, т. е. сделать своим субъективным интересом достижение своих объективных интересов. Между этими двумя моментами—объективным фактом классового интереса и субъективным сознанием его—лежит путь жизненных толчков и ударов, ошибок и разочарований, колебаний и поражений. Задача тактической мудрости партии пролетариата вся укладывается между этими двумя моментами и состоит в сокращении и облегчении пути между ними.

Классовые интересы пролетариата, независящие от сегодняшней политической конъюнктуры вообще, ни в частности от уровня сознательности рабочей массы в данный момент, не могут, однако, оказывать давления на эту конъюнктуру иначе, как пройдя через сознание пролетариата. Другими словами, на политическом рынке партия может предъявить к учету*) не объективные интересы пролетариата, теоретическим путем вышелушенные, а сознательную организованную волю пролетариата **.

---

*) Примечание для подозрительных. Когда мы говорим об „учете“, мы имеем в виду, разумеется, не частичное воплощение социализма по мере постепенного сознания пролетариатом своей социалистической цели, но такое частичное воздействие на политическую среду (прежде всего в направлении ее диференциации), которое ускорило бы наступление момента социалистической революции.

** Этот тезис, являющийся исходным в троцкистском учении о партии и классе, ярко оттеняет реформистский, хвостистский характер троцкизма. Интересно отметить, что этот тезис находился в принципиальном противоречии с тем, что писал, напр., Плеханов (период старой „Искры“) и до мелочей совпадал с тезисами „экономистов“. В своей известной статье „Еще раз социализм и политическая борьба“ Плеханов писал:

„Иное дело весь рабочий класс, а иное дело социал-демократическая партия, представляющая собой лишь передовой — и в начале очень малочисленный — отряд рабочего класса, Если рабочий класс данной страны, взятый в его целом (т. е. точнее, в большинстве своих членов), еще не созрел для перехода к политической борьбе, то из этого вовсе не следует, что „момент“ такой борьбы еще не настал для партии, задавшейся целью полити-

Если оставить в стороне «доисторический», сектантски-кружковой период всякой социал-демократической партии, когда она в силу необходимости гораздо ближе подходит по своим методам к утопически-просветительному, чем к революционно-политическому социализму, когда она знает лишь социалистическую педагогику, но не знает политической тактики; если обратиться к партии, уже вышедшей из этого периода младенчества, то вся ее политическая работа представится нам в такой схеме. Партия, опираясь на данный уровень сознания пролетариата *, вмешивается в каждое крупное политическое событие, стараясь отклонить равнодействующую в сторону ближайших интересов пролетариата и—что еще важнее—стараясь свое вмешательство сделать средством повышения уровня его сознания, чтобы затем

ческого воспитания этого класса" (курсив Плеханова. Том XII, стр. 81 — 82).

„Об агитации рассуждают так, как будто политическая борьба может быть только делом пролетариата, как целого класса, достигшего известной высоты развития; я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата нашей партией, которая представляет собою передовой отряд пролетариата — его наиболее сознательный и революционный слой". (Плеханов, том XII, стр. 90).

Далее Плеханов остроумно замечал:

„Если о политической борьбе с царизмом можно будет заговорить только тогда, когда для нее созреет весь русский рабочий класс, тогда позволительно ли вести речь о социализме раньше, чем весь пролетариат в его целом не „потребует" устранения капиталистического хозяйства. Но пролетариат в его целом еще не „требует" этого даже в самых передовых странах. Поэтому, существование социал-демократии не имеет теперь смысла" (курсив Плеханова, том XII, стр. 91).

Примечание редакции.

* Этот тезис опять таки был лишь перепевом „экономизма". Так напр., Кричевский идеолог, „экономизма", указывал в свое время, что „политические требования, общие для всей России, должны, однако, на первых порах соответствовать опыту, извлеченному данным слоем рабочих из экономической борьбы. Только на почве этого опыта можно и должно приступить к политической агитации".

Примечание редакции.

опереться на этот повышенный уровень сознательности и использовать его для той же «двуединой» цели. Момент нашей решительной победы наступит, когда мы преодолеем расстояние, лежащее между объективными интересами пролетариата и его субъективным сознанием, конкретнее говоря, когда к пониманию своих объективных социально-революционных интересов придет настолько значительная часть пролетариата, что она сможет своей политически-организованной силой сбросить с своего пути всякую контрреволюционную помеху.

Чем больше расстояние, отделяющее объективный и субъективный моменты, т. е. чем ниже политическая культура пролетариата, тем естественнее появление в партии таких «методов», которые в той или другой форме представляют собою пассование перед колоссальной трудностью лежащей на нас задачи. Как политическое самоотречение «экономистов», так и политическое «заместительство» их антиподов есть не что иное, как попытка молодой социал-демократической партии «слукавить» с историей.

Разумеется, и «экономисты» и «политики» гораздо менее последовательны в действительности, чем в нашем схематическом воспроизведении,—и эта непоследовательность позволила и тем и другим сыграть очень прогрессивную роль в развитии нашей партии. Когда мы характеризуем «основную ошибку» «экономизма» или «политического заместительства», нам приходится в значительной мере говорить о возможности, которая стала бы действительностью, если бы не встретила противодействия. С такой оговоркой можно сделать следующее противопоставление.

«Экономисты» исходили из субъективных интересов пролетариата в каждый данный момент его развития, на них опирались, их тщательную регистрацию считали своей единственной задачей. Те обязанности, которые должны определять содержание нашей тактики, они возлагали на естественный ход вещей, выключив из него предварительно самих себя.

В противоположность «экономистам», «политики» ис-

ходной позицией берут объективные классовые интересы пролетариата, методом марксизма установленные. Но и они с той же боязнью, что и «экономисты», отворачиваются от «дистанции», лежащей между объективными и субъективными интересами того класса, который они принципиально «представляют». И для них, как и для «экономистов», не существует вопросов политической тактики в собственном смысле слова. Раз есть историко-философское исследование, вскрывающее тенденции общественного развития, раз результаты этого исследования уже сделались «нашим» принципиальным достоянием, отдуманы нами, то остается лишь— выводы, к которым мы пришли, предъявить истории, как чеки к учету. Таким образом, если «экономисты» не руководят пролетариатом, потому что плетутся за ним, то «политики» не руководят пролетариатом, потому что сами исполняют его обязанности. Если «экономисты» спасались от громадности задач тем, что отводили себе скромную роль—шествовать в хвосте истории, то «политики» решают вопрос тем, что пытаются превратить историю в свой собственный хвост *.

Нужно, однако, оговориться, что «заместительство» гораздо менее свойственно нам, как революционерам, чем как революционным социал-демократам.

В первом случае нам труднее «слукавить»: история, поставив на очередь дня известную задачу, зорко следит за нами. Худо или хорошо (больше—худо), мы революционизируем массу, пробуждая в ней простейшие политические инстинкты. Но поскольку дело касается сложной задачи—превратить эти «инстинкты» в сознательные стремления политически самоопределяющегося рабочего класса, мы самым широким образом

---

* Якобы полемизируя с „экономистами“, Троцкий по существу же повторял „экономистские“ зады. „Достаточно сравнить этот тезис со след. положением „экономистов“: „революционер — с-д. имеет своей задачей — своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными и планами“.

Примечание редакции.

прибегаем к сокращенным и упрощенным методам «отдумывания» и «заместительства».

Во внутренней партийной политике эти методы приводят, как мы еще увидим, к тому, что партийная организация «замещает» собою партию, ЦК замещает партийную организацию, и, наконец, «диктатор» замещает собою ЦК; далее, к тому, что комитеты делают «направление» и отменяют его в то время, как «народ безмолвствует»; во внешней политике эти методы проявляются в попытках давить на другие общественные организации отвлеченною силою классовых интересов пролетариата, а не реальною силою пролетариата, сознавшего свои классовые интересы. Эти «методы», как мы видели, предполагают «априорное» отождествление принципиально принятой нами программы с содержанием нашей партийной работы. В итоге, эти «методы» совершенно упраздняют вопросы политической тактики социал-демократии.

Тов. Ленин документально засвидетельствовал это «упразднение» в некотором принципиальном тезисе, мимо которого нельзя пройти молча. Возражая т. Надеждину, который жаловался на отсутствие «корней в глубине», Ленин писал: «Это верх неразумия,— ибо автор смешивает философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом о лучшей борьбе с жандармами». («Что делать», стр. 91.) Тов. Ленин так дорожит этой мыслью, что переносит ее в свою новую брошюру. «Ссылаться на то, что мы—партия класса,— возражает Ленин тов. Аксельроду,— в оправдание организационной расплывчатости, в оправдание смешения организации и дезорганизации—значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом» («Шаг вперед»..., стр. 42). Таким образом, вопрос о «корнях в глубине» не есть для тов. Ленина вопрос политической тактики, это вопрос философской доктрины. Если наша доктрина, марксизм, обеспечивает нам «корни в глубине», то остается

лишь выполнить задачи организационной техники. Между вопросом «философским» и «организационно-техническим» у тов. Ленина нехватает одного маленького звена: содержания нашей партийной работы. Утопив вопрос тактики в вопросе «философском», тов. Ленин купил себе право отождествлять содержание партийной практики с содержанием партийной программы. Он не хочет ничего знать о том, что нам нужны не «философские» корни в глубине—какой дремучий вздор! точно заговорщики какого угодно толка не имеют, с «философской» точки зрения, тех или иных корней в глубине!—а живые политические корни, живой контакт с массой, который позволил бы нам в любую решительную минуту мобилизовать эту массу вокруг знамени, которое она знает, как свое знамя.

Задачи организационные для нас поэтому всецело подчиняются методами нашей политической тактики,— * и полным банкротством звучит для нас отождествление организационного вопроса пролетарской партии с техническим вопросом... «лучшей борьбы с жандармерией». Полным банкротством!—ибо если это отожде-

---

* Этот хвостистский тезис Троцкий выставлял и в последующие годы.

В венской „Правде" мы, напр., читаем следующее:

„Вот вы зовете — спрашиваю вас — строить партию, а как строить — не говорите. Даете нам агитационные политические статьи, а плана партийного строительства не даете". И впрямь не даем. И не собираемся давать, товарищи, ибо нельзя строить партию по заранее составленным чертежам, как водокачку или цепной мост. Не план организации нужен нам сейчас, а план политической работы или — более узко для данного момента — план политической кампании. Открыть агитацию вокруг злободневных политических лозунгов, расширить ее, развернуть, собрать вокруг этих лозунгов широкие рабочие круги, заставить проникнуться единой политической мыслью, дать им возможность сообща выразить свою классовую волю в действии, хотя бы в самом скромном, хотя бы в резолюции — значит вместе с тем сделать решительный шаг на пути партийного строительства".

Ленин в ряде писаний (см. брош. „Шаг вперед, два назад") беспощадно высмеивал подобные теории. (См. приложение „Ленин о соотношении тактических организационных задач").

Примечание редакции.

ствление «вызывается условиями конспиративной работы, то это значит,—как говорит т. Парвус в нескольких энергичных строках, посвященных системе Ленина,— что борьба со шпионами заслоняет собою борьбу с абсолютизмом и другую, гораздо более великую борьбу—за освобождение рабочего класса!»

Задачи организационные для нас всецело подчиняются методам политической тактики. Вот почему и эта брошюра, вызванная разногласиями по «организационному вопросу», исходит от вопросов тактики. Чтобы понять организационные разногласия, нужно выйти за их пределы. Иначе можно задохнуться в схоластических словопрениях!

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ.

Диалог.

(По Сократу.)

Скажите,—с соболезнованием спрашивает ваш собеседник, если он добрый, и со скрежетом, если злой (последнее бывает чаще),—вы против организационного плана Ленина?

А что вы понимаете под организационным планом Ленина?

Минута замешательства.

Устав?

Нет, зачем же, обижается слегка собеседник, это «меньшинство» только, считающее нас «бюрократическими централистами», думает, что для нас устав—все. Дело не в уставе, а во всем организационном плане...

Вы о «Письме» Ленина к петербургскому товарищу говорите?

Ну, хотя бы и об этом письме. Да и в «Что делать?» прежде всего... изложен, так сказать, организационный план.

В чем же он состоит?

Да позвольте... что вы...—выходит, наконец, окончательно из себя ваш собеседник,—как в чем?—организационный план... план Ленина!..

Ну да, план, план, план Ленина!

Вот прекрасно! Все и всегда говорили: организационные планы Ленина, у Ленина есть план... А теперь—вдруг: в чем он состоит?

Да и про генерала Трошю (это во время осады Парижа было) все говорили: Il a un plan, Troschu a un plan... («У него есть план... Трошю имеет план»...). А весь то план его был —отдать Париж пруссакам. Нет, вы мне определенно скажите: в чем состоит организационный план Ленина?

Да я не могу так... сразу... Вы прочитайте «Что делать?»

Читал... Ну, так хоть не весь «план», а только основные принципы укажите.

Основные принципы—это другое дело... Например, разделение труда... конспирация... дисциплина... и вообще централизм... чтобы Центральный комитет мог контролировать... ну то, что называется «организация профессиональных революционеров»... и против демократизма... вот принципы.

Ну, прекрасно. Вы вот говорите: разделение труда. Согласен, очень почтенная вещь, оказала большие услуги социальному прогрессу. Но разве этот принцип провозглашен Лениным? Помилуйте, еще все политико-экономы мануфактурного периода разъяснили выгоды разделения труда. Адама Смита [35]) откройте. Какие он развертывает волшебные булавочные перспективы! Право же, я никак не могу с вами согласиться, будто Ленин изобрел разделение труда, вроде того, как некоторые мифологические персонажи изобретали земледелие, скотоводство, торговлю... Понимаю, понимаю, вы хотите сказать, что Ленин провозгласил применение этого принципа у порога «четвертого периода»? Пусть так. Но неужели же вы думаете, что «меньшинство» отрицает «принцип» разделения труда? Или «принцип» конспирации?

Не знаю... Однакоже Аксельрод пишет о «колесиках» и «винтиках»... И я думаю, что прав Ленин, который

говорит, что «меньшинство» выдает с головой свою мелкобуржуазную природу, когда испускает трагикомические вопли против разделения труда под руководством центра... *).

О «воплях» «меньшинства» я поговорю сейчас и поговорю подробно. Но прежде чем этим заняться, я ставлю вопрос. Может ли разделение труда быть или считаться принципом нашей, социал-демократической партийной организации? Разделение труда технически выгодно,— но выгодно не только для социал-демократической, а и для всякой другой партии, выгодно для любой канцелярии, для магазина... Если разделение труда может рассматриваться как организационный принцип, то только по отношению к мануфактуре, никак не по отношению к политической партии вообще, к нашей—в частности. Разве не очевидно для вас, что «принцип» разделения труда ничем не характерен для организации, ставящей себе задачей развитие классового сознания пролетариата,—взятый сам по себе этот «принцип» обезличивает нашу партию, сводя ее попросту к сложной кооперации*. Далее, конспирация.

---

* „Шаг вперед"..., стр. 147.

О мелкобуржуазной, интелигентской подоплеке этих протестов Ленин писал еще в „Шаг вперед, два назад":

„Практик" новой „Искры" с глубокомыслием которого мы уже познокомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне „как огромная фабрика" с директором ввиде ЦК во главе ее (№ 57, прилож,). „Практик" и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово, сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, незнакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплоатируемого населения. Именно марксизм как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различно между эксплоататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной „ школе".

Это уже более узкий принцип, имеющий исключительно политический смысл. Но и конспирация ничем внутренно не связана с социал-демократической партией. Конспиративно работать приходилось и приходится главным образом буржуазно-революционным партиям. Значит, вы должны согласиться, что и конспирация не может быть организационным принципом нашей партии, как таковой. То же самое нужно сказать и о централизме. Централизована фабрика, централизовано государство, централизован заговор. Что же в централизме «ортодоксального»? Вы не упомянули в вашем перечне ленинских «принципов» централизации руководства и децентрализации ответственности («Письмо», стр. 20). Не буду останавливаться на них и я. Скажу лишь, что они выражают, повидимому, ту самую идею, которую покойный аббат Сийэс [36]) положил в основу своей конституции: «Доверие должно итти снизу (=децентрализация ответственности), а власть сверху (=централизация руководства)». Значит, и в этих «принципах» пролетариат не найдет себя. Словом, если соединить все то, что вы называете «организационными принципами» Ленина, то получится сложная централизованная кооперация, конспиративно преследующая какие-то по-

---

Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, которые немецкие социал-демократы называют Edelanarchismus т. е. анархизм „благородного“ господина, барский анархизм, как бы я сказал. Русскому интеллигенту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной „фабрикой“, подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему „закрепощением“ (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в „колесики и винтики“ (причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов и сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу „формалистов“) замечание, что можно бы и вовсе без устава. (V т. 462—463 стр.).

Примечание редакции.

литические цели. Но социал-демократической организации еще не будет *. В лучшем случае, она этим определением не исключена, она—одна из возможностей. В лучшем случае, мы имеем перед собой только организационную алгебраическую формулу, которая может получить социал-демократическое содержание, если на место букв поставить определенные числовые значения. Но сам «план» этих определенных числовых значений не включает... Один товарищ произвел следующий любопытный опыт: на всем протяжении «Письма к петербургскому товарищу» он заменил слово социал-демократ словом социалист-революционер. И ни разу не впал в противоречие. А попробуйте проделать эту операцию над нашей партийной программой или над тактическими резолюциями—обожжете пальцы... Вот почему такие схемы, как изложенная в «Письме к петербургскому товарищу», неизбежно рождают вопрос: где же тут социал-демократия? Она предполагается сама собой, скажете вы. Предполагается субъективно, но вовсе не «предполагается» объективно. И в этом вся сила.

Разделение труда.

Для того чтобы печатать социал-демократические прокламации, не нужно быть непременно социал-демократом. Точно так же и для того, чтобы разбрасывать их или расклеивать. Разумеется, при российских условиях на такую работу пойдет только человек, преданный делу революции. Но самый характер названной работы—чисто технической—не предъявляет к своим исполнителям никаких политических требований и сам по себе не способен развивать и изощрять их социал-демократическую сознательность. Значит, должна быть другая сфера пар-

---

* Троцкистская полемика с идеей конспирации ярче всего иллюстрирует тогдашнюю эволюцию Троцкого от „искризма“ к „экономизму“. Настолько точка зрения Троцкого по данному вопросу была отлична от „искровской“ и приближалась к точке зрения экономизма, можно судить сравнив ее с ленинской точкой зрения в „Что делать“, (см. приложение „О конспирации“).

Примечание редакции.

тийной жизни, где бы и наборщик, и разносчик, и библиотекарь, и организатор общались между собой не как детальные работники партийной **техники**, а как целостные работники партийной **политики**. В практике наших организаций эта задача игнорируется сплошь да рядом, и **содержание партийной работы понимается, как совокупность различных технических функций «под руководством центра»**. Причина такой аберрации очевидна. Та работа, которая в каждой европейской партии, в том числе, разумеется, и в социалистических, совершается за кулисами партийной сцены,—печатание, рассылка, расклейка и т. д. и т. п.,—у нас выпячивается на передний план, похищает громадную массу материальных и личных сил партии и, именно вследствие этого, приковывает к себе бо̀льшую и лучшую долю творческого внимания и творческих усилий... в постоянной борьбе со стихийной силой полицейского разрушения, сносящей втечение часа то, что создавалось кропотливым трудом втечение месяцев, в постоянной борьбе с бедностью нашей нелегальной техники, которая представляет собой какие-то оазисы каменного века в обстановке пара и электричества, в этой неустанной борьбе **технические предпосылки политической работы** начинают покрывать все поле политических задач партии. Что же удивительного, если напряженно работающая в этой сфере мысль способна возводить разделение труда в организационный принцип революционной («ортодоксальной») социал-демократии! Такова «материальная» причина подмены задач пролетарской политики задачами организационной техники, подмены вопросов борьбы с самодержавием и с буржуазным обществом вопросами подпольного соперничества с политической полицией. К этому нужно прибавить, что новое «политическое» направление развивалось в борьбе со старым «экономическим», которое организационно выражалось в так наз. «кустарничестве». Сознанию кустаря, получившего внезапное «просияние своего ума» и до крайности устыдившегося своей наготы (и теоретической, и политической, и технической, и всякой иной), разделение труда

должно было представиться спасительным всеразрешающим принципом, а мануфактура—ослепительным идеалом. Именно мануфактура, а не фабрика, которая уже поминалась в политической литературе, ибо фабрика предполагает высоко развитую технику, сводящую к минимуму роль разделения труда, тогда как мануфактура, опирающаяся на технические основания «кустарничества», делает разделение труда предметом теоретического культа.

«...Чем совершеннее была бы отделка каждого колесика,—писал вдохновенно Ленин,—чем больше число детальных работников над общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы» («Что делать?», стр. 130, курсив мой).

В этих строках первобытному «кустарю», представлявшему в своем лице все отрасли кустарной деятельности, отчетливо противопоставляется «детальный работник» (Theilarbeiter) мануфактуры, цельному индивиду—«колесико» сложного механизма... При такой системе самые пороки вчерашнего кустаря—его невежество, безынициативность, политическая примитивность—обращаются на пользу делу, ибо «односторонность и даже недостатки частичного (детального) рабочего становятся его преимуществами, раз он превращается в часть совокупного, коллективного рабочего» («Капитал», т. I, стр. 280, русск. перев. изд. Поповой). «Рассудок и воображение могут заблуждаться,—говорит цитируемый Марксом Фергюсон,—но привычка двигать рукой или ногой не зависит ни от рассудка, ни от воображения. Поэтому и мануфактуры наиболее процветают там, где люди всего более умеют отрешаться от духовной жизни...» («К.», I, 291). Соображениям Ленина, застрявшим у него в голове еще с периода борьбы с народничеством,—интеллигенция боится фабрики... «вопли против разделения труда под руководством центра» только выдают природу «буржуазного интеллигента»...—этим соображениям мы можем по меньшей мере с таким же основанием противопоставить слова Маркса о «буржуазном сознании, которое мануфактурное разде-

ление труда, пожизненно приковывающее рабочего к одной детальной операции, и безусловное подчинение частичных работников капиталу (центру!) прославляет, как некую организацию труда, увеличивающую его производительную силу» («К», I, 288).

Но мы опасаемся, что наш отличающийся большей настойчивостью, чем ясностью сознания собеседник, с которым мы простились у порога этой главы, сделает из нее тот непременный вывод, что «меньшинство» против разделения труда и за реставрацию «кустарничества». А мы хотели бы привести читателя к совершенно другому выводу. Мы хотели бы, чтобы читатель понял, что разделение труда, несмотря на всю свою полезность, есть принцип узко-технический, и, значит, для того, кто между технической работой и всей партийной жизнью не ставит знака равенства, разделение труда не может быть принципиальной основой партийной организации; тот должен сделать вывод, что партийная жизнь, это то, что остается за вычетом «разделения труда».

Если требования экономии сил вынуждают нас—при той жалкой технике, которою мы распоряжаемся—к чисто мануфактурному разделению труда в известной сфере нашей работы, то мы должны прилагать все усилия к тому, вопервых, чтобы эту техническую сферу по возможности сузить и, вовторых, чтобы идеал искусных и искуснейших детальных работников, отлично отделанных «колесиков» не переносился нами из технической сферы в сферу работы политической в собственном смысле слова: чтобы в этой последней области нашим идеалом была не человеческая дробь *, умеющая «в ин-

* В своей брошюре Троцкий целиком переносит идеи "барского анархизма" Михайловского в область партийных отношений. Знаменитая „формула прогресса" Михайловского („Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми") используется Троцким для того, чтобы утверждать, что „разделение труда" имеет идеалом „человеческую дробь", а „не целостную политическую личность".

Примечание редакции.

тересах революционной «социал-демократии» правильно быстро и послушно «двигать рукой или ногой»—«под руководством центра»,—а целостная политическая личность, член партии, активно реагирующих на все вопросы партийной жизни и предъявляющий всем «центрам» свою волю во всех доступных ему формах—до... да, на худой конец, до «бойкота» включительно!

«Все это очень хорошо, очень правильно, но... кто же этого не знает?», спрашивает читатель из «большинства», тот самый, который десять минут тому назад был уверен, что «меньшинство» отрицает разделение труда... «Кто же этого не знает? Да это само собою разумеется!»

Этот ответ не становится более осмысленным оттого, что он повторяется всеми сторонниками противоположного направления—от мала до велика, от Тверского комитета *) до тов. Ленина **). Мы говорим о необходимости выработки членов партии, сознательных социал-демократов, а не просто искусных «детальных работников»,—нам отвечают: «это само собою разумеется». Что это значит? Кем «разумеется»? В чем реализуется такое «разумение»? Разумеется ли «это» содержанием нашей партийной работы, т. е. составляет ли в настоящее время ее необходимую составную часть автоматическая выработка политически мыслящих Parteigenossen? Или эта задача «разумеется» так называемым организационным планом Ленина? Или, наконец, она лишь субъективно «разумеется» каждым социал-демократом?.. Последнее—несомненно, особенно, если пробудить это мирно дремлющее «разумение» градом упреков и обвинений. Но этого недостаточно! Необходимо, чтобы «сама собою разумеющаяся» задача ставилась, как ясно сознанная цель, и практически разрешалась в партийной работе. До сих пор в этом направлении делалось меньше малого. Более того. Господствующий теперь в партии организационный фетишизм толкает многих товарищей на прямое противодействие вся-

---

*) См. его резолюцию, „Искра“ № 66.
**) См. „Шаг вперед“.., стр. 142 и др.

ким попыткам правильно поставить эту «сама собою разумеющуюся» задачу. И это понятно.

То мышление, которое возводит технический принцип разделения труда в принцип социал-демократической организации, приходит—сознательно или бессознательно—к последнему неизбежному выводу: отделению сознательности от исполнительности, социал-демократической мысли—от тех технических функций, при помощи которых она должна воплощаться. «Организация профессиональных революционеров», точнее, ее верхушка, является центром социал-демократического сознания, а под этим центром—дисциплинированные исполнители технических функций.

Тов. Ленин дает классическое выражение такому организационному идеалу: «...для того, чтобы собрать воедино все эти мелкие дроби,—говорит он,—и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения и для того, чтобы внушить (NB) исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда и не будет работать—для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров» («Что делать», стр. 98).

Тов. Лениным здесь даже не ставится—ему не приходит и в голову—«сама собою разумеющаяся» задача: как возместить тяжелые стороны разделения труда вовлечением каждого работника в целостную партийно-политическую работу,—нет, он противопоставляет армии раздробленных «исполнителей» центральный штаб, который своей собственной монополизированной сознательностью, проницательностью, инициативностью, выдержанностью, твердостью внушает всем дробям веру в то, что они необходимы для общего дела. Что же это: партия или «социал-демократическая» мануфактура?

Сравните: «Знание, понимание и воля, проявляемые, хотя и в небольших размерах, самостоятельным земледельцем или ремесленником (и нашим, прибавим, «кустарем», который сам выполнял все функции своей примитивной «экономической» работы),—теперь тре-

буются лишь для ведения всей мастерской (партии) как целого. Духовные силы, управляющие производством, разрастаются на одном пункте, именно потому, что во многих пунктах они совершенно исчезают. То, что теряют частичные рабочие, концентрируется независимо от них в капитале («центре»). Таким образом, мануфактурное разделение труда противопоставляет рабочим («исполнителям мелких функций») духовные силы, управляющие материальным процессом производства, в качестве чужой собственности (централизованной функции) и господствующей над ними власти» («К.», I, 291).

Тот идеальный, почти геометрическим методом построенный план, который изложен в «Письме к петербургскому товарищу», совершенно не задается вопросом: а где же будут воспитываться социал-демократические деятели, будущие «профессиональные революционеры»? По «плану»—метальщики, наборщики, содействующие чиновники... «попы, генералы, женщины, массы птицы, и пчелы—все составляет мощную корпорацию» *), руководимую профессиональными революционерами социал-демократами. Но где же резервуар, из которого каста этих недолговечных деятелей будет пополнять себя?.. Ученик кустаря почти всегда становится кустарем-мастером. Но детальный работник почти никогда не становится хозяином мануфактуры. Спрашивается: где тот мост, по которому сегодняшний «детальный работник» сможет перейти в разряд политических деятелей, и, в этом качестве, не только исполнять детальную функцию и «верить», что над его функцией бодрствует око профессионального революционера, но и самостоятельно ориентироваться в политической обстановке, найти лозунг, подать инициативу?..

В целом ряде комитетов прививаются так наз. «дискуссии», т. е. собрания, на которых кассир, разносчик и наборщик встречаются не как кассир, разносчик и наборщик, а как члены партии, обсуждающие партийные и общеполитические дела. Разумеется, это только частичное возмещение за те уродства, которые не-

*) Из письма Герцена [37]) к Бакунину [38]).

сет с собою разделение труда при нашей варварской технике. И с этой точки зрения можно указать на недостаточность и ограниченность «дискуссий». Но все же только тут, в этих дискуссиях, начинается воспитание членов партии. Только эти дискуссии и образуют, при нынешнем складе работы, узенький мост, по которому «дробь» переходит в касту «единиц» (среди которых немало нулей, только по недоразумению сходящих за единицы). И что же?—т. Ленин в своем «плане» с завидной последовательностью упраздняет «дискуссии». Неконспиративно. Нарушает единство и стройность плана. Да и к чему? Того результата, к какому стремятся «дискуссии», можно достигнуть более дешевым способом: нужно только, «чтобы все участники работы, все и всякие кружки имели право доводить свои решения, желания, запросы до сведения как комитета, так и ЦО и ЦК. Если мы обеспечим это, то тогда полнота совещаний всех партийных работников будет достигнута без создания таких громоздких и неконспиративных учреждений, как «дискуссии» («Письмо», стр. 9). С каким презрением отзывается далее Ленин о «кустарнических» комитетах, рабочих и студенческих кружках, состоящих из «неспециализированных» членов и занятых «бесконечными совещаниями обо всем», вместо того, чтобы вырабатывать «профессиональный опыт»! («Письмо», стр. 21.) «Обо всем» приходится думать и совещаться только центру, а все кружки, группы и отдельные агенты должны думать и совещаться по профессиям, сообразно званию и цеху. Сознание партии централизовано—остается лишь детальный опыт каждого детального работника делать достоянием центра («доводить до сведения»),—уже одним этим будет обогащаться практика всех детальных работников, питающихся сознанием профессионально-сознательного центра.

Практики, принявшие эту схему как символ веры, должны были в конце концов притти к вопросу: где же брать социал-демократов, когда вокруг—одни верующие в центр «дроби»? И к каким поразительным, поистине трагическим выводам приходят некоторые

из практиков, показывает письмо тов. Северянина (очень видного деятеля партии) в № 51 «Искры», когда газета редактировалась Лениным и Плехановым. «Вы заметили? пишет Северянин,—теперь опытные, дельные товарищи чаще бросают комитетскую работу, переходя на специальные функции. Это скверный симптом! Надо создать отдельную организацию, специально для подготовки к социал-демократической работе. Она будет находиться в непосредственном заведывании ЦК, так как районы воздействия комитетов не охватывают пунктов, важных для революционной школы; распределение сил естественно должно быть в руках ЦК, необходимо возможно полное отделение боевой деятельности комитетов от подготовительной работы новой организации.

Таково положение дел. Нет социал-демократических деятелей, все уходят на детальные функции, и так как работа партии не разрешает «сама собою разумеющейся» задачи воспитания активных и инициативных социал-демократов, то остается вне партийной работы построить социал-демократическую семинарию «в непосредственном заведывании ЦК». Социал-демократическая партия в процессе своей политической практики не создает, не воспитывает социал-демократов. Их приходится фабриковать на стороне. «Боевая» работа отрывается от «подготовительной», точнее сказать, революционная деятельность отделяется от социалистической. Можно ли ярче изобразить банкротство организационных мануфактурных идеалов?

„Демократизм“ *

Комитеты в борьбе со старыми, крайне тяжеловесными quasi демократическими формами организационной жизни все более и более сводили централизм к полному самоосвобождению от всяких обязательств по

* Взгляды Троцкого по вопросу о демократии, развиваемые им в „Н.П.З.“ были принципиально отличны от взглядов Ленина как по вопросу о демократии в конкретной ситуации 1903/4 г., так и о демократии вообще. Всякий, кто прочтет Ленина (см. приложение

отношению к подкомитетскому миру. Три или пять членов комитета представляют в своем лице «единство и волю общественного рабочего организма». Они принимают решения, они «делают» новое направление в партии, сдают в архив «экономизм», пускают в оборот «централизм», признают «Искру», отрицают «Искру», словом, творят всю внутрипартийную политику *,—а под ними мир детальных работников», которые набирают прокламации, собирают деньги, раздают брошюры... разумеется, если делающий направление комитет в состоянии доставить им брошюры. За последние 3—4 года интенсивных внутрипартийных трений жизнь очень многих комитетов представляет ряд coup d'état в духе наших дворцовых переворотов XVIII ст. Где-то наверху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточает, сменяет, кого-то душат, кто-то себя кем-то провозглашает **,—в результате на комитетской вышке торжествующе поя-

---

„Ленин о демократизме, бюрократизме и автономизме") поймет, какая пропасть налицо между троцкистским и ленинским учением о партийной демократии.

Примечание редакции.

* Эта злобная ирония меньшевистского интеллигента по отношению к центральным органам партии является особо характерной чертой Троцкого на протяжении всей истории нашей партии. Насколько современный Троцкий проделал попятную эволюцию к Троцкому „Н.П.З." можно судить по след. выдержке из его декларации на объединенном заседании президиума ИККИ и ИКК от 27 сентября: „Аппарат начинает каждый месяц новую дискуссию, аппарат дает ей тему, питает ее ложными материалами, подводит ей итоги, совершает суд и расправу, откладывает съезд на год, теперь подготовляет съезд из своих собственных аппаратных работников, заранее назначенных, „которые должны уполномочить верхушку вести эту работу дальше".

Примечание редакции.

** В этих „образных" словах звучит нескрываемая злоба анархиствующего интеллигента. Злоба и обида на „заезжателей" была характерной чертой тогдашних меньшевиствующих интеллигентов. В своей брошюре „Шаг вперед, два назад" Ленин по этому поводу писал след.:

„В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота обиды, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают,

вляется флаг в надписью: «ортодоксия, централизм, политическая борьба»...

Мы сомневаемся, чтоб был хоть один комитет, который, прежде чем «признать» «Искру» своим руководящим органом или впоследствии «отвергнуть» ее, счел бы своей обязанностью провести свою резолюцию через все подчиненные комитету группы «детальных работников»,—не «прокатить» для проформы, а действительно провести чрез *сознание* разнощиков, кассиров, организаторов, пропагандистов, агитаторов и всех прочих «винтиков» и «колесиков». Этот сложный «де-

---

их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда, — вы увидите, что меньшинство — это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы „обижали" до того, что они ушли со съезда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности; тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамился), тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели „ложным обвинением в оппортунизме" за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходок, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают по сию пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы „Искры". Если мы в течение этих 3-х лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые сейчас должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с антиискровцами и с „болотом". А когда мы вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах, с открытым забралом, переобидели такую кучу народа, нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чуточку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. *Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счеты, бросились с рыданиями в объятия друг другу и подняли знамя „восстания против ленинизма"*. (Кур. наш. т. V 475—476 стр.).

Не являются ли последние строки зарисовкой внутрипартийной борьбы последних лет? Не имели ли мы в 1926 г. такую картину, когда „все обиженные забыли взаимные счеты, бросились с рыданиями в объятия друг другу и *подняли знамя* „*восстания* против ленинизма"?

Примечание редакции.

мократический» процесс заменялся и заменяется одним «централистическим» декретом. А если подкомитетские группы заупрямятся и не согласятся par ordre du moufti принять новое «направление»? Тогда их раскассировывают, а вместе с ними нередко и все местное рабочее движение.

Вот, напр., как изображает один из деятелей прошлого периода идейную победу «Искры» в своих письмах за границу: «6 ноября 1902 г.... Случилось вот что с здешним комитетом. Ему была предложена резолюция, выражающая совершенное сочувствие «Искре» и объявляющая ее желательным органом партии. Он принял эту резолюцию, но... с маленьким примечанием, в котором порицалась резкость полемики. Резолюция была взята, конечно, обратно, и только после этого резолюцию приняли без поправки... Но затем здесь повторялась почти дословно питерская история: недовольные восстановили наиболее самолюбивые элементы против «деспотической интеллигенции», причем оказалось (sic!!!), что агитация и пропаганда велись до сих пор почти исключительно именно этими недовольными, благодаря сему их влияние оказалоось, конечно, очень сильным. Теперь закипела борьба. Старых агитаторов почти всех приходится удалять (куда?!). Подходящих людей для замены их мало, и поэтому нам приходится нелегко (еще бы!), но победа должна быть за нами!» Через месяц тот же бесстрашный воитель пишет: «4 декабря 1902 г. Дела здесь обстоят следующим образом: «рабочедельцы» обратили, повидимому, сугубое внимание на нас. В воскресенье, 24 ноября, Комитет принял восторженно предложение Организационного комитета и обещал ему всяческое содействие. А дней через 5 молодцы из «Р. Д.» воспользовались отсутствием некоторых товарищей и произвели в том же комитете настоящий coup d'état. Было предложено исключить из числа членов отсутствующих и написать в «Искру», чтобы она не печатала выпущенного листа, объявляющего ее партийным органом. Вам об этом, вероятно, написали. Но мне по-

ручили сообщить вам, чтобы вы обязательно напечатали этот листок... Это послужит сигналом к решительной схватке с здешними головотяпами. Все это случилось довольно неожиданно для всех, хотя и оказалось, что они успели смутить многих рабочих и притом более влиятельных. Теперь предстоит горячая борьба. Дело дойдет, конечно, до разрыва: по крайней мере эта мысль приобретает здесь все более сторонников. Дела, вообще, плохи, повидимому. Всюду, в конце концов, оказывается (!!!), что местная работа ведется главным образом «экономистами», и этим объясняются все Rückschlage положительно всюду: здесь, в Питере и, как слышно, в Харькове».

Вы ясно видите, что этого деятеля нельзя назвать плетущимся за массой и преклоняющимся пред стихийной практикой «хвостистом». Он не идет в хвосте, но увы! и за ним нет никакого хвоста... он свободно жестикулирует на освобожденном месте. Конечно, этот товарищ—впоследствии игравший выдающуюся роль в практике осадного положения—из ряда вон, но он доводит только до абсурда, до карикатуры то, что составляет характеристическую черту всего периода и что, как мы видим из тех же писем, имело место «положительно всюду: здесь, в Питере и, как слышно, в Харькове». Черта эта—эмансипированность «профессиональных революционеров» от всяких не только нравственных («обывательщина!»), но и политических («хвостизм!») обязательств по отношению к сознательным элементам того класса, из политической службы которому мы делаем цель своей жизни. Комитеты потеряли потребность опираться на рабочих после того, как они нашли опору в «принципах» централизма.

Посмотрите, уже сделано новое направление, уже «восторженно» возвещен четвертый период, уже «Искра» призвана руководить,—как вдруг оказывается «довольно неожиданно для всех», что агитация и пропаганда велись «почти исключительно» недовольными «Искрой» элементами, что их заменить некем, что они восстановили против «Искры» наиболее «самолюбивых» и, по

странной игре случая, наиболее влиятельных рабочих... И из всего этого мораль: сколь трудно заниматься высшей политикой, когда свобода твоих движений связана «головотяпами!» *).

Но чем же объясняется, что метод «отдумывания» за пролетариат, применявшийся в самых различных формах—от крайне варварских до вполне парламентских—во весь период «Искры», не встречал тогда или почти не встречал самокритики в рядах самих «искровцев»?

Объяснение этого факта читатель уже нашел на предшествующих страницах: над всей работой «Искры» непосредственно тяготела задача борьбы за пролетариат, за его принципы, за его конечную цель—в среде революционной интеллигенции.

Эта работа, накоплявшая в сознании «искровцев» психологические элементы политического заместительства, была, как мы уж указывали несколько раз, исторически необходима. Но она была в то же время исторически ограничена. Она представляла собой известный служебный процесс в общем потоке лишь открывающегося классового движения пролетариата. Но каждый частный процесс общеклассовой борьбы пролетариата—и при более широком, чем у нас, развитии этой последней—вырабатывает свои собственные имманентные тенденции: свои методы мышления и свои тактические приемы, свои специфические лозунги и свою специфическую психологию... Каждый частный процесс стремится перейти за определенные его природой пределы и навязать свою тактику, свое мышление, свои лозунги и свою мораль всему историческому движению, вызвав-

*) Мудрено ли, что стоящий на том же принципиальном базисе Одесский комитет в одной из своих прокламаций предлагает кричать: Да здравствует Освободительница (sic) русского народа Российская Социалдемократия!" Одесский Комитет выбросил, очевидно, как пережиток „хвостизма", ту маленькую мысль, что освобождение народа может быть лишь делом самого народа... Да здравствует „Освободитель" народа Одесский комитет, уже освободивший одесских рабочих от задачи самоосвобождения! Спрашивается только: чем лозунг Одесского комитета лучше или хуже обещаний так называемого „народного героя", что „Боевая организация" добудет для рабочего народа свободу?

шему данный частный процесс к жизни. Средство обращается против цели, форма—против содержания...

Те методы «заместительства», примеры которых мы видели выше в области «внешней политики», и ослепительные образчики которых, в сфере «внутренней политики», дают нам приведенные выше письма воинственного «искровца», составляли общее явление целого периода. В той или другой, открытой или замаскированной форме они были неизбежны, поскольку процесс погони за разбегавшейся социалдемократической интеллигенцией не терпел мешкотных приемов и не допускал медленной возни с «головотяпами»,—иначе сказать: поскольку объединение революционной интеллигенции вокруг политических принципов социал-демократии совершалось несравненно более быстрым темпом, чем мобилизация революционного пролетариата вокруг лозунгов классовой политики. Но само собою разумеется, что навязывать недуг «заместительства» всему движению, в интересах якобы его принципиальной чистоты и «ортодоксальности», значит подкапываться под его основы.

Наша задача—застраховать партию, по возможности, от всяческих неожиданностей. А бесспорно, самой трагической из этих неожиданностей была бы такая: в решительную минуту «головотяпы» (пролетариат) «довольно неожиданно для всех» поворачиваются к нам спиною. Необходимо, во избежание такой поистине трагической перспективы, во что бы то ни стало упрочить нашу политическую, нравственную и организационную связь с сознательными элементами рабочего класса. Необходимо, чтобы каждое наше принципиальное решение было их решением.

В брошюре «Что делать?» «экономисты» строго порицаются за свое стремление строить местную организацию на таких началах, «...чтобы комитетские решения обходили все кружки и только тогда становились действительными решениями» (стр. 109). Мы отнюдь не стоим за юридическую обрядность комитетских референдумов. Не в «демократических» фикциях дело. Но комитеты должны помнить, что их решения «становятся действительными решениями» лишь тогда, когда

они формулируют сознательную волю всех подкомитетских групп и кружков. К этому нужно неизменно стремиться—не во имя того или другого «демократического» предрассудка, но во имя устойчивости и жизненности нашей партии.

Мы не останавливаемся здесь на технике вопроса, как достигнуть этой цели, отсылая читателя к брошюре т. Череванина [39]) «Организационный вопрос» [40]) сущность которой, на наш взгляд, составляет не тот или другой организационный «план», не принцип «автономия» комитетов, очень условный, а именно эта простая, почти банальная, но нами слишком энергично «ликвидированная» мысль: развитие и упрочение теснейших связей коллективного мышления между руководящей организацией и «дробным» персоналом технического аппарата. Ибо—повторим мы здесь сказанное нами в другом месте—«гарантию устойчивости партии нужно искать в ее базе, в активном и самодеятельном пролетариате, а не в ее организационной верхушке, которую, незаметно для пролетариата, революция может нечаянно смести своим крылом, как историческое недоразумение» («Искра», № 62).

— «Das war also der langen Rede kurzer Sinn?.. Такова скромная суть длинной речи?.. Пусть «меньшинство» и не отрицает «разделения труда», но, считая его злом, оно думает лечить его другим злом, еще горшим. «Меньшинство» просто-напросто возвращается к «демократизму», может быть лишь замаскированному, требует, чтобы комитетские решения проходили через подкомитетские группы, ставит профессиональных революционеров в зависимость от малосознательных элементов движения, понижает таким образом инициативу и размах комитетской работы, открывает, следовательно, ворота «экономизму», трэд-юнионизму, хвостизму, оппортунизму и, в конечном итоге, предает пролетариат буржуазной демократии!..»

Каюсь, я с некоторой брезгливостью воспроизвел этот набор слов... Приходится привыкать! Мы бы не были нисколько удивлены по нынешним жестоким временам, если бы товарищ Ленин в своем будущем «со-

чинении», которое может быть уже пишется, задался целью доказать, что «меньшинство» склоняется к... катедерсоциализму[41]). Вы думаете, что это трудно? Нисколько!

«Не хнычет ли—простите, я беру на минуту в руки полемическую швабру уважаемого т. Ленина,—не хнычет ли «меньшинство» днем и ночью, что возвещенный мною, Лениным, принцип разделения труда уродует членов партии, превращает их в винтики и колесики*), что созданная мною система лишает революционера «самостоятельности» и «самодеятельности», каковые качества нужны бедным вышибленным мною из центров интеллигентам? Бедняжки! Ясно видно, что они начитались немецкого профессора Шмоллера[42]), который в одной из своих последних статей тоже—точь в точь, как и неудачливые кандидаты «меньшинства»—плачется на разделение труда, которое «все более дробит человека, предоставляет многим людям (подставь: «членам партии»—по оппортунистической формуле т. Мартова) бездушную, пустую специализированную деятельность (geistlose öde Specialtätigkeit), в которой вянут душа, ум и тело» и т. д., и т. п. Развивайте, развивайте ваши «принципы», господа «меньшинство», и вы скоро очутитесь в объятиях проф. Шмоллера».

Тов. Ленину, к сожалению, не хватает гибкости мысли,—иначе, при его методе, он мог бы, пользуясь богатством и разнообразием современной мировой литературы, «доказать» гораздо более диковинные вещи...

Мы, разумеется, не остались бы в долгу пред т. Лениным. Мы раскрыли бы на любой странице его последнюю брошюру... стр. 159... речь идет об анархической практике «меньшинства», причем в скобках замечается: «практика всегда (NB) идет впереди теории». В с е г д а?—начинаем мы вопить, не щадя курсива... Неужели, т. Ленин, в с е г д а? А мы думали, что теория, представляющая обобщение опыта прошлых веков, спо-

---

*) „...Разделение труда под руководством центра вызывает с его (Аксельрода) стороны трагикомические вопли против превращения людей в колесики и винтики“ („Шаг вперед“..., стр. 147).

собна и предвосхищать практику завтрашнего дня и даже практику целых десятилетий. Но по «теории» т. Ленина, отражающей, надо думать, его собственную «практику», теория всегда (всегда!!!) плетется в хвосте практики. Не есть ли это просто квази-марксистская апология теоретического «хвостизма»?

Смеем думать, что для начала это не очень дурно?

Дисциплина и централизм.

«Партийная дисциплина»—один из самых боевых лозунгов «большинства». Очень жаль, что для человечества безвозвратно погибли все те рассуждения о дисциплине, которых нам, членам так называемого «меньшинства», довелось наслушаться прежде, чем вопрос вышел из подполья. Разве лишь в дремучих лесах Урала или в дебрях Сибирской тайги сегодня встретишь представителей благородной, но вымирающей расы «твердых искровцев» первого призыва, les Jacobins purs comme les rayons du soleil, «якобинцев, чистых, как солнечный луч». Конечно, разлагающий дух критики и сомнения добирается и до них. Но они мужественно борются против него, стараясь отбросить его на запад от Урала и спасти таким образом социал-демократическую Азию, руководимую родственным мне Сибирским союзом *) [43]). Разумеется, все эти усилия осуждены историей заранее, но сами доблестные уральцы невольно внушают к себе уважение своей последовательностью

---

*) Автор был делегатом Сибирского союза на втором съезде партии. Справедливость требует отметить, что после того, как были написаны эти строки, и Урал и Сибирь успели оказаться далеко позади Одесского и Екатеринославского комитетов, достигших той степени ожесточенности, которая свидетельствует об агонии их „направления“.

Екатеринославские товарищи перенесли теперь главную тяжесть своего гнева с „меньшинства“ на примирительное течение в самом „большинстве“. Последняя резолюция Екатеринославского комитета, осуждающая „примиренство“ Ц. К., живо напомнила нам одну речь в якобинском клубе. „Я упрекаю представителей народа,—говорил там суровый якобинец,—в том, что они братались с мятежниками, в то время как с ними следовало вступать в общение не иначе, как посредством топора и пики (avec la hache et la pique)“...

и своим мужеством. За эти их качества будущий историк нашей партии спасет их от забвения: он посвятит несколько строк их «манифесту», в котором смело и честно формулирована позиция «большинства». Ниже нам еще придется иметь дело с этим «Credo» чистых ленинцев. Сейчас же мы остановимся только на тех соображениях «манифеста», которые имеют прямое отношение к вопросу о дисциплине.

«Предвидеть (?) пролетарскую политическую борьбу,—говорят «представители» трех уральских комитетов *), [44]) подготовиться к ней, итти вперед масс может только общерусская централизованная организация революционеров, в полном распоряжении которой находятся местные комитеты... И комитеты, и отдельные члены партии могут получить очень широкие полномочия, но это должно зависеть от Центрального комитета. Центральный комитет может и наоборот,—если найдет нужным и полезным,—своею властью раскассировать комитет или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав. Иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы». (Приложение к № 63 «Искры»; курс. мой).

До второго съезда существовали отдельные, совершенно самостоятельные комитеты, как реальные и формальные величины. Вокруг них только и складывалась и развивалась вся партийная жизнь. Второй съезд ра-

---

*) Тов. Ленин неоднократно повторяет в своей брошюре ту мысль что критиковать принципиальные резолюции комитетов, т. е. партийных организаций, руководящих всей местной работой, значит теоретически „нищенствовать“; строить же диаграммы на основании голосований отдельных представителей этих комитетов по вопросу о... месте обсуждения вопроса о месте Бунда в партии — значит применять истинно научные методы исследования. Мы долго, но тщетно старались понять, почему мнение комитетчика важнее мнения комитета. Кстати, об истинно-научном методе. „Диаграмма“ Ленина оперирует с 44 голосами: 20 голосов „меньшинства“, 24—„большинства“. Из этих последних три „голоса“ перешли к „меньшинству“, а четвертый—к... анархистам (не аксельродовского, а бакунинского типа). Мы убедительно просим тов. Ленина при дальнейшей разработке своей диаграммы ввести эти необходимые поправки.

дикально меняет физиономию партии. В результате таких простых действий, как поднятие рук или подача избирательных бумажек, оказывается, что в партии уже существует «централизованная организация», «в полном распоряжении которой находятся местные комитеты». «Централизм», очевидно, понимается не как сложная организационно-политическая и организационно-техническая *задача*, а как голая антитеза пресловутому «кустарничеству». Думают обойти реальную задачу— развить, в процессе совместной работы, во всех членах партии чувство нравственной и политической ответственности,—дав Центральному Комитету право раскассировывать все, что стоит на его пути. Таким образом, для осуществления идеалов этого «централизма» необходимо, чтобы все реальные, еще никем и ничем не дисциплинированные элементы партии не оказывали ЦК никакого противодействия в его попытках дезорганизовать их. «Иначе, по мнению уральских товарищей, нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы». Останется только спросить: может ли быть вообще, в таком случае, организовано «дело пролетарской борьбы»? И придется ответить: нет, не может. В самом деле.

Авторы цитируемого документа предполагают, несомненно, что на пути организационных работ ЦК могут стоять лишь «экономисты», «оппортунисты», вообще, употребляя их выражение, «представители других классов населения». Допустим даже, что борющиеся стороны будут всегда распределяться именно так. Но где же можно найти такое глупое направление, хотя бы и «оппортунистическое», которое позволило бы себя «раскассировать», а своих сторонников «лишить прав», не оказавши предварительно *всего противодействия*, на которое оно способно? Неужели так трудно понять, что всякое сколько-нибудь серьезное и значительное течение (а с несерьезным и незначительным не стоит и бороться!), пред которым стоит альтернатива: молчаливое самоупразднение *из чувства дисциплины* или борьба за существование, *не смотря ни на какую дисциплину*,—несомненно выберет вто-

рой путь? Потому что дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным, и во имя чего налагаешь на себя дисциплину *. Но когда известное направление поставлено пред перспективой «лишения прав», т. е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из Rechtfrage (вопроса права) превращается для него в Machtfrage (вопрос силы).

В этом последнем случае, представители крамольного течения—в зависимости от остроты положения—либо раскалывают партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины, либо остаются в партии, стараясь давлением своего влияния свести ограничения связывающей их партийной дисциплины к minimum'у, чтобы тем самым обеспечить себе maximum свободы действия и

---

* Такая постановка вопроса означала по существу отрицание партийной дисциплины. Эта антипартийная постановка вопроса о дисциплине красной нитью проходит через все работы Троцкого всех периодов. Так, например, в годы реакции Троцкий заявлял, что „С.-д. партия связана воедино не внешним принуждением (понимай — уставом, дисциплиной Ред.), а нравственной связью" (венская „Правда" № 21). Подобная установка приводила к тому, что Троцкий отказывался признавать решения Пражской Конференции, на которой было представлено большинство партийных организаций:

„Кто поручал вам верховный контроль над всеми остальными течениями партии? Кто вручил вам ключ от ворот партии, точно победителям от ворот побежденного города? Кто дал вам право допускать одних и исключать других? Откуда у вас это помазание? На каком основании вы осмеливаетесь требовать, чтобы все остальные течения отказывались от своего права отличать врагов партии от ее друзей и раз навсегда переуступили эту заботу вам? На каком основании? По какому праву?". (Курсив наш. Ред.)

Разве этот язык не напоминает современный язык Троцкого. Разве Троцкий теперь не попирает партийные решения, как он их попирал в дни борьбы против „большинства".

Ленинская постановка вопроса о дисциплине была принципиально отличной. Взгляды, подобные троцкистским, он расценивал как „семейно-кружковые", „обломовские" (см. приложение „Ленин о дисциплине и значении устава")

Примечание редакции

противодействия вредным тенденциям. Поскольку они будут сознательно высвобождать себя из-под узды партийной принудительности—во имя интересов партии, как они их понимают, и постольку их влияние позволит им это делать,—постольку жалким суеверием будет всякая попытка противной стороны удержать их повторением слова «дисциплина». Ничто не может быть менее внушительным, чем фигура политического «вождя», прибегающего в решительную минуту к подобного рода заклинаниям! Это нужно запомнить раз навсегда.

Разумеется, такое состояние партийных отношений, когда дисциплина фигурирует лишь, как обуза, с одной стороны, как угроза, с другой, не может считаться нормальным; наоборот, оно свидетельствует о глубоком кризисе в партии. Но «перекричать» кризис нельзя, хотя бы для этого и имелись люди, готовые кричать до хрипоты *.

Что же делать? Нужно под сферой разлагающейся дисциплины найти такие реальные запросы и нужды движения, которые одинаково общи всем, и вокруг обслуживания которых можно объединить наиболее ценные и влиятельные элементы партии. По мере сплочения таких сил вокруг жизненных лозунгов движения раны, нанесенные с обеих сторон партийному единству, будут залечиваться, о дисциплине перестанут говорить,

---

* Эти меньшевистские идеи о дисциплине Троцкий проповедует и 23 года спустя. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить этот отрывок со след. отрывком из декларации Троцкого на объединенном заседании президиума ИККИ и ИКК от 27 сентября: „Дисциплина есть важнейшее орудие революции. Но не единственное. Дисциплина не может заменить правильной линии и ее коллективной выработки. Попытка поддержать дисциплину одними лишь механическими средствами — безнадежна и реакционна. Чем ошибочнее линия, тем больше требуется репрессий для поддержания формальной дисциплины. Бюрократическая дисциплина на основе ложной политической линии является не орудием сплочения, а орудием дезорганизации и разоружения партии.

... Ни угрозы, ни репрессии, ни термидорианская клевета, ни бонапартистские подлоги не помешают нам вести работу по охранению революционных традиций партии и обеспечению ее революционного будущего.“

Примечание редакции.

потому что ее перестанут нарушать. Кто под этим углом зрения попытается обозреть работу двух борющихся течений нашей партии, тот не затруднится ответить на вопрос: какое из них ведет партию в реальному объединению.

Если на пути к этой цели «меньшинству» приходилось нарушать то, что «большинство» считало дисциплиной, то остается лишь сделать вывод: да погибнет та «дисциплина», которая подавляет жизненные интересы движения! «История» бесспорно сделает этот вывод. Ибо, в отличие от Екатеринославского комитета, она не придерживается идеалистического принципа: «Да сгинет мир—и да здравствует дисциплина!». Наоборот, как диалектическая материалистка, она всегда в конце концов признает, что в случае внутрипартийного столкновения прав тот, на чьей стороне победа,—потому что победа в конечном счете всегда окажется на стороне того, кто лучше, полнее и глубже понимает задачи революционного дела.

Поэтому мы с доверием смотрим в глаза будущему...

Замечательное дело! Теперь уж очень и очень многие из числа наших метафизиков и мистиков централизма находят, что, например, столкновение с Лигой было ошибкой, неловкостью, оплошностью или бестактностью со стороны представителя ЦК и его вдохновителя. Но за эту бестактность совершенно не ответственна система... та самая система, которая не знает других методов «организации пролетарской борьбы», кроме «лишения прав» и «раскассирования». Совершенно правильные выводы из посылок кажутся случайными ошибками, бестактностями отдельных лиц, и этим путем косность человеческой мысли покупает право поддерживать в себе веру в «посылки». Таков обычный путь крушения известных систем мышления—и в большом и в малом. Сперва разрушаются выводы, непосредственно поставленные под удары опыта. Сознание отсекает эти правильно сделанные, но по существу нелепые выводы и путем софизмов делает правильные выводы из нелепых посылок. Но самый метод софизмов есть уже признак разложения... Мысль запутывается в собственных

противоречиях и в конце концов сдается... В таком именно фазисе—борьбы выводов с посылками—находится мышление нашего «большинства». И мы не считаем невозможным, чтобы даже цитированные уральские товарищи сегодня оказались готовыми признать, что крестовый поход на Лигу был печальным «недоразумением», хотя, вообще говоря, по их мнению, «иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы»...

Ничто не может быть жалче, сказали мы выше, фигуры «вождя», пытающегося заворожить несогласных, занять горизонтальное положение противников повторением слова: дисциплина. Ленин, очевидно, почувствовал неловкость своего положения и попытался «философски» углубить свои заклинания.

Вот, что получилось при этом.

Хлюпкий, нервно-развинченный интеллигент-индивидуалист чурается суровой дисциплины. «Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением» (См. *) фельетон Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики».. («Шаг вперед», стр. 147). И отсюда мораль: «Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму». (стр. 150).

Значит, по новой философии Ленина, едва успевшего истоптать пару башмаков после написания брошюры «Что делать?», пролетарию достаточно пройти «школу фабрики», чтобы давать интеллигенции, играющей пока в его партии руководящую роль, уроки политической дисциплины! По этой новой философии, всякий, кому идеальная партия не рисуется «как огромная фабрика», кому—наоборот—такое представле-

---

*) Лучше не „смотри“, — ибо ничего подобного, разумеется, в фельетонах Аксельрода не „высмотришь“.

ние кажется «чудовищным», всякий, кто не верит в непосредственную политически воспитательную силу машины, тот «сразу выдает психологию буржуазного интеллигента», от природы неспособного различать между отрицательной стороной фабрики—«дисциплиной, основанной на страхе голодной смерти», и ее положительной стороной—«дисциплиной, основанной на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства» («Шаг вперед», стр. 147).

Не боясь проявить «психологию буржуазного интеллигента», мы утверждаем прежде всего, что условия, толкающие пролетариат к коллективно-согласованным методам борьбы, лежат не в фабрике, а в общих социальных условиях существования пролетариата; мы утверждаем далее, что между этими объективными условиями и сознательной дисциплиной политического действия лежит длинный путь борьбы, ошибок, воспитания—не «школа фабрики», а школа политической жизни, в которую наш пролетариат только вступает под руководством—дурным или хорошим—социал-демократической интеллигенции; мы утверждаем, что русский пролетариат, в котором мы едва начали развивать политическую самодеятельность, не способен еще,—к несчастью для себя и к счастью для господ кандидатов в «диктаторы»,—давать уроки дисциплины своей «интеллигенции», столько бы фабрика ни упражняла его в «совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства». Нисколько не боясь проявить «психологию буржуазного интеллигента», мы заявляем далее свою полную солидарность с той мыслью, что «техническое подчинение рабочих однообразному ходу орудий труда (= «дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технически производства») и характерное для фабрики образование целого рабочего организма из индивидуумов обоих полов и различнейших возрастов создает казарменную (казарменную, а не сознательно-политическую!) дисциплину, которая превращается в настоящий фабричный режим» («Капитал», т. I, стр. 347, рус. пер. изд. Поповой).

Взывая к дисциплине русского пролетариата, как к реальной величине, Ленин действительно подменяет, употребляя его собственное выражение, вопрос политический вопросом «философским». Конечно, «высокоразвитое технически производство» создает материальные условия политического развития и политической дисциплинированности пролетариата, подобно тому, как капитализм вообще создает предпосылки социализма. Но как неосновательно отождествлять социализм с капитализмом, точно так же негоже отождествлять фабричную дисциплину пролетариата с дисциплиной революционно-политической.

Задача социал-демократии в том и состоит, чтоб восстановить пролетариат против той дисциплины, которая заменяет работу человеческой мысли ритмом физических движений, и сплотить его против этой мертвой и мертвящей дисциплины в одну боевую армию—нога к ноге и плечо к плечу,—связанную общностью политического сознания и революционного энтузиазма. Такой дисциплины у российского пролетария еще нет, фабрика и машина не снабжают его этим качеством так же стихийно, как они наделяют его профессиональными болезнями.

Казарменный режим не может быть режимом нашей партии, как фабрика не может быть ее прообразом! Бедный тов. Практик, высказавший эту мысль, «и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово (фабрика) сразу выдает психологию буржуазного интеллигента» («Шаг вперед», стр. 147). Бедный тов. Ленин! Судьба захотела поставить его в особенно смешное положение: он «и не догадывается», что т. Практик—не буржуазный «интеллигент», а прошедший спасительную фабричную выучку пролетарий...

Русский пролетариат, тот самый, от которого единомышленники т. Ленина сплошь да рядом скрывают вопросы партийного кризиса, должен завтра, по окрику Ленина, дать суровый урок «анархическому индивидуализму»...

Какое негодование охватывает вас, когда читаете эти

безобразные, распущенно-демогогические строки!*. Пролетариат, тот самый пролетариат, о котором вам вчера еще говорили, что он «стихийно влечется к трэд-юнионизму», сегодня уже призывается давать уроки **политической** дисциплины! И кому?—той самой интеллигенции, которой, по вчерашней схеме, принадлежала роль—извне вносить в пролетариат его классовое, его политическое сознание! Вчера он еще ползал во прахе,—сегодня он уже вознесен на неожиданную высоту!

---

* „Безобразные распущенно-демагогические строки", о которых с таким возмущением писал Троцкий, были таковыми:

„Сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголявшего анархической фразой, должен научиться **требовать** исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от „людей верха", должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики" (стр. 465).

... Возьмите эти претенциозные фразы новой „Искры" „о самовоспитании пролетариата", противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание, (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй. Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более „глубокое" содержание „пролетарской борьбы", ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными на то, что организация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа, пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается в организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентики. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а **некоторым интеллигентам** в нашей партии недостает **самовоспитания** в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй также клевещут на пролетариат по вопросу о неподготовленности в организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных

Вчера еще она была носительницей социалистического сознания,—сегодня уже на нее призываются шпицрутены фабричной дисциплины!

И это марксизм! И это социал-демократическое мышление! Поистине, нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет, это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть!..

«Меньшинство» против централизма. Во всем мире оппортунисты социал-демократии восстают против централизма. Следовательно, «меньшинство» оппортунистично. Этот силлогизм,—неправильный даже с формальной стороны,—составляет главную боевую мысль последней книжки Ленина, если освободить ее от балласта прокурорских конструкций, грубо и неряшливо построенных по системе косвенных улик... Ленин повторяет свой силлогизм на тысячу ладов, стараясь заворожить читателя централистическими «пассами». Аксельрод в Цюрихе против централизма. Гейне[45]) в Берлине против централизма. Жорес[46]) в Париже против централизма. Гейне и Жорес оппортунисты. Следовательно, Аксельрод в компании оппортунистов. Ясно, что он оппортунист. И яснее ясного, что «меньшинство» оппортунистично. С другой стороны, Каутский в Берлине стоит за централизм. Некоторый член ЦК Васильев[47]) распускал Лигу во имя

вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики. (V т. 460 стр.).

Как современны эти „безобразные, распущенно-демагогические строки". Разве это не факт, что и ныне, некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в деле организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе".

Разве не своевременны ныне ленинские слова о том, что „сознательный рабочий „должен" научиться требовать исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от „людей верха".

Примечание редакции.

централизма. Тов. Ленин был великим вдохновителем этого похода во славу централизма. Следовательно... и т. д. и т. д.

«Раскассировав» таким уральским способом международную социал-демократию (удивительно, что Ленин не представил нам по этому вопросу диаграммы!), автор считает, что дал своей аудитории все, что ей нужно: видимость силлогизма, компрометирующего противника.

Мы думаем, что Ленин о своих единомышленниках худшего мнения, чем они того заслуживают. Мы надеемся, что даже самым нетребовательным сторонникам тов. Ленина не может не притти в голову вопрос: чем же объясняется, что во всем мире против централизма выступают в настоящее время те представители социал-демократии, которые стоят на оппортунистической точке зрения в своем социально-политическом миросозерцании: сотрудничество классов вместо борьбы классов, социальная реформа вместо социальной революции?

И задумавшись над этим вопросом, они придут к такому ответу: если допустить, что организационный централизм является сильным орудием классовой борьбы пролетариата,—а это для нас несомненно!—то уже становится понятным, почему Гейне или Жорес сталкиваются с централизмом, как с враждебной им системой организационных отношений. Организационный централизм в современном социалистическом движении сопутствует господству того направления в партии, которое ставит общие интересы движения над частными и стремится первым обеспечить контроль над вторыми. Централизм является организационной формой политического контроля партии над ее частями. Оппортунизм же строит свою карьеру на борьбе не за общие цели движения, т. е. не за классовые интересы пролетариата в их полном историческом объеме, а за частные и временные задачи профессионального, муниципального, избирательно-локального (местного) характера. Таким образом централизм враждебен политической или программно-тактической позиции оппортунизма.

Но ведь даже тов. Ленин,—несмотря на всю свою отвагу,—не решился сказать, что программно-тактические воззрения «меньшинства» оппортунистичны. Почему же в таком случае «меньшинство» «против» централизма?.. И против какого централизма?.. И почему это тт. Каутский, Парвус[48]) и Люксембург[49]), непримиримые противники Гейне и Жореса, высказались против «централизма» тов. Ленина?.. Тысячекратно повторенный силлогизм, рассчитанный главным образом на акустический эффект, не дает, разумеется, на эти вопросы никакого ответа.

Каутский связывает организационные взгляды правого крыла немецкой социал-демократии,—борьба против централизма, против дисциплины, против «компактного большинства»,—с политической психологией буржуазной интеллигенции, хотя бы и принявшей марксистские воззрения. Этот анализ, очень меткий и ценный, лишь дополняет то, что Каутский говорил об «органических» тяготениях европейской социалистической интеллигенции к реформизму, к программно-тактическому оппортунизму *. Между организационными и социально-политическими воззрениями интеллигенции оказывается глубокое внутреннее соотношение, так как и те и другие вытекают из одной и той же групповой психологии, определяющейся, в свою очередь, социальными условиями существования интеллигенции. Но само собою разумеется, что одна и та же (или однородная) психологическая канва может дать место весьма различным,— в некоторых случаях совершенно не схожим,—политическим узорам, в зависимости от условий времени и места **.

---

* См., например, „Соц. рев.“, стр. 42 и сл., изд. Лиги, 1903.

** Ответ на эту аргументацию Троцкого по существу дан Лениным в „Шаг вперед, два назад“ (см. приложение „Ленин об оппортунизме и его разновидностях“).

Уже тогда Ленин отмечал следующее:

„Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от

В нашем случае решающее значение будет принадлежать вопросу, имеем ли мы дело с интеллигенцией до или по-революционной. Устанавливать аналогии между организационными взглядами немецкой и французской, с одной,—русской социалистической «интеллигенции», с другой стороны, игнорируя при этом отделяющий их «Рубикон» буржуазной революции, значит впадать в самый безнадежный формализм поверхностных сопоставлений под видом материалистического анализа. Те или иные организационные взгляды вовсе не представляют собою основного, неизбежно-присущего момента миросозерцания интеллигенции, как таковой; они вовсе не даны раз навсегда; наоборот, они весьма сложными путями вытекают из политической психологии, изменчиво реагирующей на изменяющуюся политическую среду. Сегодняшний интеллигент-«якобинец» может нести в своей политической психологии, в методах своего мышления завтрашнего интеллигента-реформиста. Якобинца от реформиста отделяет завоевание известного минимума демократических гарантий.

Если, таким образом, одна и та же социально-психологическая природа дает до такой степени противоположные политические преломления, то что уж и говорить о частной области вопросов организационных! Интеллигенция может быть и федералистической

определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь „быть согласным“ и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч.“. (Ленин, Собр. Соч., т. V, стр. 473).

— Один автор, цитируя эти ленинские слова, писал недавно:

„Ах, как это все верно! Как будто тов. Ленин, когда писал эти строки, все время имел в виду нашу современную оппозицию и тов. Троцкого в частности. И неудивительно, что он так негодует на тех, кто „шарит в прошлом“.

А между тем, более внимательное изучение этого прошлого, пожалуй, многих и многих из тех, кто сгоряча примкнул к оппозиции, избавило бы от необходимости всенародного покаяния, после мимолетного увлечения фразой“. („История одного уклона“, стр. 31—32).

Золотые слова. Мы желаем, чтобы их автор (т. Канатчиков) вспомнил о них сегодня.

Примечание редакции.

и централистической, может склоняться к автономизму и к автократизму, к демократизму и к диктатуре, нисколько не изменяя приэтом ни своей психологической природе, ни природе своих политических интересов.

Тов. Ленину легко было бы удержаться от механических аналогий, если б он принял во внимание следующие соображения. По его собственной формуле, о которой речь еще впереди, революционный социал-демократ, это—«якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы» («Шаг вперед», стр. 140). Пусть так. Но классический якобинец (переводом которого на марксистский язык хочет быть тов. Ленин) это ведь и есть революционер-интеллигент. Ленин не будет этого отрицать, надеюсь, по отношению к Великой французской революции и—mutatis mutandis,—по отношению к нашей «Народной Воле». И «централизм» и «дисциплина», столь импонирующие Ленину в якобинцах, не заимствовались этими «буржуазно-индивидуалистическими» революционерами-интеллигентами у вышколенного фабрикой пролетариата, а непосредственно развивались ими «из себя». А потом, в обстановке демократии, те же самые общественные элементы нового «среднего сословия» играли и играют всеми цветами радуги, от анархизма до милльеранизма. Так пластична и гибка природа интеллигенции, не укладывающаяся в раз навсегда заготовленные клеточки диаграммы!

Одни и те же «свойства»,—и нам это необходимо твердо запомнить,—толкают интеллигенцию дореволюционную к якобинизму—к заговорщическим и централистическим организациям, вооруженным динамитом или «планом» народного восстания, а интеллигенцию пореволюционную—к реформизму, к притуплению острых граней классовой борьбы. Такова диалектика общественного развития.

Но—диалектике нечего делать с тов. Лениным.

Он обращается с марксистскими «положениями», как с несгибаемыми статьями «Уложения о Наказаниях». Сперва находит «подходящую» статью, а затем копошится в материалах обвинительного акта, изыскивая

там признаки преступления, формально отвечающие содержанию карательной статьи.

Диалектике нечего делать с тов. Лениным. Он твердо знает, что «оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете (!), приводит к Мартовским и Аксельродовским организационным «взглядам» («Шаг вперед», стр. 128, курсив мой).

Он это твердо знает, но так как даже наш отважный полемист не решается занести Аксельрода и Мартова в категорию оппортунистов вообще (а это было бы так привлекательно с точки зрения ясности и простоты!), то он создает для них рубрику «оппортунистов в организационном вопросе»... Понятие оппортунизма лишается при этом всякого политического содержания. Это просто «трубочист», которым пугают малых детей.

Низведение диалектики до софистики, опустошение всех живых понятий идейного обихода марксизма, превращение социально-исторических «типов» в неподвижные надобщественные нормы, служащие для измерения земных прегрешений,—такою ценою покупается борьба с «меньшинством»! «Оппортунизм в организационном вопросе»! Жирондизм в вопросе о кооптации двумя третями при отсутствии одного мотивированного протеста! Жоресизм в вопросе о праве Центрального Комитета назначать место жительства администрации Лиги!.. *

Казалось бы, дальше итти некуда! Но тов. Ленин идет дальше.

Написав целую книгу на тему о том, что революци-

---

* Мы теперь знаем, что история высмеяла именно Троцкого. Гениальная прозорливость Ленина, может быть, нигде не выявилась так ярко, как в его утверждении, что организационные оппортунисты из новой „Искры“ являются жирондистами. Вместо того, чтобы заниматься словоблудием о термидоре, не мешало бы и нынешним оппозиционерам лишний раз прочесть то, что Ленин в 1904 г. писал о жирондизме Аксельрода, Троцкого и К°. (См. приложение: „Ленин об якобинизме и жирондизме“.)

Примечание редакции.

онные методы («восстание» и «свержение») были допустимы лишь при кружковой жизни; что в «единой и нераздельной» партии должна царить досциплина; что элементы, нарушающие дисциплину в партии пролетариата, уже тем самым демонстрируют свой мелкобуржуазный индивидуализм, тов. Ленин, успевший на полутораста страницах, если не убедить, то утомить читателя всей этой философией, вдруг буквально огревает его по темени такого рода афоризмом: «Восстание—прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного это дурно». («Шаг вперед», стр. 160).

Всем почитателям тов. Ленина полезно было бы вдуматься в его «аргументацию». «Меньшинство» не хочет мириться с партийной дисциплиной. Этим самым (заметьте: этим самым!) оно выдает свой «анархизм» и «жоресизм». Следовательно, «меньшинство»—оппортунистическое крыло нашей партии. Это прямая теорема. Теперь следует обратная.

Восстание «меньшинства»—из рук вон плохая вещь, ибо «меньшинство»—оппортунистическое крыло нашей партии. Другое дело, если восставать придется «большинству», революционность которого засвидетельствована тем, что против него борется оппортунистическое «меньшинство»... «Меньшинство» же, как доказано в прямой теореме, оппортунистично потому, что нарушает дисциплину. Вывод из обеих теорем: у тов. Ленина руки развязаны на обе стороны.

Quod est demonstrandum.

Нужно сделать очень незначительное усилие мысли, чтобы разрешить вопрос: каким это образом Ленин мог решиться в нескольких процитированных строчках с такой откровенностью пнуть ногою всю свою брошюру? Положение вынуждает!.. Армия нашего генералиссимуса тает, и «дисциплина» грозит повернуться к нему не тем концом. А так как Ленин, в противовес анархическим интеллигентам «меньшинства», представляет собою, пользуясь приведенной им цитатой из статьи Каут-

ского, «идеальный образчик интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением... который без воркотни идет в ряду и шеренге, работает на каждом посту, на который его назначили...»; так как Ленин, подобно Марксу, «*никогда не протискивается на первое место* * и образцовым образом подчиняется партийной дисциплине»; так как тов. Ленин обладает всеми этими совершенно неоценимыми качествами дисциплинированного члена партии, не боящегося остаться в «меньшинстве», то он и считает необходимым заблаговременно «ввернуть» в свое сочинение *философическое оправдание замышляемого им для удержания и закрепления остатков своей армии партийного раскола*. И он делает это с непринужденностью, которая представляет собою лишь оборотную сторону его глубокого презрения к собственным единомышленникам.

Когда против меня восстают, это очень дурно. Когда я восстаю, тогда хорошо.

Такова краткая и веселая мораль длинной и скучной книги с обильными цитатами, «международными» параллелями, хитрыми диаграммами и прочими средствами психического оглушения.

Некоторые выводы.

(В письмах)

I.

март 1904 г.

«Вчера было собрание пропагандистов (11 чел.) с организатором. Цель собрания—познакомить с планом организации вообще, нашей—в частности. Прежде, чем изложить план организации, организатор сказал несколько слов о «большинстве» и «меньшинстве». Он принадлежит к «большинству», признает план организации, предложенный тов. Лениным и принятый на съезде

*) Мы думаем, что бумага, на которой Ленин выписывал эти слова, краснела за него.

(sic!). «Меньшинство», говорит организатор, упрекает «большинство» в формализме, бюрократизме... Это, как вы увидите, совсем несправедливые упреки... Да «меньшинство» никакого своего плана, взамен ленинского, и не предлагает». Высказался далее в том смысле, что в «меньшинстве» сказался пережиток «Союз» («демократизм»). Сожалел о беззаботности, с которой отнеслись к вопросу о плане организации, когда этот план был выдвинут Лениным в «Письме к товарищу» и в «Что делать?». В связи с этим упомянул, что Троцкий и Засулич одобрили план, каковым он был в «Письме» (?!). Затем приступил к изложению плана. «Кружок—не организация, даже не ячейка организации. Ячейка—заводской комитет (пока нигде не существующий). В такой ячейке насущная необходимость. У нас полная неосведомленность о жизни фабрик и заводов, а между тем она богата фактами... Агитаторы часто говорят без всякой почвы под ногами... Итак—заводской комитет. Во главе его—организатор-рабочий. В заводском комитете пять, шесть человек хороших, влиятельных организаторов (за отсутствием преемственности, нельзя найти таковых). Функции заводского комитета: распространение литературы, устройство касс, кружков, сбор сведений, распространение листков... Подробно излагалась организация группы для распространения листков. Распространение листков до сих пор не организовано. Далее, организация агитационных собраний, организация кружков для пропаганды. Члены заводского комитета: организатор, техник, кассир, библиотекарь, литератор. Город разделен на семь районов плюс работа среди интеллигенции. Районная организация:—районный организатор, районный пропагандист, библиотекарь, литератор, кассир. Состав местного комитета: член коллектива (о нем пока ничего не говорили), техник, ответственный пропагандист, организатор, редактор, секретарь. (Простите за спешное и спутанное изложение: некогда. Если понадобится, напишу обстоятельнее.) Докладчик подробно останавливался на тех-

нике всей работы, как она должна быть организована, чтобы быть *конспиративной и продуктивной*. О взаимных отношениях всех этих групп, об их отношении к местному комитету—об этом ничего не говорилось. Была изложена лишь *внешняя форма*. В конце концов, докладчик предложил вопрос: есть ли в этом плане бюрократизм, формализм? На это никто ничего не ответил, но все склонны были думать, что никакой опасности нет. Пропагандисты ничего не знают о разногласиях: нет литературы. Теперь устроена для них «читальня». Лежат: последний № «Освобождения», 1-я часть (?!) «Протоколов II съезда» и брошюра Павловича.—Недавно было собрание из 25 человек учащихся, работающих на технике. *Их тоже знакомили с организационным планом*. До этого времени с ними не собирались вовсе: «Ну, зачем вам? изучайте свою медицину!» ...Крепко жму руку *...»

Ответ

....., март 1904 г.

«Дорогой друг! Ваше последнее письмо чрезвычайно интересно и дает повод для разнообразных размышлений и соображений, так что я даже затрудняюсь, с какой стороны к нему подойти. Первое, что можно установить, это тот несомненный факт, что не только организованные N-ские рабочие, не только пропагандисты, но и члены N-ского комитета до сего дня не разобрались в смысле раздирающих партию разногласий. Теперь сплошь да рядом можно слышать заявления, что «в основу (!) нашей работы должна лечь идея (!) централизма» (см. резолюцию, кажется, Батумского комитета). О централизме говорят всюду: в Мингрельском комитете и в Петербургском, в Рижском и в Читинском. И думают, что централизм это значит Центральный Комитет. Если есть ЦК, значит есть и централизм. А тот факт, что такая организация, как N-ский комитет, не имеет понятия—за недостатком источников и за недостатком интереса—о том, чего добивается ЦО партии,

* Письмо сокращено. Курсивы мои.

чего хочет Лига, чего хотят те пять или шесть русских комитетов, которые солидарны с ЦО, этот факт не наводит N-ских товарищей на мысль, что никакого централизма у нас нет. Потому что централизм—это то, по крайней мере, надо понять—значит не ЦК, ЦО или Совет, а нечто гораздо большее. И уж прежде всего централизм предполагает активное участие всех членов партии в общепартийной жизни. Я, разумеется, говорю об «европейском», а не самодержавно-азиатском «централизме». Последний не предполагает, а исключает такое участие. Может быть, организационный «план», который вам развивали, «сам по себе» превосходен—об этом ниже—но ведь этот план существует уже два года, создалось целое поколение, которое «живет» по «Письму Ленина к товарищу» (буквально!),—казалось, централизм должен был бы расцвести пышным цветом. А на деле N-ский комитет (не Полтавский, не Уфимский, а N-ский) по вопросам, которые чуть ли не год уже раскалывают наиболее влиятельных работников партии, отделывается только пожиманием плеч. Не значит ли это, что N-ский комитет не что иное, как маленькая группа кустарей, совершенно как и три года тому назад, ничуть не лучше,—кустарей, которые, как видно из вашего же письма, не способны справиться и с сотой долей местных задач, которые попрежнему совершенно индифферентны к общепартийным вопросам или даже питают к ним суеверное презрение. Где отличие? В чем отличие? В том, что люди обновили некоторые термины революционного жаргона, из третьего слова в пятое клянутся централизмом, да еще в том, что все надежды перенесли со «стихийного роста задач» на «идею централизма» или на организационный план, который кем-то, когда-то (если дезорганизаторы не помешают) будет приведен в действие, после чего «запляшут лес и горы»... Где разница? В чем разница?.. Социал-демократический централизм непременно предполагает активное участие всех членов партии в партийной жизни. Для этого, прежде всего, нужна осведомленность. А у вас до сих пор только и есть первая часть про-

токолов съезда (кто это и для чего разбил протоколы на две «части»?) да брошюра Павловича. А протоколов съезда Лиги нет. А брошюры Мартова нет. А «Искры» нет. Где же благодетельные результаты «идеи централизма», положенной в основу партийной работы? Не ясно ли, что ЦК еще вовсе не означает централизма даже в самом узком техническом значений этого слова? И не ясно ли, что N-ский комитет вместо того, чтобы излагать вам, пропагандистам, организационный «план», который уже тремя или четырьмя поколениями комитетчиков-«централистов» предлагается вниманию трех или четырех поколений пропагандистов-«централистов», от чего, однако, не происходит никакого приращения партийных богатств,—вместо того, чтобы в четвертый или в пятый раз совершать эту работу да сказываться в нетях по вопросу о разногласиях,—ваш комитет должен был бы остановиться и оглянуться: чем он был, и что стал, и что есть у него? Он увидел бы, что от всех сказочно быстрых метаморфоз и превращений он сохранил единственное достояние—старое разбитое корыто кустарничества.

И тогда он задал бы себе вопрос: да точно ли все дело в организационном «плане»? Не топчемся ли мы на одном и том же месте, несмотря на то, что «идея централизма» внедрена во все головы, а из некоторых голов даже прямо торчит наружу угол. «Письмо Ленина к товарищу»? Может быть, причины партийного застоя лежат глубже вопроса о том, сколько и где должно быть кассиров, бухгалтеров и других носителей «идеи централизма»?

И как только он начнет думать в этом направлении,—а это очень полезное направление,—он потеряет охоту спрашивать «меньшинство» (как это делает ваш «старший»): «А где же ваш план взамен отвергаемого вами плана Ленина?»,—ибо он поймет, что «меньшинство» отвергает—в качестве спасительного средства—не определенный, самодовлеющий организационный план, а самый план такого самодовлеющего плана.

Вы писали в одном из ваших прежних писем, как редко происходят у вас собрания пропагандистов: все

сидят по своим углам, каждый предоставлен собственным силам, конспирация заедает всех. Но вот одно из таких редких собраний было созвано. Явился руководящий товарищ. Сказал вам, что в «меньшинстве»,—с которым он впрочем, по собственному заявлению, незнаком,—сказывается пережиток «демократизма» и затем изложил вам, пропагандистам, «план» организации. А дальше что? Какие выводы из этого плана следуют? Какие указания дает он вам для вашей пропагандистской работы? Чем обогащает он ваше сознание? Начнете ли вы, разойдясь с собрания, этот план проводить в жизнь? Как? каким образом? с какого конца? Или же эта работа будет выполняться кем-нибудь другим, например, тем организатором, который посвящал вас во все таинства плана? Говорил ли он вам, как он думает приступить к воплощению своего «плана»? Думает ли он распустить все существующие группы и ячейки и на очищенном поле строить из отдельных элементов по всем правилам централистической архитектуры новое организационное здание? Или же он думает постепенно устранять рудиментарные органы уже существующей организации? Каким путем? С чего он думает начать? В чем должно выражаться ваше, пропагандистов, организационное содействие? Из вашего письма видно, что об этих «мелочах» он не сказал н и   е д и н о г о   с л о в а. Но в таком случае все ваше собеседование было самым бесплодным препровождением времени.

«Кружок не организация, даже не ячейка организации. Ячейка—заводской комитет, пока еще нигде не существующий». План превосходен. В нем нет и тени бюрократизма. Но неужели же ваш организатор не дал себе труда подумать над загадкой того явления, что план живет сам по себе, а N-ская социалдемократия сама по себе. Ваша организация настолько плоха, что прокламации распространяются хуже, чем во времена «демократизма». А план, нарочито для города N написанный, в свое время N-ским комитетом изданный и старательно, на зубок, изученный N-скими товарищами, и «старшими», и «младшими», попрежнему продолжает питать совершенно бескорыстные восторги N-ских «центра-

листов». После этого двухлетнего (централистического платонизма) основная ячейка ленинского «плана», заводской комитет, нигде не существует. А «кружок», который по «плану» существует лишь на задворках, выпячивается на авансцену, наперекор плану,—и фактически кружок до днесь является единственной «ячейкой», в которой ваш организатор имеет возможность излагать свои организационные планы. А вы, пропагандисты, разойдясь после собрания вашего кружка, отправитесь к своим кружкам, и начнете беседовать с рабочими—может быть на ту же тему, что настанет некогда день, когда по всему г. N раскинутся заводские комитеты, в каждом комитете будет организатор, техник, кассир и литератор, а над ними будут районные комитеты, в каждом из них районный организатор, районный пропагандист, районный библиотекарь, кассир и литератор, а над ними Комитет партии, а всем комитетам комитет наш Центральный Комитет, который в свое время окрикнет местные комитеты, те окрикнут районные, а эти—заводские, а заводские комитеты окрикнут рабочих—и пойдет писать всероссийский революционный пролетариат... Пойдет писать... если только «дезорганизаторы» не помешают!

Я еще раз задумываюсь: зачем, для какой цели, организатор излагал вам свой «план»? Я пытаюсь объяснить себе его поведение психологически. Я вспоминаю время «первобытной» кружковой пропаганды. Тогда пропагандист ставил себе цель: уяснить рабочему фабрики Паля или Максуэля его место в мироздании. Начинали с космологии. Выводили благополучно человека от обезьяны. Переваливали через историю культуры, добирались (редко!) до капитализма, до социализма. В основе этой работы лежала идея—превратить серого пролетария в социал-демократа с законченным материалистическим миросозерцанием. Ныне это почтенное доктринерство прошло и быльем поросло... как оказывается только для того, чтобы возродиться в самой жалкой, карикатурной форме.

Те элементы нашей партии, которые воспитались в период краха «кустарничества», пришли к поразительно-

нищенской мысли, что в основу работы должна лечь идея централизма. Идея материалистически объясненного мироздания сменилась идеей централистически построенного «плана». Широкая, но доктринерская задача: уяснить члену кружка его место в божьем макрокосме сменилась выморочной бюрократической идейкой: уяснить члену организации его место в ленинском микрокосме.

Пусть редкому из объектов первобытной пропаганды удавалось дожить в кружке до разрешения вопроса: что именно представляет из себя он, рабочий фабрики Паля или Максуэля? Но он узнавал, что человечество проходило через период полиандрии... Все это—сведения правильные, сведения полезные, сведения о том, что есть и что было. А N—ское мирозданье, в основе которого лежат 130 рабочих-кассиров, 130 бухгалтеров, 130 литераторов—ведь оно просто выдумано тов. Лениным в часы канцелярского наития. Ведь оно не существует. Совершенно не существует. И когда вы уясняете рабочему его место в этом мироздании, вы просто говорите ему о том, «чего не бывает, чего никогда не бывает»...

Не ясно ли, дорогой друг, что упреки «меньшинства»—по адресу некоторых элементов нашей партии—в бюрократизме и формализме «лишены всякого основания»?

Крепко жму руку...»

II.

....., июль 1903 г.

«Уважаемый товарищ!.. Время ли теперь заниматься детальной разработкой организационного вопроса? Большие события надвигаются незаметно, и революция может притти гораздо скорее, чем мы смеем ожидать. А мы рассуждаем об одной трети социал-демократа, подлежащего введению в комитет... Когда масса, решительная и революционная, выйдет на улицу, поймем ли мы, что это революция? Найдет ли масса нужные ей лозунги? А войска? Ведь от их поведения зависит исход уличной борьбы... Предпринимаем ли мы что-нибудь, чтобы сблизить их с революционной массой? По-

истине, нам пора готовиться к революции, которая придет, как «тать в нощи». На мой взгляд, так: нам нужно построить свою подготовку так, как если бы революция должна начаться в конце лета,—и всякую «отсрочку» использовать в интересах нашей партии... Пора, пора!..»

Ответ:

. . . . , август 1904 г.

«Я согласен, уважаемый товарищ, и с тем, что революция может быть гораздо ближе, чем нам кажется, и с тем, что нам нужно развить возможно более интенсивную и экстенсивную политическую агитацию, и с тем, что необходимо вынести на самую широкую массу те боевые очередные лозунги, с которыми эта масса могла бы выйти на улицу, и с тем, что теперь не время разрабатывать детали организационного вопроса... Но я не соглашусь с вами, если вы выдвините эти мысли, как возражение против той работы, которую выполняет «меньшинство». Вы хотя прямо не говорите этого, но так вас можно понять. Для того, чтобы революция, которая во всяком случае придет, «как тать в нощи», не застала нас с погасшими светильниками, необходимо *политически бодрствовать*. Наша же партия, к несчастью, политически дремлет. В своей дремоте она видит фантастические организационные сны, которые временами превращаются в тяжелые кошмары. Партию необходимо пробудить ценой каких бы то ни было усилий. Иначе ее политический сон может превратиться в политическую смерть.

Когда вы говорите: *нужно готовиться к революции*, вся партия согласится с вами, но три четверти поймут вас так, будто вы говорите об организационно-технической подготовке. Рижский комитет скажет: «необходимо выработать строго централизованную организацию профессиональных революционеров». Что-нибудь в этом же роде скажет десяток других комитетов. Для них подготовка к революции означает, если не раздачу паролей и лозунгов и назначение числа и

часа так называемого «призыва» к так называемому «восстанию», то уж, во всяком случае, внутреннее организационное строительство, которое, впрочем, правильнее было бы назвать дезорганизационным, так как оно начинается с разрушения тех организационных форм, которые уже существуют. А, между тем, задача настоящего решительного момента, который не ждет и который не повторится, состоит в том, чтобы взять все организационные элементы, какие имеются, и объединить их в систематической централизованной, не разбросанной и не рассеяной работе. Цель этой работы — держать массу посредством целесообразных тактических приемов в политическом напряжении, которое должно все более и более повышаться и, наконец, разрешиться либо периодом революции, либо, как это ни мало вероятно, периодом временной реакции.

Вся наша задача целиком лежит в области политической тактики. Мы, так называемое «меньшинство», не выставляем самостоятельных организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно, в процессе политической борьбы. В этом смысле мы, действительно, проявляем «оппортунизм в организационным вопросе» *. Нужно только иметь в виду,

---

* Это демонстративное подчеркивание своего „организационного оппортунизма" лишь выдавало Троцкого с головой, как политического фразера. Утверждать, что революцию можно совершить не организуя ее, не готовя восстание с помощью партийной организации, мог лишь политический болтун. Какая в этом отношении пропасть была между Лениным и Троцким, можно судить по след. выдержкам из „Что делать", т. е. работы, написанной $1^1/_2$ г. до „наших политических задач".

„Всякий вопрос" вертится в заколдованном кругу", ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политики в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенышко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание всей цепью. Будь у нас отряд опытных каменщиков, настолько спевшихся, чтобы они и без нитки могли класть камни именно там, где нужно (это вовсе невозможно, если говорить абстрактно), тогда мы могли бы, пожалуй, взяться и за дру-

что противостоящий нашему оппортунизму организационный ригоризм есть не что иное, как оборотная сторона политического тупоумия.

До тех пор, пока мысль большинства товарищей, повторю я здесь слова, сказанные мною в другом месте, как мышь в мышеловке, беспомощно суетится на квадратном вершке организационно-уставных мелочей и пустяков, невозможна самая постановка действительных политических задач. «Полемическая» работа «меньшинства» в основе своей не имеет ничего общего с «детальной» разработкой «организационного вопроса», она сводится к разрушению организационного фетишизма, к очищению поля для вопросов политической тактики, от того или иного практического решения которых зависит вся судьба Российской соц.-дем., и как партии революции и как партии пролетариата. Sapienti sat!

Отправным пунктом той кампании, которую мы должны открыть немедленно, опираясь на все имеющиеся

гое звенышко. Но в том то и беда, что опытных и спевшихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплошь да рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприятель сдувает их, как будто бы это были не камни, а песчинки" (т. V 253—254 стр.).

Ленин уже тогда ставил перед организацией задачу подготовки к роли организатора восстания.

«Организация, складывающаяся само собою вокруг этой газеты, организация ее сотрудников (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней) будет именно готова на все, начиная от спасения чести. престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного „угнетения" и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания».

...«Восстание есть,—говорит т. Ленин,—в сущности самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный „ответ" всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне. (V т. 264, 265—266 стр.)».

Примечание редакции.

у нас личные и организационные силы, должна быть, разумеется, война. Лозунг, который она дает нам, ясен: Мир и свобода! Мы должны выдвинуть этот лозунг не только, как формулировку нашего принципиального отношения к войне, но как цель, которой мы хотим достигнуть немедленно. Мы не просто манифестируем в пользу мира, мы, действительно, надеемся добиться прекращения войны, вместе с «прекращением» самодержавия. Мы должны на это надеяться—и это должно сказаться и в содержании и в тоне нашей агитации.

Мы совершенно не научились давать массе боевые лозунги. Формализму нашего политического мышления соответствуют не действенные лозунги, а некоторые шаблоны, которые всегда и везде годятся, потому что даже в наших собственных глазах они часто имеют лишь фразеологическое значение.

Прокламация Рижского комитета «О войне» формулирует такой лозунг: «Нашим ответом на все попытки самодержавной клики пробудить в нас зверя и направить на наших японских братьев пусть будет возглас:—«Долой буржуазию! Долой войну! Да здравствует мир и братское единение народов! Да здравствует социализм!» Ясно, что боевого, действенного лозунга здесь не надо. Нельзя же считать лозунгом «возглас»: «Долой буржуазию!—в ответ на авантюры «самодержавной клики! Судьба нынешней войны тут связывается с судьбой буржуазии. Екатеринославский комитет говорит: «Мы против войны, потому что война против рабочего класса. Мы не можем теперь предотвращать войны, но мы горячо протестуем против этой ненужной, разорительной, авантюристской войны!» (Курсив прокламаций).

Эта точка зрения может страшно ослабить нашу революционную позицию. Мы должны помнить, что судьба царизма теперь связана с войной; и если верно, что мы вступаем в период окончательного крушения самодержавия, то отсюда должен быть сделан тот тактический вывод, что мы не просто протестуем против войны,—мы требуем ее немедленного прекращения.

Мир во что бы то ни стало!

Этим лозунгом начинается и кончается каждая прокламация, каждая агитационная речь. Необходимо учитывать все результаты войны и делать их достоянием массы. Прокламации простые, ясные и, по возможности, краткие должны покрыть всю Россию, и все они в каждый данный период агитации должны бить в одну точку. Мир во что бы то ни стало! К этому лозунгу «призовите всех; пусть дойдет ваш призыв в каждую мастерскую, в каждую деревню, в каждую хижину. Пусть городские работники сообщат сельским свое высшее понимание и образование. Говорите, рассуждайте всюду, ежедневно, неустанно, беспрерывно... Чем больше миллионов голосов повторят ваше требование, тем громче раздастся оно в ушах тех, к кому обращено» (Лассаль, «Гласный ответ ЦК»).

Среди безработных необходимо поднять самую напряженную агитацию, упирающуюся в тот же лозунг. Конец войне, которая несет народу лишь нищету, безработицу, смерть!

В известном фазисе необходимо осложнить эту агитацию, сделав объектом ее отношение к войне общественных организаций господствующих классов. Рабочие должны потребовать, чтобы земства, думы, университеты, ученые общества и пресса подняли свой влиятельный голос против войны. Дальнейший ход кампании в известной мере определится тем, как будут реагировать эти организации на требования революционного пролетариата.

Государственная помощь голодающим крестьянам и безработным, бескровным жертвам войны! Этот второй лозунг должен быть со всей энергией выдвинуть в подходящий момент. Агитация на этой почве может привести к манифестациям пролетариата, особенно безработных, против дум и земств, расхищающих народные деньги на военные нужды.

Чем глубже и шире будет движение против войны, тем в большем затруднении будет самодержавие, поставленное между двух огней. Лозунг: «Да здравствует Учредительное собрание!» должен, как

указание на решительный выход из затруднений, огласить всю Россию. Связь этого лозунга с двумя приведенными выше понятна сама собой: Учредительное собрание должно ликвидировать войну, как и все вообще хозяйство Романовых.

«Призыв» представителей от земств, дум и университетов не должен застать нас врасплох. В умах многих товарищей такой призыв способен породить тревогу: «опоздали» (опоздали—призвать к воспитанию?). А между тем, те или другие «конституционные» реформы сверху нисколько не исключают революционного движения масс, наоборот, могут служить прологом такого движения. Реформы Тюрго стоят у преддверия Великой французской революции.

Обращение «свыше» к думам и земствам мы должны встретить лозунгом: Всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право! Для того чтобы масса поддержала этот лозунг, необходимо, на что я в двух словах указал выше, в процессе ее мобилизации вокруг всех других лозунгов, противопоставлять ее, так или иначе, земствам и думам, как общественным организациям, основанным на сословно-имущественном цензе.

Разумеется, было бы нелепостью пытаться сейчас же установить последовательность, в которой мы будем выдвигать те или другие лозунги, или формы мобилизаций масс вокруг этих лозунгов... Я мог дать лишь примерную схему предстоящей нам революционной работы. Но как бы ни изменялись и в какой бы комбинации ни выступали наши тактические приемы, самый метод тактики должен оставаться неизменным: в политическом действии противопоставлять пролетариат самодержавию и всем общественным организациям господствующих классов, особенно тем, которые—как думы и земства—будут, может быть, «призваны» в скором времени решать судьбы русской свободы.

Проводя эту сложную предреволюционную кампанию, мы должны помнить то правило, которое Лассаль преподал в 1863 г. германским рабочим: «Вся тайна практических успехов состоит в искусстве всегда сосредоточивать все свои силы на

одном пункте, на важнейшем пункте, не смотря по сторонам. Не заглядывайтесь ни вправо ни влево; будьте глухи ко всему, что не общее и прямое избирательное право или что не связано с ним и не может вести к нему!» («Гласный ответ ЦК»).

На каком бы этапе нашей кампании ни застигла нас революция, в ней всегда скажет свое слово пролетариат, объединенный вокруг определенных политических лозунгов. И при таком условии самая революция даст колоссальный толчок его дальнейшему политическому объединению. Итак: мобилизация пролетариата вокруг основных лозунгов!—таково содержание нашей непосредственной подготовки к надвигающимся решительным событиям. Если, волею истории, эти события будут на неопределенное время отодвинуты, ни одна частица наших усилий не пропадет бесплодно. Они целиком войдут в нашу великую историческую задачу,— развитие классового сознания пролетариата.

Сейчас я не знаю другой подготовки, кроме этой. Но зато эту я знаю и вижу во всей ее сложности, трудности, колоссальности! Вернее сказать: всякая иная подготовка приложится к этой. Da stehe ich, anders kann ich nicht. И это же, конечно, скажет всякий сознательный сторонник «меньшинства». Пусть его распнут за его организационный «оппортунизм», он не сдастся. Даже распятый, он должен быть готов крикнуть: Слепцы! комаров оцеживаете, а верблюдов не видите!..

ЯКОБИНИЗМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Не якобинец-социал-демократ, а якобинец или социал-демократ.

«Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ» * («Шаг

* Подробное обоснование этого ленинского тезиса см. в приложении „Ленин об якобинизме“.

Примечание редакции.

вперед»... стр. 140). Эта формула должна санкционировать все политические и теоретические завоевания, сделанные ленинским крылом нашей партии. В ней, в этой маленькой формуле, скрывается теоретический корень разногласий по злосчастному § первому устава, как и по всем тактическим вопросам. На ней необходимо поэтому остановиться *.

Если Ленин в приведенном только что определении говорит об «организации пролетариата, сознавшего свои классовые интересы» вполне сознательно и серьезно, не ради оборота только, тогда его заявление не заключает в себе ничего еретического, ибо оно превращается в простой плеоназм. Разумеется, тот, кто связал себя с сознавшим свои классовые интересы пролетариатом,—социал-демократ. Но тогда в определении Ленина, вместо слова якобинец, можно поставить: либерал, народник, толстовец, менонит... вообще, что угодно. Ибо как раз с того момента, когда якобинец, толстовец или менонит свяжут себя с «организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы», они перестают быть якобинцем, толстовцем, менонитом, а становятся революционными социал-демократами. Если же Ленин хотел своим определением сказать нечто большее той содержательной мысли, что социал-демократ есть социал-демократ, тогда его нужно понимать в том смысле, что якобинец, не переставая быть самим

---

* В этом Троцкий действительно был прав. На связь этой формулы со всем ленинским учением еще более четко в свое время указал Мартынов.

„Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата сознавшего свои классовые интересы — это и есть революционный социал-демократ“ говорит Ленин. Тот, кто согласился бы с этим общим положением Ленина, должен был бы последовательно согласиться и 1) с его якобинской теорией об отношении сознательности к стихийности и 2) с его якобинской теорией гегемонии организации профессиональных революционеров над всеми оппозиционными движениями, и 3) с его якобинским планом организации партии, и 4) с его якобинским планом подготовления восстания, и, конец венчает дело, 5) с революционной диктатурой в ближайшей революции, с „хотя бы временным захватом власти“. Все это звенья одной и той же логической цепи, заканчивающейся захватом власти». (Стр. 11). *Примечание редакции.*

собою по методам политического мышления вообще, по организационным взглядам в частности, становится революционным социал-демократом, как только «свяжет» себя с революционным пролетариатом, или, может быть, точнее, как только история навяжет его революционному пролетариату. Очень важно,—не столько для нашей партии, сколько для дальнейшей эволюции самого Ленина и его сторонников,—чтоб он ответил на этот вопрос, теоретически развив свое определение социал-демократа.

В борьбе между революционными и оппортунистическим флангами международного социализма часто прибегали к аналогии с Горой и Жирондой. Но эта аналогия, конечно, никоим образом не устанавливала не только тождества, но хотя бы какого-нибудь сходства по существу между якобинизмом и революционным социализмом... Кто мыслит не словами и внешними аналогиями, а живыми понятиями, тот, разумеется, понимает, что социал-демократия отстоит от якобинизма, по крайней мере, на столько же, как и от реформизма. Робеспьер, по меньшей мере, так же далек от Бебеля [50]), как и Жорес.

В каком смысле мы можем быть якобинцами? В смысле настроения? доктрины? метода политической борьбы? метода внутрипартийной политики? торжественной декламации?

Якобинизм—не сверхсоциальная «революционная» категория, нет, это исторический продукт. Якобинизм—это высший момент напряжения революционной энергии в напряженную эпоху самоосвобождения буржуазного общества. Это максимум радикализма, какой мог быть дан буржуазным обществом—не путем развития его внутренних противоречий, но путем их аннулирования и подавления: в теории—при помощи апелляции к правам отвлеченного человека и отвлеченного гражданина, на практике—при помощи гильотины. История должна была остановиться для того, чтобы якобинизм мог остаться у власти, так как всякое движение вперед должно было противопоставить поддерживавшие якобинцев, активно или пассивно, разнокачественные эле-

менты друг другу и таким образом, путем внутренних трений, понизить ту революционную волну, на вершине которой находилась партия Горы. У якобинцев не было и не могло быть веры в то, что их «истина» (la vérité) будет с каждым днем все более и более покорять сердца. Наоборот, факты говорили противное: отовсюду, изо всех щелей, выползали интриганы, лицемеры, «аристократы» и «модерантисты» (умеренные). Вчера еще верные патриоты, истинные якобинцы—сегодня обнаруживали колебания. Всякое притупление не принципиальных только, но личных границ между якобинизмом и всем остальным миром означало высвобождение внутренних центробежных сил для их дезорганизующей работы. Закрепить момент высшего революционного подъема путем «осадного положения», определить межевую грань сталью гильотины—такую политическую тактику диктовал инстинкт политического самосохранения.

Якобинцы были утопистами. Они поставили себе задачей—«fonder une république sur les bases de la raison et de l'égalité» («основать республику на основах разума и равенства»). Они хотели республики равенства—на основе частной собственности, республики разума и добродетели—в рамках классовой эксплоатации. Методы их борьбы лишь вытекали из их революционного утопизма. Они стояли на острие великого противоречия, и они призвали к себе на помощь острие гильотины.

Якобинцы были чистейшими идеалистами. Как все бывшие до них и следовавшие за ними идеалисты, они «первые» познали «les principes de la morale universelle» («принципы всеобщей морали»). Они верили в абсолютную силу идеи—«истины» («la vérité»). И они считали, что никаких человеческих гекатомб не будет слишком много, чтобы построить пьедестал для этой «истины». Все, что отклонялось от провозглашенных ими принципов универсальной морали, было порождением порока и лицемерия. Je ne connais que deux partis,—сказал Максимилиан Робеспьер [51]) в своей лебединой песне, знаменитой речи 8 термидора, [52]) celui des bons et celui des mauvais

citoyens» *. Абсолютной вере в метафизическую идею соответствовало абсолютное недоверие к живым людям. Политическая подозрительность была неизбежным методом служения «истине» и высшей гражданской обязанностью «настоящего патриота». Не было понимания классовой борьбы, этого социального механизма управляющего столкновениями мнений и понятий, и поэтому не было исторических перспектив, не было уверенности, что одни противоречия в сфере «мнений и понятий» будут неизбежно углубляться, другие, напротив, будут все более сглаживаться по мере развития борьбы освобожденных революцией социальных сил.

История должна была остановиться, чтоб якобинизм мог дольше сохранять свое положение. Но история не остановилась. Оставалось беспощадно бороться против стихии—до полного истощения. Всякая остановка, малейшая уступка означала смерть.

Каким безысходным историческим трагизмом дышит речь Робеспьера, произнесенная им 8 термидора в Конвенте [53]) и вечером повторенная в клубе якобинцев! «В положении (carrière), в каком мы находимся,—говорил стоявший над пропастью диктатор,—остановиться преждевременно значит погибнуть, а мы постыдно отступали. Вы приказали предать казни нескольких злодеев, виновников всех наших невзгод; они осмеливаются противиться национальному правосудию,—и им жертвуют судьбами отечества и человечества. Будем же ждать всех бедствий, которые могут быть последствием безнаказанно распространяющихся комплотов... Опустите на миг бразды революции, вы увидите, как ими овладеет военный деспотизм, и как вожаки комплотов низвергнут униженное национальное правительство; век гражданских войн и бедствий опустошит наше отечество, и мы погибнем вследствие того, что не захотели овладеть моментом, отмеченным в истории людей для основания свободы; мы обречем свое отечество године бед-

* „Я знаю только две партии, партию добрых и партию злых, граждан". (La société des jacobins. Recueil de document pour l'histoire du club des jacobins de Paris par S.-A. Aulard. T. VI, p. 254).

ствий, и народные проклятья срастутся с нашей памятью, которая должна была стать драгоценной для человеческого рода!» (La soc. des Jac., T. VI, p. 278).

Как глубоко противоположна этой исторической судьбе («carrière») судьба социал-демократии, партии самых оптимистических перспектив. Будущее гарантирует ей рост сторонников ее «истины», так как эта истина не внезапное революционное «откровение», а лишь теоретическое выражение расширяющейся и углубляющейся классовой борьбы пролетариата. Революционный социал-демократ уверен не только в неизбежности роста политической партии пролетариата, но и в неизбежности победы идей революционного социализма внутри этой партии. Первая уверенность покоится на том, что развитие буржуазного общества стихийно влечет пролетариат к политическому обособлению, вторая уверенность—на том, что объективные тенденции и тактические задачи этого обособления лучше всего, полнее и глубже, вскрываются революционным, т. е. марксистским социализмом.

Мы можем уже или шире, «мягче» или «строже» определять формальные пределы партии, это зависит от целого ряда объективных причин, от политического такта и соображений политической целесообразности. Но несомненно, что каким бы радиусом мы ни очертили свою пограничную окружность, наша партия всегда будет представлять собою,—идя от центра к периферии,—целый ряд концентрических поясов пролетариата возрастающей численности и убывающей сознательности. Самые сознательные, а значит самые революционные элементы будут в нашей партии «всегда в меньшинстве». И если мы «миримся» с таким положением,—а мы с ним миримся,—то это может быть только объяснено нашей верой в социально-революционную «судьбу» рабочего класса, иначе сказать, верой в неизбежное «выживание» революционных идей, как наиболее «приспособленных» к историческому движению пролетариата. Мы верим, что классовая практика, освещаемая лучами марксистского рефлектора, будет повышать сознательность малосознательных элементов и будет вовлекать

в поле его света элементы, вчера еще вовсе несознательные. В этом наше глубокое отличие от якобинцев. Мы относимся к социальной стихии, а значит и к будущему, с революционным доверием. Якобинцы относились по праву с мрачной подозрительностью. Та самая стихия, которая вела к их дифференциации и разложению, вырабатывала в себе тенденции интеграции пролетариата и его политического объединения.

Два мира, две доктрины, две тактики, две психологии, отделенные пропастью...

В каком смысле мы якобинцы?

Они—утописты, мы хотим быть только выразителями объективных тенденций. Они—идеалисты с ног до головы, мы с головы до ног материалисты. Они—рационалисты, мы—диалектики. Они верили в спасительную силу внеклассовой истины, пред которой обязаны преклониться все. Мы верим только в классовую силу революционного пролетариата. Их внутренне-противоречивый теоретический идеализм толкал их на путь политического недоверия и беспощадной подозрительности. Наш теоретический материализм снабжает нас несокрушимым доверием к исторической «воле» пролетариата. Их метод был гильотинированье малейших отклонений, наш метод—идейно-политическое изживание разногласий. Они отрубали головы, мы просвещаем их классовым сознанием.

В каком же смысле мы якобинцы?

Правда, они были непримиримы, непримиримы и мы. Якобинцы знали страшное политическое обвинение, которое формулировалось словом модерантизм. Мы знаем обвинение в оппортунизме. Но наши «непримиримости» качественно различны.

Мы продвигаем между собою и оппортунизмом в качестве клина теоретический аппарат классовой идеологии пролетариата, и каждый полновесный удар классовой борьбы вгоняет этот клин глубже и глубже.

Мы «очищаемся» таким путем от оппортунизма, а оппортунисты либо уходят от нас в политический лагерь другого класса, либо подчиняются революционной, от-

нюдь не оппортунистической логике классового движения пролетариата. Каждое такое «очищение» укрепляет нас и часто непосредственно увеличивает наши ряды.

Якобинцы продвигали между собой и модерантизмом железо гильотины. Логика классового движения была против них, и они пытались обезглавить ее. Безумие! У этой гидры число голов все более возрастало, а головы, преданные идеям добродетели и истины, редели с каждым днем. Якобинцы «очищались», ослабляя себя. Гильотина была только механическим орудием политического самоубийства *, а самое самоубийство было роковым выводом их безнадежной исторической позиции—глашатаев равенства на почве частной собственности, провозвестников универсальной морали в рамках класоовой эксплоатации.

«Необходимы великие кризисы,—говорит какой-то безвестный якобинец в октябре 1792 г.,—чтобы очистить организм, зараженный гангреной; нужно отрезать члены, чтобы спасти тело. Если мы будем иметь дурных руководителей, мы сможем быть совлечены с истинного пути; но раз мы будем знать, кто суть истинные якобинцы, они будут нашими вождями: мы присоединимся к Дантону [54]) и Робеспьеру и мы спасем государство» (La soc. des jacob., т. IV, p. 372). А через полтора года, втечение которых Дантон и многие другие из «истинных якобин-

---

* Эта оценка якобинского террора коренным образом отличалась от оценки революционных марксистов. Достаточно, напр., сослаться на Плеханова. Плеханов в одной из своих статей в старой „Искре", анализируя терроризм французской революции, писал, что этот терроризм „вызван был не „разочарованием" в силе массового движения, а, наоборот, непоколебимой верой в эту силу", сила этого терроризма была силой революционного движения народа. Главной отличительной тактикой его сторонников было стремление во что бы то ни стало поддерживать и усиливать революционную самодеятельность массы. «Его представители были руководителями французского народа в его героическом единоборстве с соединенными силами европейской реакции. История этого терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера". (См. его статью „Белый террор", т. XII, стр. 450).

Примечание редакции.

цев» были гильотинированы, как зараженные гангреной члены, в том же самом клубе другой якобинец, почти теми же словами, снова и снова говорил об «очищении»: «Если мы очищаем себя, то это для того, чтобы иметь право очистить Францию. Мы не оставим никакого инородного тела в Республике: враги свободы должны трепетать, ибо палица поднята; Конвент ее опустит. Наши враги не так многочисленны, как в этом хотят уверить; скоро они будут приведены в известность и они появятся на подмостках гильотины (sur le théâtre de la guillotine). Говорят, что мы хотим разрушить Конвент,—нет, он останется неприкосновенным; но мы хотим срезать с этого великого дерева мертвые ветви. Великие меры, которые мы предпринимаем, похожи на порыв ветра, сбрасывающего червивые плоды и оставляющего на дереве добрые плоды; после этого вы сможете собрать те, которые останутся; они будут спелы и полны сладости (saveur), они внесут жизнь в Республику. Какая выгода, что ветви многочисленны, если они изъедены червоточиной? Гораздо лучше, чтоб осталось их меньшее число, лишь бы они были зелены и здоровы» (Ib., т. VI, р. 47).

...Два мира, две доктрины, две тактики, две психологии, отделенные пропастью...

Нет сомнения, что все интернациональное движение пролетариата было бы обвинено революционным трибуналом в модерантизме, и львиная голова Маркса первою пала бы под ударом гильотины. И нет сомнений, с другой стороны, что чистейшим оппортунизмом, принесением исторических интересов пролетариата в жертву фикции (временного успеха), была, есть и будет всякая попытка внести методы якобинизма в классовое движение пролетариата. Это значило бы маленькими средствами симулировать великие исторические столкновения. Пред лицом классовой борьбы, черпающей в своем развитии, и только в нем, свою силу, гильотина так же ничтожна, как и потребительный кооператив, и якобинизм так же оппортунистичен, как и бернштейнианство.

Разумеется, если вы попытаетесь перенести методы якобинского мышления и якобинской тактики в сферу классового движения пролетариата, вы получите лишь

жалкую карикатуру якобинизма,—но это не будет социал-демократия, ибо социал-демократия не якобинизм и уж, конечно, не карикатура якобинизма.

Якобинец, «связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы», в конце концов, надо надеяться, развяжется с ней. Но поскольку он сохранит свою формальную связь с этой организацией и поскольку в то же время он сохранит свою якобинскую психологию недоверия и подозрительности к стихии и к завтрашнему дню, он обнаружит полную неспособность оценить ту партию, к которой он прикомандирован, в ее развитии. «Je ne connais que deux partis, celui des bons et celui des mauvais citoyens». Добрые граждане это те, которых политическое сознание, развитое или неразвитое, все равно, поворачивается сегодня благоприятной стороной к моему «плану». Эту—совершенно частную и случайную—конъюнктуру нужно закрепить. Злые граждане это те, которых политическое сознание сегодня отвращается от тех или других деталей моего плана. Их нужно... воспитать? Нет! подавить, обессилить, уничтожить, устранить... Партия берется не в динамике, а в статике. Мерилом для оценки различных элементов партии служит не вопрос об их роли в политическом движении рабочего класса, а их сегодняшнее отношение к тому или другому «плану». Вот почему получается тот поразительный результат, что в «отсталом» крыле нашей партии фигурирует, по Ленину: группа «Освобождение труда», редакция «Искры», Заграничная лига, Организационный комитет,—а «передовое» крыло состоит из еще не кристаллизовавшейся массы рекрутов социал-демократии, которые в будущем выделят, надо надеяться, из своей среды много добрых социал-демократов, но большая часть которых будет, конечно, растеряна нашей партией на ее долгом и трудном пути.

«Je ne connais que deux partis, celui des bons et celui des mauvais citoyens». Этот политический афоризм начертан в сердце Максимилиана Ленина,—и, прибавим тут же, в грубой форме этот афоризм резюмирует тактическую мудрость старой «Искры».

Подозрительность и недоверие составляли несомненную составную черту деятелей «Искры»,—потому что средой, в которой они работали, была интеллигенция, в разных «уклонениях» проявлявшая свою анти-пролетарскую природу. Если работа социал-демократии в целом есть лишь оформление «стихии», толкающей пролетариат к политическому сплочению, то работа старой «Искры» состояла в борьбе со стихией, отталкивающей интеллигенцию от политического растворения в пролетариате. Задача состояла не только в том, чтобы прояснить политическое сознание интеллигенции, но и в том, чтобы ее теоретически терроризовать. Для социал-демократов, воспитавшихся в этот период, «ортодоксия» есть нечто очень близкое к той абсолютной vérité, которая вдохновляла якобинцев. Ортодоксальная истина предусматривает все, даже вопросы кооптации. Кто отрицает это, тот должен быть извергнут. Кто сомневается, тот близок к отрицанию. Кто спрашивает, тот готов усомниться.

Речь Ленина на съезде Лиги дает в своем роде классическое выражение его «якобинских» взглядов на пути партийного развития. Он, Ленин, знает абсолютную организационную «истину», он имеет «план» и стремится к его воплощению. Партия достигла бы цветущего состояния, если б он, Ленин, не был окружен со всех сторон кознями, интригами, ловушками. Все как бы сговорилось против него и его «плана». Против него оказались не только старые враги, но и «искровцы, борющиеся с «Искрой», ставящие ей разные препятствия, тормозящие ее деятельность...». И если бы они еще боролись открыто, прямо! «Но нет, они действуют исподтишка, из-за угла, незаметно, тайно...» «Общее впечатление (не только обо всем предшествующем периоде работы Организационного комитета, но и о съезде) получилось такое, что у нас велась борьба с подсиживанием».

И Ленин пришел к энергичному выводу: для того, «чтобы сделать работу успешнее, необходимо было удалить тормозящие элементы и поставить их в положение, при котором они не

могли бы портить партии» *... Другими словами, для блага партии оказалось необходимым установить режим «осадного положения», во главе которого стал бы, по римской терминологии, dictator seditionis sedandae et rei gerundae causa (диктатор по случаю внутренних неурядиц). Но режим «ужаса» на первых же порах обнаружил свое полное бессилие. Dictator seditionis sedandae не сумел ни подчинить «дезорганизаторов» своему авторитету, ни изгнать их за порог партии, ни опутать их мертвой петлей дисциплины. «Отсталые элементы» нисколько не устрашались, наоборот, они уверенно брали позицию за позицией... И нашему обескураженному Робеспьеру оставалось только повторить пессимистические слова, сказанные тем, кого он с такой бессознательной добросовестностью копировал: «К чему жить при таком порядке вещей, когда интрига вечно торжествует над истиной, когда правосудие есть ложь, когда наиболее низкие страсти, когда самые смешные опасения занимают в сердцах место священных интересов человечества?..».

Ленин и его единомышленники не поймут причин своей неудачи, доколе они не проникнутся той идеей, что не только общественному развитию в целом, но и отдельной партии нельзя предписать пути развития. Их можно лишь вывести из данных историей условий и расчищать путем неустанной критической работы. Политические рационалисты—их много у нас в партии, еще не успевшей, как мы сказали выше, накопить тактической мудрости и дисциплинировать целым рядом разочарований мысль вождей,—рационалисты и метафизики думают, что достаточно «отдумать» развитие за всю партию и вооружиться бичом официальной власти, чтобы подстегнуть затем партию из центра—и она добежит. Но как только все условия для преуспеяний оказываются налицо, неожиданно открываются помехи и

* Напомним читателю, что формула: mettre dans l'impuissance de nuir (поставить в условия невозможности „портить") ,была очень обычной в якобинском обиходе по отношению к „внутренним врагам" Республики.

препятствия. Начинается период «интриг» и «подсиживаний». Находятся люди, которые не понимают и спрашивают: «зачем?» Находятся другие, которые упорствуют или указывают лучший, на их взгляд, путь. Находятся третьи, которые учитывают недоумение первых, упорство вторых и ищут тактических методов, которыми можно было бы облегчить партии работу поступательного движения. Между этими тремя категориями политический метафизик органически не способен различать. Он не анализирует, не расчленяет, не детализирует, не объясняет, не задается вопросом: зачем? почему?—он видит лишь одну реакционную массу, стоящую на пути его воображаемого руководительства партией. Рационалистической логикой своего мышления наш «якобинец» все более и более отрывается от исторической логики партийного развития,—это отражается в его сознании, как угрожающий рост партийных подсиживателей, дезорганизаторов, искателей и интриганов,—и в конце концов бедный «вождь» должен притти к той мысли, что его «подсиживает»... партия. Совокупность индивидуальностей разного уровня развития, разных оттенков мировоззрения, разного темперамента, словом, м а т е р и а л ь н о е т е л о с а м о й п а р т и и оказывается, в конце концов, тормозом для с в о е г о с о б с т в е н н о г о р а з в и т и я, рационалистически конструированного. Здесь тайна неудач Ленина, и здесь же причина его мелочной подозрительности.

Эта злостная и нравственно-отвратительная подозрительность Ленина, плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма является, это нужно признать, наследием и вместе вырождением старой «искровской» тактики. Но те методы и приемы, которые имели свое оправдание в условиях политического момента, в настоящее время должны быть ликвидированы во что бы то ни стало, иначе они грозят полным разложением нашей партии—политическим, нравственным и теоретическим.

Не случайностью, а глубоким «знамением» является тот факт, что вождь реакционного крыла нашей партии, т. Ленин, в отстаивании тактических методов карика-

турного якобинизма, психологически вынужден был дать такое определение социал-демократии, которое представляет собою не что иное, как теоретическое покушение на классовый характер нашей партии. Да, теоретическое покушение, нисколько не менее опасное, чем критические идеи какого-нибудь Бернштейна.

В самом деле. Какую теоретическую операцию произвел Бернштейн над либерализмом и социализмом? Он постарался прежде всего притупить их острые классовые грани. Он постарался превратить их в две надклассовые системы политического мышления, связанные друг с другом внутреннею логическою связью. Ту же оперативную работу над принципами демократии и социализма производят Жорес и его неверный друг Мильеран. Незачем напоминать, что этой возвышенной теоретической спекуляции отвечает вполне практическая спекуляция на министерские кресла, или, беря отношения шире, что выведению социализма, как логического хвоста, из принципов либерализма и демократизма соответствует практика превращения пролетариата в политический хвост буржуазной демократии.

Та же работа—пока только в области теоретической—производится у нас эксмарксистами-«критиками»-идеалистами. Разница лишь та, что они отправляют социализм на выучку к либерализму через чистилище идеалистической философии. «Идеалы... социального демократизма или социализма,—говорит г. Булгаков,—с необходимостью вытекают из основных принципов философского идеализма» *). А в роли абсолютных, т. е. не подлежащих классовой оценке, принципов идеализма фигурируют политические заветы и зароки либерализма. Это выясняет г. Бердяев. «Либерализм, по идеальной своей сущности, ставит цели: развитие личности, осуществление естественного права, свободы и равенства, социализм же открывает только новые способы для более последовательного проведения этих веч-

---

*) „От марксизма к идеализму“, стр. VI.

ных принципов» *). И наконец «Освобождение», в котором всегда нужно искать политического ключа к философским иероглифам процветающей у нас идеалистической метафизики, закрепляет теоретические завоевания идеализма таким энергическим тезисом: «...либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому,—по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны» **)...

Политическая тенденция буржуазной демократии—взять пролетариат под свою опеку—требует, чтобы и в сфере идеологии либерализм и социализм выступали не как принципы двух непримиримых миров, капитализма и коллективизма, буржуазии и пролетариата, а как две отвлеченные системы, из которых одна (либерализм) покрывает другую (социализм), как целое—свою часть, или, вернее, как алгебраическая формула свое частное арифметическое значение. С такой позиции совершенно исчезает суровая «игра» классовых мышц буржуазного общества, ясные очертания общественных реальностей расплываются в царстве идеологических теней. И не может быть, разумеется, никакого сомнения в том, что и Бернштейн, и Жорес, и Мильеран [55]), а завтра—в свободной России—и гг. Бердяев, Булгаков, а может быть, и г. Струве, охотно согласятся ввести себя в такую формулу: социал-демократ—это либерал (или демократ), связавший себя с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы».

Что скажет тов. Ленин по поводу этой «формулы»? Он скажет, что логически она бессмысленна, а политически—выражает несомненную тенденцию навязать пролетариату чуждую и враждебную его классовым интересам идеологию, тактику, наконец, политическую психологию. Не так ли? Что же делает сам тов. Ленин? Он пытается произвести точно такую же операцию, какую совершают Бернштейн, Жорес и наши «идеалисты», с той разницей, что, сообразно своей революционной

---

*) „Проблемы идеализма“, стр. 118, курс. мой.
**) „Освобождение“, № 33 (9). К аграрному вопросу.

позиции, он вместо либерализма берет его крайнее революционное детище, плоть от его плоти и кровь от его крови,—якобинизм. Тов. Ленин бесстрашным курсивом заявляет: «Якобинец, связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, и есть революционный социал-демократ». Но в таком случае тов. Ленин должен принять и другую формулу, формулу «Освобождения», заменив в ней либерализм его левым крылом—якобинизмом. Формула тогда будет звучать так: «Якобинизм и социал-демократизм никоим образом нельзя отделять друг от друга или противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны»... И не только по «основному идеалу», но и по методам революционной тактики и по содержанию политической психологии. Тогда останется подвести итог: якобинизм есть частный вид либерализма; социал-демократизм есть частный вид якобинизма.

Если тов. Ленин не захочет сделать «два шага назад» от данного им единственного принципиального, бесстрашно-принципиального «лозунга», тогда он вынужден будет сделать «шаг вперед» от своего определения, приняв все вытекающие из него выводы и... послать свою визитную карточку товарищам по партии.

Entweder—oder!

Либо достраивайте ваш теоретический мост между революционно-буржуазной (якобинской) и пролетарской демократией, подобно тому, как вышедшие из марксизма либералы строят мост между буржуазным либерализмом и пролетарским социализмом,—либо откажитесь от той практики, которая толкает вас на такого рода теоретические покушения.

Либо якобинизм, либо пролетарский социализм!

Либо отступление с единственной принципиальной позиции, нами действительно занятой в борьбе с «меньшинством», либо отступление с поля марксизма, вами формально защищаемого от «меньшинства».

Entweder—oder, тов. Ленин!..

«...Почему бы проказнице истории,—слышим мы голос т. Аксельрода,—не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?» «Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам». Почему бы?..

Вождем революционной буржуазной демократии может быть только якобинец. Он соберет свою армию—она будет не велика и не грозна, эта армия!—вокруг бряцающих лозунгов суровой «диктатуры», железной «дисциплины», «призыва к восстанию». Идеологической формой примирения революционной интеллигенции с ее ограниченной буржуазно-революционной (якобинской) ролью может явиться марксизм,—разумеется не его классовое социалистическое содержание, а его формальные рамки, настолько опустошенные, что этот «ортодоксальный марксизм» можно «связать» с якобинизмом, чтобы получить «революционную социал-демократию».

Тов. Аксельрод, по утверждению Ленина, «не сумел ничем, ну ровнехонько-таки ничем, доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального (так и напечатано!) крыла партия известные (революционно-буржуазные, т. е. якобинские) тенденции». («Шаг вперед», стр. 139, курс. автора.) Аксельрод «ничего не доказал»—ни «экономистам», когда он первым против них выступил, ни нашим якобинским столоначальникам, когда он политически охарактеризовал и тем самым пригвоздил их на съезде Лиги в своей исторической резолюции. Аксельрод «ничего не доказал». Он не составлял ученых диаграмм, он не комбинировал косвенных улик,—и потому он «ничего не доказал». Он сделал другое: он формулировал обозначившуюся в партии тенденцию. Для первой работы нужно быть бойким статистиком и неряшливым адвокатом. Для второй—нужно быть марксистом и проницательным политиком. О «документальных» доказательствах позаботились другие. Этих нужных Ленину доказательств слишком много в партийной практике наших надворных, статских и действительных

статских якобинцев, их много в резолюциях наших комитетов, с знаменитым уральским «манифестом» во главе... И все эти разрозненные, «кустарнические» покушения на марксизм получают особенный вес после того, как «сам» Ленин «централизовал» их в своей брошюре, увенчанной бессмертной «формулой» социал-демократа-якобинца!

Диктатура над пролетариатом.

Могучая логика жизни! Она «песчинку на пути кладет, и умник вниз кубарем летит»... Тот «маленький» факт, что в некотором организационном плане некоторой социал-демократической партии оказалась за бортом группа, выпестовавшая эту партию, сделался источником большой партийной борьбы. Пришлось сказать себе: очевидно, что этот организационный план с изъянцем, очевидно, что мышление, разрешившееся этим планом, страдает некоторым органическим пороком... Автор «плана», применявший во внутрипартийной политике методы, чуждые всему духу социал-демократии, оказался вынужденным требованиями собственной позиции «расширить» понятие социал-демократа и сопречь его с понятием якобинца. Жизнь развивает свою могучую логику и заставляет маленьких непоследовательных эклектических людей так или иначе сводить концы с концами. Чем скорее, тем лучше...

...В то время как Ленин творил свою «формулу» социал-демократа-якобинца, его единомышленники на Урале вырабатывали новую «формулу» диктатуры пролетариата *. Субъективно уральские якобинцы, как и Ленин, остаются в рамках марксизма. Но у политической жизни есть достаточный запас толчков и щелчков, чтобы заставить их «расширить» эти рамки... либо совсем проститься с ними, когда они окажутся слишком стеснительными. А этого следует, раньше или позже, ожи-

*) См. в приложении письмо уральцев. *Примечание редакции.*

дать. «Если Парижская коммуна 1871 года пала,— говорят уральские марксисты,—то ближайшая причина та, что в ней были представлены разные направления, представители разных, часто противоположных и противоречивых интересов. Каждый тянул в свою сторону, в результате спору было много, дела—мало... И надо сказать не только о России, но и о всемирном пролетариате, что ему необходимо подготовлять и подготовляться к получению (!!!) сильной, властной организации... Подготовка пролетариата к диктатуре—такая важная организационная (!) задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Подготовка состоит, между прочим, в создании настроения (!) в пользу сильной, властной пролетарской организации, выяснении всего значения ее. Можно возразить, что диктатофы (!!!) являлись и являются сами собой. Но так не всегда было, и не стихийно, не оппортунистически должно быть в пролетарской партии.

Здесь должны сочетаться высшая степень сознательности с беспрекословным повиновением—одно должно вызывать другое (сознание необходимости есть свобода воли). У нас в России в виду централизованного самодержавия особенно важен «вопрос об организации, строго централизованной, конспиративной, способной итти впереди партии и руководить ее ближайшей задачей,—а она совпадает с конечною».

Такова социально-революционная философия трех комитетов: уфимского, средне-уральского и пермского... (См. приложение к № 63 «Искры», курс. мой.)

Эту философию можно формулировать в трех тезисах:

1. Подготовка пролетариата к диктатуре есть задача организационная, состоящая в подготовке пролетариата к получению властной организации, увенчивающейся диктатором.

2. Появление этого диктатора над пролетариатом, в интересах диктатуры пролетариата, необходимо подготовлять сознательно.

3. Отступление от этой программы означает оппортунизм.

Во всяком случае авторы документа имеют мужество открыто заявить, что диктатура пролетариата рисуется им как диктатура над пролетариатом *,—не самостоятельный рабочий класс, взявший в свои руки судьбу общества, а «сильная, властная организация», господствующая над пролетариатом, и через него над обществом, обеспечит переход к социализму.

---

* Троцкистские обвинения по адресу ленинцев, что они хотят создать диктатуру над пролетариатом, не были оригинальными. Они были взяты на прокат у „экономистов", в частности, у пресловутого Акимова. Последний в своей брошюре, посвященной итогам II съезда, писал, например, следующее:

„Пролетариат как единое целое не может быть носителем власти. Поэтому, когда говорят о власти пролетариата, имеют ввиду уполномоченных на то пролетарских лиц. Предположим, что пролетариат избирает совет своих излюбленных людей из девятиста или тысячи лиц и передает ему абсолютную власть, „которая позволяла бы ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров". Такая власть могла бы быть названа диктатурой; но кого и над кем. Это была бы диктатура революционного правительства над пролетариатом. Правда, ради спасения его от эксплоататоров. Желал ли этого наш съезд, принявший проект „Искры". Я думаю, что этого не желал и потому считаю несознательным принятие съездом этого пункта проекта. Но я думаю кроме того, что составители проекта (т. е. Ленин, Плеханов. Ред.) именно в этом смысле понимали диктатуру, и потому я хотел и хочу бороться против бланкизма в нашей партии" (курсив везде наш).

Каковы же идеологические источники этих заповедей о диктатуре над пролетариатом? Этим источником является тезис Троцкого на 2-м съезде, тезис, согласно которому диктатура пролетариата возможна будет лишь тогда, „когда с.-д. партия и рабочий класс, противопоставление которых его (т. е. Акимова. Ред.) так смущает, будут наиболее близки к отожествлению". Диктатура пролетариата будет не конспиративным „захватом власти", а политическим господством организованного рабочего класса, составляющего большинство нации (курсив наш, см. его речь на 2-м съезде, 122 — 123 стр. протоколов).

Интересно отметить, что Акимов полностью солидаризировался с этим тезисом:

„В заключение (своей речи на съезде. Ред.), тов. Троцкий высказал свой взгляд на „диктатуру пролетариата", с которым я совершенно согласен, но именно поэтому-то я и считаю нашу программу плохо передающей мысль о завоевании политической власти".

Для того, чтобы подготовить рабочий класс к политическому господству, необходимо развивать и упражнять в нем самодеятельность и привычку к постоянному активному контролю над всем исполнительным персоналом революции. Это и есть та большая политическая задача, которую ставит себе международная социал-демократия. Но для «социал-демократов-якобинцев», для бесстрашных представителей системы организационного заместительства, громадная общественно-политическая задача—подготовка класса к государственному господству—подменяется организационно-технической задачей—выработкой аппарата власти.

Первая задача полагает центр тяжести в методах политического воспитания и перевоспитания все более и более расширяющихся кругов пролетариата путем их вовлечения в активную политическую работу. Вторая задача все сводит к техническому отбору дисциплинированных исполнителей в звенья «сильной, властной организации», отбору, который, в интересах сокращения работы, не может не производиться путем механического удаления неприспособленных: посредством «раскассирований» и «лишений прав».

Повторяем. Уральские товарищи вполне последовательны в деле замены диктатуры пролетариата—диктатурою над пролетариатом, политического господства класса—организационным господством над классом. Но это последовательность не марксистов, а якобинцев или их переложения на «социалистический» язык—бланкистов... разумеется с самобытным ароматом уральской культуры.

Итак, мы обвинили наших уральских товарищей в бланкизме [56]). И мы тут же вспомнили, что именно в

В примечании Акимов добавлял следующее: „На съезде и в комиссии я высказывал опасение, что пункт программы о завоевании пролетариатом политической власти может быть понят многими в известном смысле, нежелательном ни мне ни Троцкому. Троцкий отвечал мне, что я напрасно „пугаюсь". Теперь уральские товарищи доказали, что оптимизм Троцкого был „к сожалению, неоснователен, а мои опасения, к несчастью, подтвердились" (стр. 67 и 68, Акимов „К вопросу о работах II съезда").

Примечание редакции.

бланкизме обвиняет революционных социал-демократов Бернштейн. Причина совершенно достаточная, чтобы уральцы были зачислены в революционные социал-демократы, а мы—в бернштейнианцы *).

Вот почему мы считаем крайне полезным привести отзыв Энгельса о том, как представляли себе свою роль бланкисты в момент социалистической революции.

«Воспитанные в заговорщической школе, привыкшие к необходимой при заговоре строгой дисциплине, они исходили из того взгляда, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей может при благоприятных обстоятельствах не только захватить власть, но, посредством могучей, беспощадной энергии, удержать ее в своих руках до тех пор, пока им удастся вовлечь в революцию народную массу и сгруппировать ее вокруг небольшой кучки вожаков. Для такого дела нужна была прежде всего строжайшая, диктаторская централизация власти в руках нового правительства». (Маркс, «Гражданская война во Франции», пред. Энгельса к III нем. изд.)

Но, как известно, бланкисты поступали не так, как требовала логика их доктрины, а так, как требовала логика революционных интересов пролетариата, ставшего у власти. Вместо того, чтобы призывать пролетариат к «сознательному» подчинению диктатору, в чем должна, по мнению уральских диалектиков, выразиться «свободная воля» рабочего класса,—коммуна прежде всего поняла, что если «этот класс не хочет лишиться только что завоеванного господства, он должен... обезопасить себя против собственных служащих и уполномоченных; эти служащие и уполномоченные

*) Большая часть этой главы была написана до выхода книжки Ленина „Шаг вперед“... Оказывается, мы не ошиблись. На обвинения в якобинизме и бланкизме тов. Ленин отвечает, как и полагалось: „жирондисты современной социал-демократии везде и всегда прибегают к терминам „якобинство“, „бланкизм“ и т. п. для характеристики своих противников (стр. 132). Аксельрод только „подтверждает“ воздвигнутое против него обвинение в оппортунизме „своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве; бланкизме и пр.!“ (стр. 140).

могли быть в каждое данное время и все без исключения лишены своего звания». (Там же.)

Уже из этих двух цитат достаточно ясно видно, что можно быть против якобинизма и не быть бернштейнианцем. И наоборот, прибавим мы тут же: можно быть анти-бернштейнианцем с головы до пят и в то же время отстоять на тысячу верст от марксизма. Плеханов когда-то писал, что наши «экономисты», как две капли воды, похожи на те карикатуры, которые рисовались с марксистов Михайловским, Кривенко [57]) и другими. Наши централистические «заместители», как две капли воды, похожи на те карикатуры, которые писались с революционных социал-демократов теоретиками русского «экономизма» и европейскими «бернштейнианцами». Совсем недостаточно поставить плюс и минус там, где у оппортунистов стоит минус и плюс, чтобы овладеть всеми тайнами революционной социалистической политики.

Оппортунист наизнанку отнюдь не значит революционный социал-демократ.

Лучше и яснее всего это выступает именно на вопросе диктатуры пролетариата, разделяющем мир европейского социализма.

У нас в партии господствует мнение, будто в этом вопросе, как и в других вопросах социализма, кроме марксистской («ортодоксальной») точки зрения, существует лишь точка зрения реформистского оппортунизма (бернштейнианства тож). Это неверно. Существует еще третья точка зрения: оппортунизма бланкистского. Этой последней ереси наши «ортодоксы» совершенно не подозревают и не опасаются. А между тем она нам во многих отношениях гораздо ближе, чем бернштейнианство...

Оба вида оппортунизма: реформистский и бланкистский, определяются теми специфическими элементами, которые привносит демократическая интеллигенция в классовое движение пролетариата. Она тяготеет к заговорщическому захвату власти, когда она еще дышит опьяняющими парами буржуазной революции, и она все более и более склоняется к противореволюционному

реформизму по мере того, как буржуазно-революционные традиции отходят в область прошлого. Вот почему якобинский оппортунизм в вопросах социалистической теории и практики в такой же мере отвечает политической позиции и политической психологии современной русской революционной интеллигенции, в какой реформистский оппортунизм отвечает политическим тяготениям современной французской демократии.

Для европейского социализма якобинские тенденции— überwundener Standpunkt, давно законченная стадия развития. Там якобинизм и бланкизм фигурируют лишь, как жупелы в устах ревизионистов и бернштейнианцев. Наоборот, у нас ревизионизм и бернштейнианство начинают явно превращаться в жупелы в устах и под пером «ортодоксов», открыто тяготеющих к якобинизму и бланкизму.

Нам, русским революционерам, нечего, следовательно, гордиться и кичиться, если, в силу нашей общей политической отсталости, мы в переживаемую нами предреволюционную эпоху оказываемся восприимчивее к якобинизму, чем к реформизму. Великому делу пролетариата одинаково чужды и тот и другой!..

Если мы хоть сколько-нибудь представляем себе колоссальность задач—не организационно-заговорщических, а социально-экономических и социально-политических, которые выдвигает диктатура пролетариата, открывающая новую историческую эпоху; другими словами, если для нас диктатура пролетариата не пустая фраза, увенчивающая во внутрипартийной борьбе нашу формалистическую «ортодоксальность», а живое понятие, вытекающее из анализа все более широко разворачивающейся и обостряющейся социальной борьбы пролетариата с буржуазией, тогда мы не сделаем вместе с уральцами того жалкого вывода, что коммуна не удалась, потому что имела диктатора, тогда мы не обвиним коммуну в том, что у нее было «много спору и мало дела», и не порекомендуем ей, задним числом, устранить «спорщиков»—интриганов, дезорганизаторов и подсиживателей коммуны—посредством «раскассирований» и «лишений прав». Задачи нового режима так

сложны, что они могут быть решены не иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы—не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, никем не предрешенных проблем... И никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия, ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой.

Рабочий класс, ставший у государственного кормила, несомненно привнесет в своих рядах много политических инвалидов, а в своем обозе—много идейного балласта. Ему необходимо будет в эпоху диктатуры, как необходимо и теперь, очищать свое сознание от ложных теорий, от буржуазных переживаний и освобождать свои ряды от политических фразеров и революционных стародумов... Но этой сложной работы нельзя заменить, поставив над пролетариатом хорошо подобранную группу лиц или, еще лучше, одно лицо, снабженное правом раскассирования и разжалования...

Маркс отметил в нескольких строках «внутренних врагов» коммуны, тормозивших дело революционного пролетариата. Но Маркс знал, что от таких элементов нельзя избавиться декретом сверху. «Они—неизбежное зло; освободиться от них,—говорит Маркс,—можно только со временем, но этого-то времени и не дали коммуне». Освободиться от них можно только, углубляя классовое сознание пролетариата и делая его, таким образом, все менее и менее зависимым от тех или иных ошибок и промахов тех или иных «вождей» *). Маркс,

*) Именно это имела в виду „Искра", когда писала, что и „в Германии вопрос о дирижерской палочке утрачивал свое значение прямо пропорционально росту классоваго сознания пролетариата. Классовое самосознание пролетариата неуклонно, хоть и медленно делает свое дело". На каковые речи уральские товарищи отвечают: „Такое чисто оппортунистическое (!!!) положение „Искра" считает верным призна-

который через два дня после разгрома Коммуны дал ее замечательную оценку, надо думать, не подозревал, что люди, объявляющие себя его учениками, станут через 33 года повторять предрассудки доктринерского якобинизма, обнаруженные Коммуной.

Именно Коммуна вскрыла, каким жалким и беспомощным оказывается всякое заговорщическое доктринерство перед логикой классового движения пролетариата; именно Коммуна показала, что единственным базисом неавантюристской социалистической политики может быть только самодеятельный пролетариат, а не класс, которому привито «настроение» в пользу сильной, властной организации над ним *.

Нужно понять, господа, что развитие целого класса совершается неуклонно, но медленно; медленно, но неуклонно. Нужно понять, что никакого другого базиса наших политических успехов, кроме уровня пролетар-

---

ком зрелости партии в ее организации". Итак, оказывается, что считать единственным „верным признаком" успехов дела пролетариата и зрелости его партии медленный, но неуклонный рост его классового самосознания значит ни более ни менее как впадать в чистый оппортунизм!"

* Троцкистские „уроки Коммуны" были не революционно-марксистскими, а оппортунистическими, хвостистскими. Революционные марксисты совершенно иначе расценивали уроки Коммуны. Достаточно сослаться хотя бы на Плеханова периода старой „Искры", который в своей статье „Мартовские иды" писал следующее:

„Во время революционного взрыва в 1871 г. стихийная сила вещей, к сожалению, еще не получила надлежащего выражения в человеческом сознании... Отсюда — отсутствие централизованной организации, напрасная трата драгоценного времени, неумение пользоваться благоприятным стечением обстоятельств" (т. XII, стр. 339—340) (подчеркнуто редакц.)

И далее:

„А кроме того, — и это главное, — в движении 18 марта не было всей той сознательности, которая необходима пролетариату для того, чтобы он мог не только убедиться в непримиримой противоположности своих интересов с интересами буржуазии, но также и выработать себе последовательную программу практических действий. Тем нашим революционерам разных цветов, которые еще так недавно с упреком говорили нам, что мы придаем преувеличенное значение сознательности в революционном действии рабочего класса, полезно будет хорошенько поразмыслить над движением 18 марта" (там же, стр. 335).

Примечание редакции.

ской сознательности, мы не имеем и приобресть не можем. Нужно раз навсегда отказаться от «ускоренных» методов политического заместительства. Кому не терпится, кто хочет искать других гарантий—не в классовой базе, а в организационно-заговорщической верхушке,—тот может уходить от нас уже сегодня, ибо завтра его все равно от нас прогонит «медленная, но неуклонная» логика пролетарского развития... куда? к анархистам или к реформистам—кто может предсказать?..

Мы не сомневаемся. Скажут, что сведение вопроса о диктатуре пролетариата к организационной задаче, а этой последней—к вопросу о своевременном подготовлении диктатора есть просто местная уральская нелепость.

Но почему же эта нелепость, спросим мы, так «закономерна»? Каким это образом случилось, что она так точно оправдывает предсказания, которые делались в литературе «меньшинства»? Разве не писала сибирская делегация задолго до появления уральского документа, что, по логике «осадного положения», гегемония социал-демократии в освободительной борьбе означает гегемонию одного лица над социал-демократией? И еще. Разве Ленин не знает, кому в системе уральского социал-демократического буланжизма уготовляется центральная роль? И разве он протестует против этого возведенного в теорию издевательства над социалистической партией? Он молчит. Более того. Он молчит по этим вопросам так красноречиво, что всем кажется, будто он предвкушает и внутренно охорашивается.

Нет, не курьез имеем мы в уральском манифесте, но симптом серьезнейшей опасности, угрожающей нашей партии,—и мы обязаны глубокой политической признательностью нашим уральским товарищам, которые преодолели умственную трусость, отличающую большинство их единомышленников, и сделали выводы, от которых даже неробкого человека мороз подирает по коже.

...Они уйдут от нас,—я говорю о тех, для кого очерченные взгляды уже успели сделаться более или менее цельным законченным мировоззрением, для кого они не простая болезнь политического роста. Они уйдут, ибо этот формальный революционизм—революционизм орга-

низационной *формы*, а не политического *содержания*—несет в себе залог своего неизбежного и притом скорого разложения.

Пусть даже наша партия создаст в обстановке самодержавия идеальную организационную постройку,—что невероятно. Пусть она пронесет даже свою постройку невредимой через все испытания, которые готовит нам период ликвидации самодержавия... Но когда в медовые годы освобожденной буржуазной России, в годы национального подъема, когда русский капитализм, опьяненный новыми, открывшимися ему источниками развития, оторвет, может быть, пролетариат на время от напряженной политической борьбы и толкнет его, по линии наименьшего сопротивления, на путь профессиональных и экономических организаций,—тогда «властная, сильная организация» безжизненно повиснет над живым телом класса, как парус, которого не надувает ветер...

И тогда все те, для которых «чистым оппортунизмом» кажется единственный рассчет на «медленный, но неуклонный рост классового сознания», все те, сознанию которых историческая логика классового движения говорит меньше, чем бюрократическая логика того или другого организационного «плана», они все будут застигнуты врасплох, и волна политического разочарования неизбежно унесет из наших рядов многих и многих из этих мистиков организационной формы. Ибо это разочарование затронет не просто организационную форму, не просто идею централизма, но идею централизма, как основу революционного миросозерцания. Крах организационного фетишизма, будет неизбежно для их политического сознания крахом марксизма, крахом «ортодоксии»,—ибо весь марксизм заострился для них в несколько примитивных организационных формул... Более того—это будет крах веры в пролетариат как класс, который не дал себя вести к диктатуре, хотя ему предлагались для этого такие верные и прямые маршруты...

Разочарованные, они уйдут от нас—одни в реформизм, другие в анархизм, и, если нам доведется столкнуться с ними на перекрестке двух политических дорог, мы напомним им об этом предсказании.

В. И. ЛЕНИН

О „НАШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ“.

1. Из речи Ленина на 2-м съезде.

Переходя к существу дела, я скажу, что т. Троцкий совершенно не понял основной мысли т. Плеханова и поэтому обошел в своих рассуждениях всю суть вопроса. Он говорил об интеллигентах и рабочих, о классовой точке зрения и о массовом движении, но не заметил одного основного вопроса: суживает или расширяет моя формулировка понятие члена партии? Если бы он задал себе этот вопрос, он легко увидал бы, что моя формулировка суживает это понятие, а мартовская расширяет, отличаясь (по верному выражению самого Мартова) «эластичностью». И именно «эластичность» в такой период партийной жизни, как переживаемый нами, несомненно раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. Чтобы опровергнуть этот простой и очевидный вывод, надо доказать, что таких элементов нет, а т. Троцкий и не подумал сделать это. Да и нельзя доказать этого, ибо все знают, что таких элементов не мало, что есть они и в рабочем классе. Охрана твердости линии и чистоты принципов партии становится именно теперь делом тем более настоятельным, что восстановленная в своем единстве партия примет в свои ряды очень много неустойчивых элементов, число которых будет расти по мере роста партии. Тов. Троцкий очень неправильно понял основную мысль моей книги «Что делать?», когда говорил, что партия не есть заговорщическая организация (это возражение делали мне и многие другие). Он забыл, что я предлагаю в своей книге целый ряд различных типов организаций, начиная от самых кон-

спиративных и самых узких и кончая сравнительно широкими и «свободными» (lose). Он забыл, что партия должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию. Посмотрите, в самом деле, какие выводы получает т. Троцкий всилу основной своей ошибки. Он говорил нам здесь, что если бы ряды и ряды рабочих арестовывались и все рабочие заявляли о своей непринадлежности к партии, то странной была бы наша партия! Не наоборот ли? Не странно ли рассуждение т. Троцкого? Он считает печальным то, что всякого сколько-либо опытного революционера могло бы радовать. Если бы сотни и тысячи арестуемых за стачки и демонстрации рабочих оказывались не членами партийных организаций, это доказало бы только, что наши организации хороши, что мы выполняем свою задачу—законспирировать более или менее узкий круг руководителей и привлечь к движению возможно более широкую массу.

Корень ошибки тех, кто стоит за формулировку Мартова, состоит в том, что они не только игнорируют одно из основных зол нашей партийной жизни, но даже освящают это зло. Состоит это зло в том, что в атмосфере почти всеобщего политического недовольства, при условиях полной скрытности работы, при условиях сосредоточения большей части деятельности в тесных тайных кружках и даже частных свиданиях, нам до последней степени трудно, почти невозможно отграничить болтающих от работающих. И едва ли найдется другая страна, в которой бы смешение этих двух категорий было так обычно, вносило такую тьму путаницы и вреда, как в России. Не только в интеллигенции, но и в среде рабочего класса мы страдаем от этого зла жестоко, и формулировка т. Мартова узаконяет это зло. Формулировка эта неизбежно стремится всех и каждого сделать членами партии; т. Мартов сам должен был признать это с оговоркой,—«если хотите, да»,— сказал он. Именно этого и не хотим мы! Именно по-

этому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем, чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии. Вот принцип, который мне кажется неопровержимым и который заставляет меня бороться против Мартова. Мне возражали, что прав-то членам партии мы никаких не даем и поэтому и злоупотреблений быть не может. Такое возражение не состоятельно: если у нас не указано, какие именно особые права получает член партии, то заметьте, что у нас не приведено и никаких указаний об ограничении прав членов партии. Это—вопервых, а вовторых, и это главное, независимо даже от прав, нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию, и партия ответственна за всякого члена. При наших же условиях политической деятельности, при зачаточном состоянии настоящей политической организованности было бы прямо опасно и вредно давать не-членам организации право членства и возлагать ответственность на партию за таких людей, которые в организацию не входят (и не входят, может быть, умышленно). Т. Мартов приходил в ужас по поводу того, что на суде не-член партийной организации не в праве будет, несмотря на свою энергичную работу, назвать себя членом партии. Меня это не пугает. Серьезным вредом было бы, наоборот, если бы на суде заявил себя с нежелательной стороны человек, который называет себя членом партии, не принадлежа ни к одной из партийных организаций. Невозможно опровергнуть, что такое лицо работало под контролем и руководством организации, невозможно именно в силу расплывчатости термина. Фактически,—в этом не может быть сомнения,—слова «под контролем и руководством» приведут к тому, что не будет ни контроля, ни руководства. Никогда ЦК не в силах будет распространить настоящий контроль на всех работающих, но не входящих в организации. Наша задача—дать фактический контроль в руки ЦК. Наша задача—оберегать твердость, выдерживать чистоту нашей

партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше,—и поэтому я против формулировки Мартова. (Н. Ленин (В. Ульянов), Собр. соч., т. IV, «Искра», 1900—1903 гг.)

2. Из примечания Ленина в брошюре „Шаг вперед, два назад".

Всесторонюю оценку второму съезду партии, представленным на нем группировкам, возникшим разногласиям—Ленин дал в 1904 г. в брошюре: «Шаг вперед, два назад». Главное внимание Ленин, естественно, уделяет Мартову—Аксельроду и Плеханову, к этому времени уже перешедшему на сторону меньшевиков. Об ошибке Троцкого Ленин останавливается один раз в примечании. Указав в тексте, что формулировка Мартова содержит в себе «неверные, способные вести к дезорганизации, мысли» и «оппортунистические рассуждения», Ленин в примечании говорит:

«К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза т. Троцкого (стр. 248 и 346), что «оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава,—он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата»... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое орудие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому оправдывать «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть «организованное недоверие» целого к части, передового отряда к отсталому отряду; а когда т. Троцкий оказался на стороне товарища Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать слабость и шаткость нашей организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму) «сложными причинами», «уровнем развития пролетариата» и т. п.

Другой довод т. Троцкого: «интеллигентной молодежи, так или иначе сорганизованной, гораздо легче занести себя (курс. мой) в списки партии». Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы *объявляют себя* членами партии, а не моя, *устраняющая право* «заносить *себя*» в списки.

Тов. Троцкий говорит, что, если ЦК «не признает» организации оппортунистов, то только из-за характера лиц, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они неопасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно *удалить из партии* (да и то верно наполовину, ибо организованная партия *удаляет* вотумом, а не бойкотом). Это совершенно не верно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для целей контроля ЦК *нарочно* может включать в партию на известных условиях не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться *направить ее на путь истины*, чтобы своим руководством парализовать ее частичные уклонения и т. д. Такое включение не опасно, *если* не допускается вообще «*занесение себя*» в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и *ответственного*, подконтрольного выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики.

«Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула т. Ленина должна быть отвергнута»,—говорит т. Троцкий, и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) «соответствовать» регрессу или застою. Этот последний случай и есть «случай т. Мартова». (Сочинения, т. V, стр. 362—363.)

3. Из статьи „Соловья баснями не кормят“.

По существу организационных взглядов, выраженных в брошюре Троцкого, приводим замечания Ленина из его статьи «Соловья баснями не кормят» (январь, 1905 г.). Отвечая рабочему-меньшевику, требовавшему гарантий, что рабочих действительно будут вводить в комитеты, Ленин писал:

«Какие гарантии возможны против того, что революционеры, сообща собравшиеся на съезд партии, начнут потом, обидевшись на невыбор их съездом, кричать, что съезд был реакционной попыткой закрепить искровские взгляды (Троцкий в брошюре, изданной под редакцией новой «Искры»), что решения съезда не священны, что на съезде не было рабочих из массы? Какие гарантии возможны против того, что общее решение относительно форм и норм партийной организации, решение, которое называется организационным уставом партии и которое не может существовать иначе, как в виде такого устава,—это решение рвется потом бесхарактерными людьми в той части, которая им неприятна, под предлогом бюрократичности и формалистичности таких вещей, как уставы?

Какие гарантии возможны против того, что люди, нарушившие сообща принятые правила организации, начнут рассуждать потом, что организация есть процесс, организация есть тенденция, организация есть форма, идущая в ногу с содержанием, и что поэтому нелепо и утопично требовать соблюдения правил организации?». [1])

4. О взаимоотношениях партии и класса.

...«Чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себе действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и

[1]) Подчеркнуто нами. *Редакция.*

плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих *масс*. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочего класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает т. Аксельрод, когда он говорит: «Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии». Вопервых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не-одни только организации революционеров, а *целый ряд* рабочих организаций, признанных за партийные. Вовторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы—партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между *входящими* в партию и *примыкающими* к партии. Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы—партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать гла-

за на громадность наших задач, суживать эти задачи—значило бы забывать о различии между передовыми отрядами и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда поднимать все более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными—и помогающими.

Ссылаться на то, что мы—партия класса, в оправдание организационной расплывчатости, в оправдание смешения организации и дезорганизации—значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал «философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения «в глубине» с технически-организационным вопросом». («Что делать?», стр. 91.). Именно это смешение, с легкой руки т. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку т. Мартова. «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше»,—говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения названия, не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за невходящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможем объявить себя членом партии» (стр. 229). В самом деле? Каждый стачечник должен иметь право объявить себя членом партии? Этим положением т. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда, принижая социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удается руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим отождествление такой первоначальной, ipso facto не более как трэд-юнионистской

формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически узаконять заведомую фальшь, если дадим право каждому стачечнику «объявлять себя членом партии», ибо такое «объявление» в массе случаев будет объявлением ложным. Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что каждый стачечник может быть социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отупении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «стачечника» особенно ясно видна разница между революционным стремлением социал-демократически руководить каждой стачкой и оппортунистической фразой, объявляющей членом партии каждого стачечника. Мы—партия класса, поскольку мы на деле социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать выводы, что мы на словах должны отождествлять партию и класс. (Том V, стр. 350—352.)

5. О соотношении тактических и организационных задач и хвостизме „новоискровцев".

«С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой «Искры» красной нитью проходит та глубокая «мысль», что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что «жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение», что централизм не есть «нечто самодовлеющее», не есть «талисман всеспасающий» и пр. и пр. Глубокие, великие истины! Программа действительно важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса,—но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на вто-

рой год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации, как анархист (съезд Лиги),—и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман; что такое синтаксис? ведь это менее важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... «Не согласится ли с нами тов. Александров,—победоносно вопрошает новая редакция «Искры»,—если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?» (№ 56, прил.). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой «Искры» совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу тов. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики,—неуменье правильно поставить политические задачи,—пошлостью, выдаваемой за философию. Точь в точь так же и новая «Искра» оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы,—пошлостью, что, де, программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе? (т. V, стр. 457—458).

...«Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. «Боевое социал-демократическое направление—говорит тов. Александров—в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации». Редакция поучает нас:

«Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы» (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу!), «долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание,—развивающуюся практическую работу партии». Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы, облекающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами более высокими, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы—это только формы. Точь в точь так же тов. Кричевский во времена оны тащил нас назад от тактики—плана к тактике—процессу». (Т. V, стр. 459—460.)

6. О конспирации.

«...Только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения избавляет нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно возлагает на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Вовторых, многие—и в том числе, повидимому, Б. Кричевский («Раб. Дело» № 10, стр. 18)—неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против сужения политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовсе не означало отрица-

ние необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в брошюре, названной в примечании («Задачи русских социал-демократов», стр. 21, полемика против П. Л. Лаврова), наряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию», и ко всякому «другому приему атаки». По своей форме такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговору», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага экономизма, как и обвинения в «народовольчестве». (Т. V, стр. 229—230.)

«...Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними, угашать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демокра-

тической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством вырабатывать из себя профессиональных революционеров». (Т. V, стр. 221.)

7. О демократизме, бюрократизме и автономизме.

«Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу». Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это специфически заграничного характера. И только заграничная организация («союз» русских с.-д.) могла дать своей редакции, в числе прочих инструкций, следующую:

«Организационный принцип. В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо ввиду обнаруживавшихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций». («Два съезда», стр. 18.)[1])

Как именно борется «Раб. Дело» с «антидемократическими тенденциями» «Искры», это мы увидим в следующей главе. А теперь присмотримся поближе к этому «принципу», выдвигаемому экономистами. Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующих необходимых условия: вопервых, полную гласность и, вовторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда, но никто не назовет демократической организацией—такую, которая закрыта от всех не-членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «широкого

---

1) «Два съезда» — брошюра, выпущенная «Союзом» русских с.-д. в 1901 году за границей.

демократического принципа», когда основное условие этого принципа неисполнимо для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении». (Т. V, «Что делать?», стр. 231).

«...Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма,—с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил»—гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет, и из народных собраний. Все знают, что какой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами,—и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг

революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер обязан в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь пустая и вредная игрушка. Это—пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация широкого демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это—вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной настоятельной задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм». (Т. V, «Что делать?», стр. 232—233.)

«Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с тов. Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против «большинства», не раз повторенные потом в печати. Рассмотреть их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против «системы самодержавно-бюрократического управления партией», против «централизма бюрократического», который, в отличие от «централизма истинно социал-демократического», определяется следующим образом: он «ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности»; он, поэтому, «по самой

своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества».

О каком это «обществе» говорит здесь тов. Аксельрод с К⁰, один Аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес о желательных реформах в управлении или изливает жалобы «меньшинства». Что *может означать* «самодержавие» в партии, о котором кричат недовольные «редактора»? Самодержавие есть верховная, бесконтрольная, безответственная, невыборная власть одного лица. Из литературы «меньшинства» очень хорошо известно, что таковым самодержцем считают *меня*, а никого другого. Когда писалась и принималась разбираемая резолюция, я был в Ц. О. вместе с Плехановым. Следовательно, тов. Аксельрод с К⁰ выражает свое убеждение в том, что и Плеханов и все члены ЦК «управляли партией» не согласно их взглядам на пользу дела, а согласно *воле* самодержца Ленина. Обвинение в самодержавном управлении необходимо и неизбежно ведет к признанию всех остальных участников управления, кроме самодержца, простыми орудиями в чужих руках, пешками, исполнителями чужой воли. И мы спрашиваем еще и еще раз: неужели это в самом деле принципиальное разногласие почтеннейшего тов. Аксельрода?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши «члены партии», только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на сколько-нибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?» (Т. V, стр. 437—438.)

«...Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты

бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты—самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую «преемственность», чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

Никакого реального содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме. И именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентскую неустойчивость меньшинства. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той «Искры», которую вели мы с Плехановым. Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера сокрушения. И именно эта замена убеждения сокрушением показывает отсутствие принципиальной выдержанности, отсутствие веры в свои идеи». (Т. V, стр. 438—439.)

«...В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» в организационных вопросах: это—защита автономизма против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о «незаслуженном невнимании к неискровцам» (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании «беспрекословного повиновения», горькие жалобы на «помпадурство», и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает

и оправдывает всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры» тесно связана с защитой автономизма». (Т. V, стр. 465.)

«...Едва ли не единственной попыткой анализа понятия бюрократизма является противоположение в новой «Искре» (№ 53) «формально-демократического начала» (курсив автора) «формально-бюрократическому». Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не разъясненное, как и указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus демократизм это и есть централизм versus * автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится итти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, «демократизм», доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае—организация «Искры»). В эпоху восстановления фактического единства партии и распущения в этом единстве устарелых кружков (таким верхом неизбежно является партийный съезд, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхом впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-помалу, не без труда, не без борьбы и не без

* Versus — по отношению к ... *примечание т. Ленина.*

дрязг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии». (Т. V, стр. 466—467.)

8. Об оппортунизме и его разновидностях.

«Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления всех этих партий на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мыслей и тенденций оппортунизма в организационном вопросе—выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условий. Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличность порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего миросозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с тт. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса,

отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн «согласен» с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, «коренной реформы» ее, но считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение «общих принципов» «критики» (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной «министериалистской» тактикой. Оппортунисты в вопросах организационных, тт. Мартов и Аксельрод тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть «закреплены уставным путем»; они тоже желали бы «коренной реформы» нашего организационного устава («Искра» № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала «общими вопросами организации» (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой «Искры», к автономизму, а признаться в своей **принципиальной** тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их «принципиальная» позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках,—декламации настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но—дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного «бюрократизма» не-

избежно ведут к автономизму, попытки «углубления» и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного и на практике, поэтому, выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа является принцип **анархизма**. Высмеивание дисциплины—автономизм—анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от всякой определенной формулировки своих принципов. Точь в точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание «ортодоксии», правоверия, узости и неподвижности—ревизионистская «критика» и министериализм—буржуазная демократия». (Т. V, стр. 472—475.)

9. О дисциплине и значении устава.

«Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном «доверии». Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на **формальном**, «бюрократически» (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным «процессом» идейной борьбы.

Редакция новой «Искры» козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что, «доверие— вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы» (№ 56, прилож.). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, голого доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации «Искры», я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом— на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я не имею права ссылаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я обязан мотивировать свое «доверие» или «недоверие» формальным доводом, т. е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным: «доверяю» или «не доверяю», а признать подотчетность своих решений и всех вообще, всякой части партии, перед всей партией; я обязан следовать формально предписанному пути для выражения своего «недоверия», для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от кружковой точки зрения безотчетного «доверия» до партийной точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и проверки доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. «Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине»,—поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы, де, либо «столкуемся» (sic!) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, какое возвышенное благородство выступает здесь против вульгарно-«фабричного» формализма! А на самом деле—перед нами подновленная фразеология кружковщины, преподносимая партии редакцией, которая чувствует, что она представляет из себя не партийное учреждение, а обломок старого кружка. Внутренняя фальшь этой позиции неизбежно приводит к анархическому глубокомыслию, возводящему в принцип социал-демократической организации тот разброд, который на словах фарисейски объявляется уже пережитым. Не нужно никакой иерархии низших и высших партийных коллегий и инстанций,—барскому анархизму такая иерархия кажется канцелярским измышлением ведомств, департаментов и прочее (см. фельетон Аксельрода),—не нужно никакого подчинения части целому, не нужно никакого «формально-бюрократического» определения партийных способов «столковываться» или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об «истинно социал-демократических» приемах организации.

Вот где прошедший школу «фабрики» пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму». (Т. V, стр. 463—465.)

10. О свободе критики.

«...Если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют,—то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода—великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда—грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном

употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «Да здравствует свобода критики!»—слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото!—А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу!—О да, господа, вы свободны не только звать, но и итти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова «свобода», потому что мы ведь тоже «свободны» итти куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!» (Том V, стр. 122—123.)

11. Об якобинизме и жирондизме.

«Другая ссылка т. Аксельрода—на «якобинцев»—еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к «историческим аналогиям эпохи великой французской революции». Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что *жирондисты современной социал-демократии* везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм»

и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни т. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов («вполне согласный» с т. Мартыновым) заявляет: «абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководителей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наша политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у «Народной Воли» (стр. 124, прим.). Тов. Акимову возражают т. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм современных якобинцев и современных жирондистов социал-демократии? И не потому ли заговорил т. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании жирондистов социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о «серьезном разногласии» по «основному вопросу» об «абсолютной ценности демократических принципов» (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры «центра» или болота (Егоров) и антиискровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова «подражание буржуазной тактике» (стр. 170)—это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдблата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли тов. Аксельрод, что и этот спор показывает нам воочию, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-

демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает «пролетарские тенденции в нашем движении», кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул «организуйтесь!», кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? якобинцы социал-демократии. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером.

Неискусно же защищается тов. Аксельрод от «ложного обвинения в оппортунизме», которое открыто распространялось на нашем партийном съезде против большинства группы «Освобождения труда»! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч. Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме оппортунизма, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающей об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист. Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью, когда кардинальная важность массовой политической агитации выяснена и разжевана до тошноты. Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или

иная обнаружившаяся черта практического движения (как давно и тщетно старается показать Бернштейн и К⁰), а жирондистская робость буржуазного интеллигента, психология которого так часто прорывается среди современных социал-демократов. Нет ничего комичнее, как эти потуги новой «Искры» сказать новое слово (сказанное в свое время сотни раз) в виде предостережения от тактики французских революционеров-заговорщиков сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая). В ближайшем номере «Искры» жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой». (Т. V, стр. 454—456.)

Ответ на письмо Ц. О. представителей Уфимского, Средне-Уральского и Пермского комитетов.

(Выдержки.)

«В партии революционного пролетариата, повторяем мы, не может быть, не должно быть постоянного деления на большинство и меньшинство, не может быть и речи о представительстве в центральных организациях каких-то разных течений. Если в партии есть деление на более или менее опытных и развитых членов, то центральная организация должна состоять из однородной коллегии наиболее опытных и развитых членов партии, ни о какой концентрации партийных течений и речи быть не может. Чем единодушнее, энергичнее, талантливее центральная организация, тем охотнее, естественнее все члены и организации будут ей подчиняться.

Если франкфуртский парламент представлял все революционные течения Германии 48-го года, то он был простой говорильней, неспособной ничего предпринять для успеха революции. Если парижская коммуна 71-го года пала, то ближайшая причина та, что в ней были представлены разные направления, представители раз-

ных, часто противоположных и противоречивых интересов. Каждый тянул в свою сторону, в результате—споров было много, дела—мало. Если Гора 93 года действовала энергично, решительно, то потому, что была достаточно однородна. И Гора 93 года, хоть и погибла, но навсегда бесповоротно решила дело революции. И надо сказать не только о России, но и о всемирном пролетариате, что ему необходимо подготовлять и подготовляться к получению сильной, властной организации. Без сильной, властной централизованной организации он не сможет управлять, не сможет использовать в своих целях власть, которая—уже недолго ждать этого—попадет в его распоряжение (которая уже попадала в его руки в февральские дни в Париже). . . . .
. . . .
Не имея сам власти, он не сможет осуществить не только максимальной цели своей, но и всех минимальных желаний. Подготовка пролетариата к диктатуре—такая важная организационная задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Подготовка состоит, между прочим, в создании настроения в пользу сильной, властной пролетарской организации, выяснение всего значения ее. Можно возразить, что диктаторы являлись и являются сами собой. Но так не всегда было, и не стихийно, не оппортунистически должно быть в пролетарской партии. Здесь должны сочетаться высшая степень сознательности с беспрекословным повиновением—одно вызывать должно другое (сознание необходимости есть свобода воли). Можно также выставить опасение, что властная центральная организация будет подавлять личную инициативу, превращать членов партии в пешек. Но это совершенно напрасное опасение. Это такое же опасение, как и то, что самостоятельный крестьянин полуфеодального времени потеряет самостоятельность и цельность, становясь пролетарием. . . . .

Итак, центральная организация вообще пролетарской социалистической партии должна быть строго централизованной. Тем более в России, где сейчас приходится выступать против централизованного полицейского и

бюрократического самодержавия, где этого требуют, кроме того, и условия конспиративной деятельности, вопрос об организации, строго централизованной, конспиративной, способной итти впереди партии и руководить ее ближайшей задачею—а она совпадает с конечною.

В своей пролетарской организации мы должны быть очень и очень осмотрительны, чтобы туда не попали неисправимые, упорные ревизионисты, оппортунисты и хвостисты.

Центральная организация особенно должна быть чиста от всяких малоразвитых, недоразвившихся элементов, не говоря уже о закоренелых ревизионистах и оппортунистах (чего, к сожалению, нет в Германии), если хоть чуть-чуть туда попадет этой скверной травы, то это будет ложка дегтю в кадке меду. Если редакция «Искры» нового курса такое отношение к недорослям партии и к поссибилистам, экономистам считает неуместным собакевическим наступанием на ноги, то мы считаем, что не только следует в указанных случаях «наступать на ноги», но также, скажем, не надо и прощения просить.

Понятно теперь, каковы, по нашему разумению, должны быть отношения между ЦО и ЦК.

Конечно, в пролетарской партии они должны быть связаны самым тесным образом. Если ЦО только отражает разные партийные течения, отмечает их и апеллирует к общественному мнению партии, то это будет оппортунистический орган, каковой нужен сторонникам концентрации и поссибилизма. Мы же полагаем, что ЦО должен еще и подготовлять пролетариат к пониманию пролетарских целей.

ЦО должен иметь свое собственное мнение о вещах, его-то он постоянно должен предлагать читателям. Все статьи, взгляды, соображения, данные, стекающиеся в ЦО от всех партийных организаций и от членов служат для него лишь материалом для выяснения точки зрения центральной организации и для создания добровольного сознательного и необходимого и беспрекословного подчинения. Повторяем, в революционной пролетарской партии должно быть пол-

ное единодушие между ЦО и ЦК, они должны составлять вполне солидарную, спевшуюся коллегию. Довольно мы плыли на утлых ладьях по воле течений; мы строим большой корабль, последнее слово знания и искусства, для чего нам нужен хороший командир, мы поплывем в нем по течению, против течения и вынесем бури.

Пора покончить с организационными стадиями—вчера организация кружковщины, сегодня организация экономической агитации в массах, завтра—организация политической агитации и т. д.

Неужели надо теперь опять ждать, пока стихия научит нас понимать нужду в организации не только обслуживающей, но и сильной, властной рукой управляющей? Неужели мало крови потерял рабочий класс, мало разве страдал он не только от ударов врагов, но и от собственной слабости и неподготовленности, чтобы его вожди и организации не научились быть получше повивальных бабок, чтобы они не научились стать акушерами истории, вооруженными всем знанием, опытом и техникой?» (см. «Искра» № 63).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Последнее заявление Центрального Комитета.

В июле 1904 года состоялось совещание ЦК РСДРП в составе Глебова (Носкова), Л. Красина (Никитича) и Гальперина (Валентина). Результатом этого совещания была резолюция, устанавливавшая, что основная задача—«обеспечение партийного единства—требует, чтобы политика ЦК в сфере внутрипартийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «меньшинства» в цельную организацию, в согласии с принципами революционной социал-демократии, положенными вторым съездом в основу нашей партии».

Относительно съезда резолюция высказывается следующим образом: «ЦК решительно высказывается против созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд».

2) Первая социал-демократическая группа.

Группа «Освобождение труда»—социал-демократическая организация, основанная в сентябре 1883 г. эмигрировавшими за границу народниками «чернопередельцами»: Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем и вскоре умершим В. И. Игнатовым—и просуществовавшая до 2-го съезда партии (август 1903 г.), когда группа, в связи с созданием единой партии, заявила о прекращении своего самостоятельного существования. Группа сыграла исключительно важную роль в истории русской социал-демократии, дав теоретическое и программное обоснование ее деятельности.

3) «Социализм и политическая борьба» первая брошюра, выпущенная в 1883 г. в издании «Группы освобождения труда»—«Библиотеки современного социализма». Написана она Плехановым и является переделкой его статьи, написанной для «Вестника Народной Воли».

4) Брошюра «Об агитации» выпущена была участниками виленского еврейского с.-д. кружка, она была написана А. Кремером и редактирована Ю. О. Мартовым в 1894 г. Наряду с несомненно-прогрессивными элементами, заключавшимися в протесте против кружковщины и призыве приступать скорее к агитации в широкой массе рабочих на почве ее повседневных, насущных нужд, в ней были и элементы роднившие ее с будущим «экономизмом». По мнению автора этой брошюры—на первых «фазисах» воспитания рабочего класса он еще не созрел для политической борьбы, и в этот период существование у нас чисто экономического направления не только возможно, но и желательно.

5) «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения»—брошюра В. Ленина, написанная в феврале 1902 г. Она является важнейшим документом большевизма за данный период, оказавшим исключительно большое влияние на развитие революционной социал-демократии. По словам самого Ленина,—ее главной темой являются три вопроса—«вопросы о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации».

6) «Рабочее Дело»—орган заграничного «Союза русских социал-демократов», начал выходить взамен «Листка работника» после отказа «Группы освобождения труда» на съезде союза в 1898 г. от редактирования изданий союза. Журнал редактировался Б. Кричевским, Сибиряковым (П. Тепловым) и В. Иваньшиным. Ближайшим сотрудником «Рабочего дела», а позднее и редактором состоял А. Мартынов (Пикер). Всего с апреля 1899 г. до февраля 1902 г. вышло 12 номеров. «Р. Д.» было основным органом «экономизма».

7) Фельетоны Аксельрода—«Объединение российской социал-демократии и ее задачи»—напечатаны в №№ 55 и 57 «Искры».

8) «Освобождение»—журнал, выходивший с 1/VII 1902 г. в Штутгарте под ред. бывшего марксиста и с.-д-та П. Струве,—орган земцев-конституционалистов и либерально-буржуазных интеллигентских кругов до революции 1905 г.

9) Михайловский Н. К. (1842—1904)—один из виднейших теоретиков народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80-90 гг., давший ей собственную теорию «исторического процесса». Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок», впоследствии редактировал «Русское Богатство», на страницах которого вел ожесточенную полемику с марксистами.

10) Струве П. Б. (р. 1870)—в 90-х годах с.-д., автор «Манифеста РСДРП», выпущенного по постановлению 1 съезда партии. Он был одним из наиболее видных представителей «легального марксизма» 90-х годов. В начале 900-х годов окончательно порывает с марксизмом и с социал-демократией и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов—«Союза Освобождения» (1902—1905 гг.) и редактируя орган этого «Союза»—«Освобождение». Сейчас эмигрант, монархист.

11) Булгаковв С. Н. (р. 1871 г.)—один из представителей «легального марксизма», перешедший затем в ряды «критиков Маркса». Дальнейшее развитие «от марксизма к идеализму» отбрасывает его в сторону мистицизма и ведет к принятию им священнического сана.

12) Бердяев Н. А. (р. 1874 г.)—философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму. В своей книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) сочетал бернштейнианское выхолащивание марксизма с кантовской философией.

13) Фейербах (1804—1872)—философ, один из учеников Гегеля. Написал «Сущность христианства».

14) Вестник русской революции—теоретический орган партии с.-р. (№ 1 вышел в июне 1901 г. под редакцией Русанова).

15) Декамерон. Знаменитое произведение Боккаччио, собрание 100 новелл. Оно является одним из наиболее известных литературных памятников итальянской литературы эпохи Возрождения.

16) Боккаччио Джиованни (1313—1375)—знаменитый итальянский поэт и гуманист, является одним из творцов итальянского литературного языка.

17) «Заря»—теоретический социал-демократический научно-политический журнал, издавался в Штутгарте под редакцией Г. Плеханова, В. Ленина, П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Засулич и А. Потресова. Направление «Зари» было аналогично направлению старой «Искры». Всего вышло 3 книги «Зари». Редакция «Искры» и «Зари» оставалась все время общей.

18) Революционная Россия—орган партии с.-р., посвященный злободневным вопросам (№ 1 вышел в 1901 г. в Финляндии по инициативе вождей «Северного союза» с.-р.).

19) Старовер—Потресов А. Н. (р. 1869 г.)—социал-демократ, участник «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Член II съезда РСДРП в 1903 г. После раскола один из лидеров меньшевизма. В годы реакции—руководитель самого правого крыла меньшевиков-ликвидаторов. Во время войны—последовательный представитель социал-патриотизма.

20) Лассаль Ф. (1825—1864)—один из основателей и теоретиков немецкой социал-демократии. Основная историческая заслуга Л. состояла в том, что он вырвал передовые группы рабочих из-под влияния буржуазии и положил тем самым начало самостоятельному политическому рабочему движению.

21) Бернштейнианство—оппортунистическое направление в рядах международной социал-демократии, начало которому было положено немецким с.-д. Эд. Бернштейном в ряде его статей, объединенных затем в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».

В России это направление встретило сочувственный отклик в среде «легальных марксистов».

22) «Социал-демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся группой «Освобождения труда» за границей в 1890—1892 гг. Вышло четыре книжки. Главное участие в «Соц.-Дем.» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

23) В. Засулич—член группы «Освобождение Труда», один из редакторов старой «Искры», была кооптирована в состав редакции новой «Искры» Плехановым после ухода Н. Ленина 1/XI—1903 г.

24) Добролюбов Н. А. (1836—1861)—критик и публицист, сотрудник журнала «Современник», продолжатель традиций Белинского в литературной критике, один из виднейших представителей радикальной общественной мысли конца 50-х, начала 60-х годов.

25) Павлович—Красиков издал в 1904 г. в Женеве «Письмо к товарищам о втором съезде РСДРП». Очевидно в бр. «Наши политические задачи» опечатка.

26) PPS—«Польская Социалистическая Партия», образовавшаяся в 1893 г. и бывшая партией революционной части польской мелкой буржуазии и интеллигенции. Центральным пунктом ее программы было восстановление независимости польского государства путем вооруженного восстания. В 1906 г. P. P. S. распалась на две фракции: 1) социалистическую «левицу» (близкую к с.-д., а в декабре 1918 г. слившуюся с Социал-Демократией Польши и Литвы в Польскую Коммунистическую Партию) и 2) националистическую «правицу» или так наз. революционную фракцию («фраки»). Последняя в настоящее время является главной опорой Польши Пилсудского и наиболее ярым врагом советской России.

27) «Очерки по истории социалистического движения в русской Польше» вышли на польском и русском языке (порусски более сокращенное издание) в изд. «Пролетариат» в 1904 г. Автором был указан Мазовецкий, это литературный псевдоним видного деятеля правых PPS—Кульчицкого.

28) «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» написано Лениным в сентябре 1902 г. и тогда же получило распространение в гектографированном издании. В 1903 г. перепечатано Сибирским Союзом РСДРП, а в 1904 г. переиздано в Женеве с добавлением предисловия и послесловия.

29) «С чего начать». Статья Ленина «С чего начать» была впервые напечатана в Искре № 4 в мае 1904 г. Ее организационные и тактические идеи легли потом в основу брошюры «Что делать». Перепечатана в собр. соч., т. IV.

30) «Credo»—изложение взглядов крайних ревизионистов и оппортунистов на задачи рабочего класса в России, стремившихся навязать рабочему движению чисто либеральную

программу действия. «Credo» подводило теоретический фундамент под взгляды русских экономистов. Оно написано в 1899 г. Кусковой.

31) Народная Воля. Партия «Народной воли» возникла в 1879 г. в результате раскола партии «Земля и воля», распавшейся на «Народную волю» и «Черный передел». Самая сильная и наиболее героическая из организаций, созданных крайним революционным крылом русской интеллигенции. Теоретические взгляды партии отражали общую неразвитость классовых отношений России 80-х годов и были проникнуты эклектизмом, в котором сочетались народнический (мелкобуржуазный) социализм и стремление к политической свободе, часто в весьма умеренной форме.

Метод борьбы «Народной воли»—террор, проводимый строго централизованной и законспирированной организацией с Исполнительным комитетом во главе. Партия имела связи в среде интеллигенции, студенчества, офицерства, вела отчасти пропаганду среди передового слоя рабочих. Она не сумела найти дорогу к широким массам, что дало возможность правительству жестокими преследованиями, казнями и провокацией разбить и разгромить партию.

32) «Письма к товарищам пропагандистам» вышли в Женеве в 1902 г. с предисловием Л. Мартова.

33) Надеждин Л. (псевдоним Е. О. Зеленского) (у. 1905 г.)—организатор и редактор изданий заграничной «Революционно-социалистической группы «Свобода» (1901—1903). Организовал в мае 1901 г. группу «Свобода». Пытался сочетать программу социал-демократии с проповедью террора. После II съезда РСДРП сотрудничал в меньшевистских изданиях.

34) Отчет сибирской делегации был издан в Женеве в 1903 г. под заголовком «Н. Троцкий. Второй съезд Рос. соц.-дем. рабочей партии. Отчет сибирской делегации». Стр. 36.

35) Смит Адам (1723—1790)—английский экономист, основатель классической школы политической экономии.

36) Аббат Сийес Эмануэль Жозеф (1748—1836)—французский политический деятель, был членом Учредительного собрания и революционного конвента, представителем

интересов буржуазии. Его конечный идеал—буржуазная олигархия.

37) Герцен А. И. (1812—1870)—крупный писатель и политический деятель, родоначальник народничества и русского либерализма. В 40-х годах стоял во главе русских западников и вел борьбу с славянофилами. Эмигрировав за границу, издавал «Полярную звезду» (1855—1869) и «Колокол» (1857—1867), в которых обличал императорский абсолютизм и требовал освобождения крестьян. В общине видел залог нового социального и политического строя.

38) Бакунин М. А. (1814—1871)—известный русский революционер-анархист. Участник германской революции 1848 года, участник ряда революционных выступлений в Европе. Принимал энергичное участие в деятельности I Интернационала. Идеолог и руководитель анархического движения в Европе. Идеи Бакунина в 70-х гг. занимали господствующее положение в среде русской революционной интеллигенции.

39) Череванин (Ф. А. Липкин)—с.-д. меньшевик крайне правого крыла, участник Стокгольмского и Лондонского съездов РСДРП, в годы реакции один из вождей ликвидаторов, во время империалистской войны оборонец, после Февральской революции—сторонник коалиции с буржуазией.

40 Брошюра Череванина «Организационный вопрос»—вышла в Женеве, в 1904 г., с предисловием Мартова.

41) Катедер-социализм—буквально: социализм, проповедуемый с университетских кафедр—одно из направлений буржуазной политической экономии, возникшее в противовес манчестерству, с его принципом невмешательства государства в свободное развитие экономических сил данной страны, и марксизму, проповедующему классовую борьбу и революционное ниспровержение капиталистического строя.

42) Шмоллер—известный катедер-социалист в 1873 г., основал союз социальной политики для пропаганды идеи государственного вмешательства в борьбу труда с капиталом путем улучшения условий труда и быта рабочих. Этот союз стремился парализовать влияние на немецкий рабочий класс социал-демократии.

43) Сибирский союзный комитет РСДРП в своем длинном и мотивированном заявлении написал, что он, «признавая меньшинство главным виновником все растущей смуты внутри партии, смуты, которая парализует дружную энергичную и планомерную работу, мы, не видя иного выхода, всецело присоединяем свой голос к заявлению представителей ЦК о скорейшем созыве третьего общепартийного съезда. Необходимым условием такого созыва должно стать: немедленное и широкое ознакомление всех действующих организаций с результатами II съезда».

44) Представители 3-х уральских комитетов. См. приложение.

45) Гейне Вольфганг—германский с.-д. один из родоначальников немецкого ревизионизма, активный сотрудник «Социалистических ежемесячников».

46) Жорес Ж. (1859—1914)—один из вождей французского социалистического движения. Известный парламентарий, народный трибун и историк. Не будучи чистым марксистом, в социалистическом движении он стоял на правом крыле и был противником марксистов-ортодоксов (Гэдистов) во Франции. В 1904 г. Жорес основал «L'Humanité»—центральный орган партии, руководя им до конца жизни. В своих выступлениях и писаниях, направленных против империализма, он отстаивает идеи пацифизма, идею народной милиции против постоянной армии и т. д. За день до объявления империалистической войны 1914 г. Жорес был убит французским «патриотом», опасавшимся его влияния на массы.

47) Васильев—псевдоним Ф. В. Легника, который был членом ЦК и Совета партии в 1903 и 1904 гг. до ареста.

48) Парвус—некогда видный работник немецкой и русской соц.-демократии, работал вместе с Троцким в «Начале», отстаивал идею «перманентной революции», член 1-го Петроградск. СРД в 1905 г. В империалистскую войну—злостный ренегат социализма, ставший защитником Вильгельма II и хищнической немецкой буржуазии.

49) Каутский, Парвус и Люксембург, будучи противниками Гейне и Жореса, высказались против «централизма» тов. Ленина. В № 66 «Искры» было помещено письмо Каутского к какому-то товарищу. В № 69 «Искры» напеча-

тана статья Р. Люксембург «Организационные вопросы социал-демократии». В них они высказываются за меньшевиков и ответственность за происходящую борьбу возлагают на Ленина.

50) Бебель А. (1840—1912)—один из основателей немецкой с.-д. партии и ее известнейший вождь. Бебель, занимая позицию центра, боролся против попыток Бернштейна, Рольмора и других оппортунистов перетянуть партию в сторону оппортунизма и коалиции с буржуазией. Один из вождей II Интернационала.

51) Робеспьер—один из вождей Великой французской революции, член Учредительного собрания (Генеральные штаты) и Конвента. Руководитель Клуба якобинцев и «Горы», крайней левой Конвента; фактический глава французского правительства (Комитет общественного спасения) в период наибольшего подъема революции (2 июня 1793 г.—27 июля 1794 г.). Его падение 9 термидора II года и последовавшая затем казнь были началом реакции.

52) 8 термидор—канун для переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.).

53) Конвент—верховный орган революционной власти народа в годы наивысшего подъема Великой французской революции (1792—1795 гг.). В Конвенте господствовала партия якобинцев—сторонников диктаторского централизма и беспощадной борьбы до террора включительно—со всеми врагами революции. Видные вожди Конвента: сначала Дантон, потом Робеспьер.

54) Дантон (1759—1794)—один из вождей и организаторов Великой французской революции. Период его наибольшего влияния с апреля по сентябрь 1793 г. Дантон был казнен по приговору революционного трибунала. Принадлежал к правому крылу якобинцев.

55) А. Мильеран (родился в 1859 г.)—лидер организованной им парламентской группы «радикал-социалистов», позднее примкнул к французской социалистической партии. Стоял на самом правом фланге социалистического движения, толкая его по пути прислужничества буржуазии.

56) Бланкисты—последователи французского социалиста О. Бланки (1805—1881), сторонники революции, посред-

ством захвата власти кучкой интеллигентов-заговорщиков, а не при помощи передового революционного класса общества — пролетариата.

57) Кривенко, С. Н. (1847—1907) — публицист народнического направления, сотрудник «Отечественных записок», «Русского богатства», редактор народнического «Нового слова» и «Сына отечества».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

